ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

ИНСТИТУТ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

БЛИЖНИЙ ВОСТОК И СОВРЕМЕННОСТЬ

Сборник статей

ВЫПУСК СОРОК ШЕСТОЙ

Москва
2012

Научное издание

Ближний Восток и современность
Сборник статей (выпуск сорок шестой)
М., 2012, 296 стр.

Ответственные редакторы: М.Р. Арунова,
В.А. Исаев,
А.О. Филоник

Сборник посвящен широкому кругу проблем, связанных с ситуацией на Ближнем и Среднем Востоке. Предлагаемые статьи являются исследованием конкретных вопросов странового и общего порядка, имеющих актуальное научное и практическое значение и раскрывающих суть некоторых явлений и процессов локального и регионального масштабов.

Книга предназначена для специалистов-востоковедов, а также для всех тех, кто следит за динамикой событий в ближневосточном регионе.

Мнение авторов статей может не совпадать с точкой зрения Института.

ISBN 978-5-89394-235-4

ISBN 978-5-89394-235-4

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт востоковедения РАН
© Институт Ближнего Востока

СОДЕРЖАНИЕ

Г.Л.Гукасян
ПОЛИТИКА МОДЕРНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ АРАБСКИХ ЭМИРАТОВ 4

В.А.Исаев
АРАБСКИЕ НЕФТЬ И ГАЗ: СРЕДНЕСРОЧНЫЙ СЦЕНАРИЙ РАЗВИТИЯ 24

Г.Г.Косач
САУДОВСКАЯ АРАВИЯ: ВЛАСТЬ, УЛЕМЫ И АНТИСИСТЕМНАЯ ОППОЗИЦИЯ (БОГОСЛОВСКО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОТВЕТ ПРОТИВНИКАМ РЕЖИМА) 37

Е.С.Мелкумян
ГОСУДАРСТВО КАТАР: ХРОНИКА И ПАРТНЕРЫ ВНЕШЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ 77

А.Б.Подцероб
ИСТОРИЯ РОССИЙСКО-МАРОККАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ: ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ, ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ 94

Л.Н.Руденко
ПРОБЛЕМЫ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ АРАБСКИХ СТРАН.. 113

В.В.Сергеев
НОВАЯ СТРАТЕГИЯ ПРЕЗИДЕНТА США Б.ОБАМЫ В ВОЕННОЙ КАМПАНИИ В АФГАНИСТАНЕ 135

Г.И.Смирнова
РЕСПУБЛИКА СУДАН ПОСЛЕ РАЗДЕЛА: ПРОБЛЕМА НЕФТИ ВО ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ ОБЕИХ СТРАН 145

Е.Э.Успенский
ИНВЕСТИЦИОННЫЙ КЛИМАТ В АРАБСКИХ СТРАНАХ В СВЕТЕ СОБЫТИЙ В РЕГИОНЕ 158

А.О.Филоник
ДЕСТАБИЛИЗАЦИЯ В АРАБСКОМ МИРЕ И ЗАПАДНЫЙ ФАКТОР..... 174

Владимир (Зеэв) Ханин
ИЗРАИЛЬ И «ХАМАССТАН» В СЕКТОРЕ ГАЗЫ: АСПЕКТЫ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ..... 214

Владимир (Зеэв) Ханин
ИЗРАИЛЬ И ПУТИ РЕШЕНИЯ ИРАНСКОЙ ЯДЕРНОЙ ПРОБЛЕМЫ 232

В.С.Шевченко
ПОСТКРИЗИСНЫЙ ПЕРИОД РАЗВИТИЯ ЛИВАНА (1990–2012 гг.) 250

Г.Л.Гукасян

ПОЛИТИКА МОДЕРНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ АРАБСКИХ ЭМИРАТОВ

Изучение процессов развития в арабском мире предполагает выявление модели, в рамках которой оно происходит. Одна из них предстает в виде модернизации ОАЭ. Она основана на целеустремленном проведении в жизнь принципов экономической и социальной политики, краеугольным камнем которой является попытка заменить нефтедоллары другими источниками национального дохода.

Модель модернизации Эмиратов при всей ее специфике остается неким образцом в арабском мире, особенно после того, как была доказана нежизнеспособность тунисской и египетской моделей экономического развития во время «арабской весны». Если модернизация Эмиратов является вариантом присоединения арабских экономик к глобальному мировому хозяйству, то на примере их экономической политики видно, что этот процесс сконцентрирован на повышении конкурентоспособности экономики. В этом случае базой модернизации выступает постоянная диверсификация экономической структуры.

Несмотря на последствия мирового кризиса, ОАЭ сохранили довольно высокие позиции по основным индикаторам конкурентоспособности стран в мировой экономике, отражаемым в соответствующих индексах Всемирного экономического форума, Всемирного банка и других. Так, в рейтинге Всемирного банка стран по удобству ведения бизнеса на 2012 г. ОАЭ поставлены на 5-е место в мире и на первое среди арабских стран, а в целом по уровню глобальной конкурентоспособности в 2011 г. ОАЭ заняли 27-е место в мире.[1] По ряду других показателей глобальной конкурентоспособности ОАЭ вошли в 2011 г. в первую десятку стран мира. Среди них – 3-е место в мире по безопасности и стабильности (что влияет на условия предпринимательской деятельности), 4-е – по качеству инфраструктуры воздушного транспорта, 5-е – по эффективности

управления государственными финансами, внедрению новых технологий в управлении, 7-е – по простоте таможенных процедур, 30-е – по индексу человеческого развития ООН.[2]

Все это, безусловно, отражает сдвиги в развитии страны. Однако сущность модели ОАЭ не только в индексах. В ее основе лежит стремление максимально быстро трансформировать доходы от нефти и газа в принципиально новую структуру хозяйства, которая должна копировать образцы хозяйственных систем развитых и новых индустриальных стран. Способом претворения в жизнь стратегии является вкладывание средств в новую экономику, строительство новой экономической инфраструктуры, «покупка», в положительном смысле этого слова, новых компонентов условий развития.

Осуществление подобных планов лучше всего заметно на примере Дубая, так как, имея намного меньше нефти, чем Абу Даби, он был поставлен перед поиском ненефтяной модели развития раньше. Дубай должен был указать обществу какой-то путь «после нефти», об истощаемости которой не раз говорилось. В связи с этим был избран план быстрого строительства деловой и хозяйственной инфраструктуры ненефтяных секторов с одновременным их открытием инвесторам со всего мира на льготных условиях. Ассигнования не были пустой тратой средств, ибо это были вложения в экономику. Такую стратегию можно назвать воплощением на практике теории конкурентоспособности Портера, согласно которой в обретении конкурентных факторов многое зависит именно от государства.

Для Дубая «воротами» к ненефтяному сектору стало быстрое подключение к мировым коммерческим и финансовым потокам за счет создания свободных экономических зон, увязанных с транспортными узлами. Первым таким деловым районом стал порт Мина (порт Рашид), построенный в 1972 г., и уже к 1978 г. принимавший крупнейшие контейнеровозы. А к 1979 г. в Дубае был сооружен самый большой в мире порт Джебель-Али, который стал штаб-квартирой третьей в мире компании – портового оператора “Dubai Ports”, а сам Дубай в 2004 г. стал третьим по величине реэкспортным центром в мире, конкурируя с Гонконгом и Сингапуром. В 1985 г. первые 10 млн. долл. были вложены в создание авиакомпании «Emirates», которая обеспечила доставку иностранных туристов в Дубай и стала высокорентабельной (например, в 2004–2005 г. «Emirates» выплатила правительству Дубая дивиденды в размере 100 млн. долл.).[3]

Следующая инициатива – создание в Дубае Всемирного торгового центра, для которого в 1979 г. было построено самое большое здание на Ближнем Востоке. Здесь возник крупнейший в регионе выставочный комплекс, была образована Дубайская школа государственного управления по аналогии с Гарвардской школой бизнеса.

Сегодня в Дубае, как и в ОАЭ в целом, продолжается создание грандиозной инфраструктуры современной экономики с новыми секторами хозяйства, включая обрабатывающую промышленность, технологические кластеры для «экономики знаний», ведется строительство дорог, отелей, торговых и туристических центров, жилых кварталов для того, чтобы «подтолкнуть» экономическое развитие. Все это открывает новую фазу развития, предусмотренную программой «Видение Дубая 2010» и «Стратегическим планом Дубая до 2015 г.», одной из целей которых стала стратегия создания в Дубае «экономики знаний».[4]

Для этого использован механизм создания свободных экономических зон (СЭЗ), где компании получают упрощенные режимы регистрации и ведения хозяйственной деятельности, налоговые льготы. В Дубае одним из таких проектов стало учреждение в 1999 г. СЭЗ – технопарка Dubai Internet City, где на площади 30 млн. кв. футов земли (1 фут = 0,3 кв. м.) за год «осели» 118 компаний в сфере информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), включая Microsoft, Oracle, IBM, Dell, Siemens, Sony Ericsson. Ныне этот кластер включает более 600 компаний, образовавших совместные предприятия. Этот кластер имеет характеристики более интегрированного территориально-производственного комплекса, чем Силиконовая долина в США.[5] Помимо этой зоны, создан ряд других, таких как Dubai Media City, Dubai Studio City, Dubai Health Care City, Dubailand, Dubai Humanitarian City, Dubai Knowledge Village, Dubaiotech, Dubai Industrial City.

Основой для развития финансовой сферы стал Международный финансовый центр Дубая, а для максимального развертывания экономики туризма реализован ряд инфраструктурных проектов, таких как «Медина Джумейра» – воссоздание традиционного арабского города с рынками, дворцами, каналами, курорт Bab al-Shams – искусственный оазис в пустыне и остров Palm. Дубай превращен в мировой центр шопинга, что достигнуто путем создания массы торговых центров (более 40 крупнейших и 3 тыс. обычных) и предоставления торговым

компаниям льгот, обеспечивших приток товаров со всего мира со скидками.

Можно утверждать, что, по меньшей мере, ОАЭ стали рынком, привлекательным для иностранных инвесторов, мировым центром коммерческой активности, туризма. До кризиса 2008–2009 гг. постоянно росли цены на недвижимость в Дубае и в целом в ОАЭ, повышались курсы акций местных компаний. Только с 2004 по 2008 г. ВВП ОАЭ вырос более чем в 2 раза – с 387,8 млн. дирхамов (105,6 млрд. долл.) до 934,3 млрд. (около 254,4 млрд. долл., 1 доллар = 3,66 дирхама). Уже в 2008 г. ненефтяной сектор стал наиболее крупной частью экономики ОАЭ, причем основное место занимали такие отрасли, как торговля (16% ВВП), промышленность (12%), недвижимость (8%), строительство (7%), финансы (7%). Основной вклад в рост ВВП внесли, разумеется, эмираты Абу Даби и Дубай, соответственно 56% и 32% (2008 г.), а Дубай стал лидером ненефтяного роста экономики, так как 50% ненефтяной части ВВП Федерации создал Дубай, 32% – Абу Даби и 11,1% – Шарджа. В 2009 г. вклад ненефтяных отраслей в ВВП ОАЭ оценивался примерно в 71%.[6]

Рассматривая структуру экономического роста ОАЭ более подробно, целесообразно оценить такие компоненты, как потребление, инвестиции, валовое накопление основного капитала, чистый экспорт. Их динамика указывает на то, что потребительские расходы в ОАЭ в последние годы стали очень значительным компонентом. Так, с 2004 по 2008 гг. они возрастали в среднем на 20%, а в абсолютном выражении увеличились с 246,1 млрд. дирхамов в 2004 г. до 511,7 млрд. дирх. в 2008 г. Расходы частного сектора, например, в 2008 г. достигли 83%, или 425,2 млрд. дирх., в общих расходах. Это явление отражало значительный рост влияния потребительского спроса на ВВП, показывая, что он был едва ли не главной движущей силой экономического роста. Таким образом, структура хозяйства ОАЭ смещалась от нефтяной к потребительской.[7]

Кроме того, увеличение валового накопления основного капитала прежде всего в частном секторе ОАЭ, практически удвоилось за несколько лет, с 2006 по 2008 гг., достигнув 217,3 млрд. дирх., что отражало массивные инвестиции, которые деловые круги за последние несколько лет осуществили в партнерстве с государственным капиталом, и это не могло

не внести свой вклад в экономический рост ОАЭ. Такие объемы инвестиций имели место в благоприятные годы до кризиса, поскольку ожидалось, что вложенные капиталы будут быстро окупаться. Увеличение инвестиций в основной капитал в частном секторе свидетельствовало о расширении масштабов частного сектора в предкризисные годы. Поскольку оно происходило наряду с ростом государственных инвестиций, которые возрастали в среднем на 13% в период 2004–2008 гг., увеличившись с 15,2 млрд. дирх. в 2004 г. до 25,1 млрд. дирх. в 2008 г., можно судить о катализирующем влиянии государственных финансовых вложений в развитие.

Анализируя роль ненефтяных секторов в экономическом росте ОАЭ, а следовательно, и сдвиги в хозяйственной структуре под влиянием политики модернизации, можно констатировать, что агрессивная финансовая и кредитно-денежная политика властей активно подталкивала рост различных секторов ненефтяной части экономики. Оба крупнейших эмирата проводили практически сходную, скоординированную стратегию максимально возможного смещения структуры хозяйства в сторону увеличения ненефтяных секторов. Основными отраслями, конечно, выступали уже упомянутые торговля, транспортно-складское хозяйство, финансовый сектор. Но важно, что был отмечен высокий вклад обрабатывающей промышленности в развитие ненефтяного ВВП, что наблюдалось в 2008 г. (12,1%). Что касается сектора недвижимости и деловых услуг, то произошло определенное снижение его вклада в валовой продукт, после того, как этот вклад достиг пика в 9,1% в 2007 г., в 2008 г. его доля снизилась до 8,4%.

Значение финансового сектора в стратегии ненефтяного развития остается весьма значительным, по крайней мере, ставка, которая делалась на сектор до кризиса 2008–2009 гг., была весьма высокой. Его доля составляла в ВВП ОАЭ в 2007 г. 7,1%, разумеется, в основном благодаря вкладу Абу Даби и Дубая, которые, соответственно, обеспечили 40,7% и 41,7% вклада в общий финансовый сектор Эмиратов. Эти секторы испытали ощутимый удар в ходе кризиса 2008–2009 гг., что, в свою очередь, снизило кредитные возможности рынка ОАЭ. И в этом плане Дубай испытал наибольшее напряжение, так как его вклад в финансовый сектор ОАЭ упал до 39,7%, в то время как вклад Абу Даби увеличился до 41,4% (Табл. 1).

Таблица 1

Доля финансового сектора отдельных эмиратов ОАЭ в общем финансовом секторе (%)

	2005	**2006**	**2007**	**2008**
Абу Даби. Доля в финансовом секторе ОАЭ	38,7	40,9	40,7	41,4
Дубай. Доля в финансовом секторе ОАЭ	47,5	44,7	41,7	39,7
Шарджа. Доля в финансовом секторе ОАЭ	8,6	9,0	11,0	11,9
Прочие эмираты. Доля в финансовом секторе ОАЭ	5,1	5,4	6,5	7,1

Источник: United Arab Emirates Economic Brief and Outlook 2011. KAMKO Research. April 2011, с. 10.

Несмотря на рост ненефтяных секторов в предкризисные годы, важно учитывать, что доходы от экспорта и дополнительные доходы государственного бюджета продолжали выступать источником обеспечения финансовых фондов для крупномасштабных инфраструктурных и других государственных проектов развития, которые способствовали превращению ОАЭ в региональную экономическую державу.

Политика модернизации Эмиратов строилась на основе государственных финансов. В период до финансового кризиса (2001–2007 гг.) нефтегазовые доходы превышали 70% всех государственных доходов ОАЭ и выросли с 51,6 млрд. дирх. в 2001 г. до 176,3 млрд. дирхам в 2007 г. Значительные колебания цен на нефть на мировом рынке оказывали заметное влияние на финансовую систему ОАЭ, что ощущалось, например, в 2001 и 2002 гг., когда снижение доходов от нефти с 51,6 млрд. дирх. в 2001 г. до 40,9 млрд. дирх. в 2002 г. привело к бюджетному дефициту.

Увеличение нефтяных доходов вследствие роста цен на нефть в 2003–2005 гг., наоборот, позволило увеличить финансовые доходы государства, в 2005 г. был получен рекордный профицит государственного бюджета в 39,47 млрд. дирх. После этого ОАЭ удалось продолжить наращивание профицита бюджета, который к 2007 г. почти удвоился, достигнув 69 млрд. дирх.[8]

С точки зрения государственных расходов, важно влияние текущих расходов, в т.ч. на заработную плату, трансферты и субсидии, государственные закупки и др., которые в 2001–2007 гг.

составляли около 81% общих расходов. При этом капитальные расходы в абсолютном выражении демонстрировали возрастающий тренд со средним темпом роста в год около 4%. Они увеличились с 13,3 млрд. дирх. в 2001 г. до 17,3 млрд. дирх. в 2007 г., что отражало вклад государства в инфраструктурные проекты.

В ОАЭ наблюдалось постепенное повышение уровня инфляции, которая возросла с 2001 по 2008 гг. с 2,8% до 12,3%. Резкий ее подъем в 2007–2008 гг. объяснялся ускоренным выполнением стратегии экономического роста, осуществляемой в этот период. Отчасти рост цен на недвижимость, жилье, продукты питания и другие товары объяснялся ростом цен на мировом рынке и увеличением затрат ОАЭ на импорт ввиду ослабления доллара США по отношению к евро и другим валютам. Однако падение товарных цен вследствие мирового кризиса и укрепление курса доллара привели после 2008 г. к сокращению инфляции, которая в 2009 г. снизилась до рекордного уровня в 1,56%. Естественно, что с оживлением экономической конъюнктуры инфляция, скорее всего, будет повышаться, но главное, чтобы ее уровень не выступал фактором снижения инвестиционных возможностей и инвестиционных программ. Это уже будет зависеть от того, как хозяйственная система ОАЭ станет развиваться в ближайшие годы, и во многом от достижений в стратегии модернизации, от политики регулирования экономики ОАЭ.

Заметно, что в последние годы индикатором экономического развития ОАЭ продолжает выступать состояние внешней торговли, особенно экспорта. Если посмотреть на предкризисные годы, общая стоимость экспорта ОАЭ в 2008 г. достигла 878,5 млрд. дирхамов по сравнению с 656 млрд. дирх. в 2007 г. (рост на 34%). Этот рост был вызван нефтегазовым экспортом, ибо в 2008 г. экспорт сырой нефти ОАЭ увеличился на 40% и достиг 313,7 млрд. дирх., а экспорт газа возрос на 37%, до 39,1 млрд. дирх. Результатом стал общий рост нефтегазового экспорта ОАЭ на 38%, или до 374,9 млрд. дирх., по сравнению с 271,1 млрд. дирх. в 2007 г. Однако в 2009 г. общая сумма экспорта упала на 20% до 705,8 млрд. дирх., именно вследствие падения экспорта нефти и газа, соответственно на 37% и 22%. Снижение экспорта находилось в прямой зависимости со снижением цен на нефть и спроса на нее на мировом рынке (см. также Табл. 2). Отсюда видна невозможность компенсировать падение цен увеличением объема продажи нефти.

Таблица 2

Структура торгового баланса ОАЭ,
млн. дирхамов

	2007	**2008**	**2009***
Нефтяной экспорт, в т.ч.:			
Сырая нефть	224647	313735	198773
Нефтепродукты	17981	22100	20000
Газ	28500	39080	30500
Всего нефтяной экспорт	271128	374915	249273
Ненефтяной экспорт, в т.ч.:			
Экспорт из СЭЗ	83700	97455	96200
Экспорт не из СЭЗ	42068	60359	66035
Всего ненефтяной экспорт	125768	157814	162235
Реэкспорт	259124	345779	294320
Всего экспорт и реэкспорт	656020	878508	705828
Импорт	485169	647417	551068
Сальдо торгового баланса	170851	231091	154760

* оценка
Источник: United Arab Emirates Economic Brief and Outlook 2011. KAMKO Research. April 2011, с. 15.

Таким образом, продолжится опора на экспорт нефти как источник поддержания программ модернизации. При этом важно, что ненефтяной экспорт ОАЭ возрастал. В 2008 г. его рост был рекордным, 25%, а стоимость экспорта составила 157,8 млрд. дирхам. Но и в 2009 г. рост не был отрицательным, составив 3%, что говорит о запасе устойчивости ненефтяного сектора.

Из общего объема ненефтяного экспорта ОАЭ очень большая доля в 29,7% в 2008 г. была реализована в Индию, что говорит об укреплении интеграции с новыми индустриальными экономиками. Что касается экспорта предприятиями свободных экономических зон ОАЭ, то здесь в 2009 г. произошло его снижение на 1%, против повышения на 16% в 2008 г. Но

это может свидетельствовать о выводе инвестиций в условиях опасения новой фазы мирового кризиса.

Еще одним индикатором экономического развития, движимого спросом, является импорт, который испытал снижение на 15% в 2009 г. до 551,1 млрд. дирх. по сравнению с 647,4 млрд. дирх. в 2008 г. Однако перед началом финансового кризиса общая стоимость импорта ОАЭ показывала тренд роста на 23% в среднем за год в течение 7 лет, и он вырос со 120,5 млрд. дирх. в 2001 г. до 647,4 млрд. дирх. в 2008 г.

Несмотря на снижение внешнеторговой активности, приведшее к общему снижению внешнеторгового оборота ОАЭ на 34% в 2009 г., внешнеторговый баланс Эмиратов сохранил устойчивое положительное сальдо в размере 154,8 млрд. дирх. в 2009 г., по сравнению с 231,1 млрд. дирх. в 2008 г. Однако без нефти торговый баланс имеет дефицит, что было видно в последние годы (например, дефицит ненефтяного внешнеторгового баланса в 100,3 млрд. дирхам в 2007 г., 143,8 млрд. в 2008 г., 94,5 млрд. в 2009 г.).[9]

Вместе с тем в 2009 г., во время резкого падения нефтяного экспорта ОАЭ и определенного увеличения ненефтяного экспорта, ненефтяной внешнеторговый дефицит снизился. Поэтому можно говорить о положительных сдвигах в развитии ненефтяного экспорта, хотя еще не решающих. Данные таблицы 2 подтверждают, что ненефтяной экспорт, при всех колебаниях, может достигать 50% и более от суммы нефтяного экспорта.

В целом в 2010 г., например, объем экспорта ОАЭ составил 235 млрд. долл., и ОАЭ были 13-м крупнейшим экспортером мира, опережая по экспорту две крупнейшие страны БРИКС – Бразилию и Индию, а также Австралию и Малайзию. В 2010 г. ОАЭ были 18-м крупнейшим в мире импортером с объемом импорта 170 млрд. долл. Естественно, что благодаря оживлению внешней торговли в 2010 г. экономика ОАЭ улучшила свое состояние и стала достаточно быстро компенсировать последствия кризиса, так как экспорт вырос на 27%, а импорт на 13%. Оборот ненефтяной внешней торговли возрос в 2010 г. на 14% (до 206 млрд. долл.) от общего внешнеторгового оборота, равного 405 млрд. долл.

Эмираты в 2010 г. экспортировали 2,4 млн. баррелей нефти в сутки, по средней цене около 78 долл. за баррель, получая средний доход до 187 млн. долл. в день. Подъем цен на нефть в 2011 г. позволил увеличить эти доходы. Однако массивное

увеличение нефтяных доходов ОАЭ не вызвало заметного оживления курсов ценных бумаг на их финансовом рынке ОАЭ, причиной чему была концентрация этих капиталов в депрессивных секторах – банковском и недвижимости. В общем влияние возрастающего притока капиталов в ОАЭ, как и в других странах Залива, оказывало благоприятное влияние на восстановление экономики после кризиса.[10]

По данным федеральных органов таможенной службы ОАЭ, которые имелись в начале 2012 г., в 2011 г. наблюдался рост внешнеторгового оборота, помимо нефти, который за первые 10 месяцев 2011 г., с января по октябрь, возрос на 22%. Оборот ненефтяной части внешней торговли ОАЭ в этот период вырос, по сравнению с аналогичным периодом 2010 г., с 622,5 млрд. дирх., до 759,8 млрд. дирх. При этом импорт вырос на 24%, с 399,2 млрд. дирх. до 493,8 млрд., а экспорт – на 34%, с 70,2 до 93,9 млрд. дирх. Темп роста экспорта обогнал темп роста импорта, хотя в абсолютном выражении экспорт в нефтяной экономике ОАЭ, естественно, остается намного меньше ненефтяного импорта. Реэкспорт за этот период увеличился на 12%, с 153 до 172,1 млрд. дирх.[11]

Таким образом, в прошедшие годы состояние экономического развития и макроэкономическое регулирование ОАЭ было связано с динамикой цен на нефть на мировом рынке. Средние цены, находившиеся в 2009 г. на уровне около 60,25 долл. за баррель, в конце 2009 г. оказались на 36% ниже, чем средние цены в 2008 г. (около 94,26 долл. за барр.). Резкое снижение сказалось на макроэкономических показателях ОАЭ в 2009 г., так как доходы от нефти оставались существенным источником государственных доходов. Однако благодаря тому, что в течение 2009 г. уровень цен на нефть стал снова возрастать, в 2010 г. средний уровень цен был на 28% выше, чем в 2009 г., и их рост продолжился и в 2011 г., и цены превзошли отметку в 110 долл. во многом из-за политической нестабильности на Ближнем Востоке. Повышение цен на нефть очень удачно скомпенсировало для ОАЭ последствия экономического спада, так как государство направило дополнительные доходы на стимулирование экономического роста, при этом были повышены и инвестиционные показатели ОАЭ.

Динамика показателей нефтяного и ненефтяного компонентов экономического роста ОАЭ за ряд лет может быть представлена следующим образом (Табл. 3).

Таблица 3

Динамика показателей нефтяного и ненефтяного ВВП ОАЭ (2002–2009)

млрд. дирхам ОАЭ	**2002**	**2003**	**2004**	**2005**	**2006**	**2007**	**2008**	**2009**
Номинальный ВВП	272,9	321,8	387,8	506,8	643,5	758,0	934,3	914,3
Изменение за год (%)	7	18	21	31	27	18	23	-2
Нефтяной ВВП	73,1	93,0	123,9	182,5	220,5	253,8	344,1	267,0
Изменение за год (%)	-3	27	33	47	21	15	36	-22
% от ВВП	27	29	32	36	34	33	37	29
Ненефтяной ВВП	199,8	228,7	263,9	324,3	423,0	504,3	590,1	647,3
Изменение за год (%)	11	14	15	23	30	19	17	10
% от ВВП	73	71	68	64	66	67	63	71

Источник: UAE National Bureau of Statistics 2011.

Экономические показатели ОАЭ 2008–2009 гг. выявили, что их хозяйство еще продолжает оставаться в немалой степени зависимым от углеводородного сектора, хотя масштабы экономического роста за ряд последних лет привели к трансформации, которая поставила экономику ОАЭ на уровень мировых рейтингов конкурентоспособности. В 2008 г. на углеводородный сектор пришлось более трети ВВП.[12] Однако в 2008 г. ухудшение экономической ситуации в стране реально проявилось в отмене ряда важнейших проектов, снижении прибылей компаний в ОАЭ, ослаблении инвестиционных рейтингов страны. Экономическая конъюнктура во многом определялась ожиданиями инвесторов и сведениями о государственных расходах.

Нужно отметить, что прямые иностранные инвестиции в ОАЭ сосредоточены прежде всего в электроэнергетике, добыче и переработке газа, водоснабжении, которые развиваются государством очень активно. При этом в Абу Даби в 2008 г., по данным Статистического ежегодника Абу Даби за 2011 г., 24,6% инвестиций приходилось на недвижимость и коммерческие услуги, 11% – страхование и финансовые институты и только 6,8% – на промышленность.[13]

Экономика Дубая, отличающаяся от Абу Даби меньшей ролью нефтяного сектора, оказалась еще более зависимой от мирового финансового кризиса, в первую очередь вследствие спада в секторе строительства и сфере услуг. В результате выросла роль долговых инструментов финансирования приоритетных задач экономического развития и диверсификации хозяйства. Соответственно, ухудшение платежеспособности государственных и квазигосударственных предприятий вело к стагнации хозяйства Дубая, сокращению экономической активности.

Существует мнение о том, что после экономического цикла 2005–2010 гг., включившего подъем и спад, экономика ОАЭ продемонстрировала способность к стабилизации.[14] Вместе с тем кризис нанес удар по коммерции, недвижимости и туризму в Дубае, хотя уверенность инвесторов в основном была восстановлена путем реструктуризации задолженности и помощи банкам из бюджета ОАЭ. Кризис привел к сокращению числа туристов более чем на 20%, падению цен на номера в отелях более чем в три раза. Возникшая в связи с кризисом задолженность холдинга Dubai World оценивается в 25 млрд. долл. В 2011 г. она была реструктурирована. Однако у населения Дубая возникли некоторые сомнения в устойчивости собственной экономической модели с ее ставкой на недвижимость, финансы, туризм, что нашло свое отражение в местных СМИ.[15] Правда, такая модель развития, как в Дубае и в целом в ОАЭ, детерминирована давлением глобальной экономики и реальными возможностями страны. Она может быть скорректирована в будущем, если власти смогут развить «экономику знаний», «человеческий капитал», новые промышленные сектора, соответствующие целям, официально включенным в стратегию развития.

На примере стратегии модернизации ОАЭ и Дубая особенно видны ее минусы. Эта модель экономики является по сути просто «витриной глобализации» в арабском мире, имеет колоссальную зависимость от во многом спекулятивной сферы мирового хозяйства; очень значительные энергетические затраты и нагрузку на экологию в местных условиях (охлаждение песка на пляжах и т.п.); гигантскую зависимость от иностранной рабочей силы (причем имеет место ненормированная эксплуатация иностранных рабочих из многих стран Азии, о чем поднимают вопрос правозащитные организации, такие как Human Rights Watch).

В принципе, эти проблемы могут быть решены, если будет политическая воля, а также удастся осуществить трансформацию нефтедолларов в технологическое развитие, энергосберегающие и снижающие экологическую нагрузку на окружающую среду проекты. Такие технологические программы для ОАЭ уже разработаны.

К положительным же сторонам стратегии ОАЭ можно отнести следующие: максимально возможное по темпам перемещение хозяйственной деятельности из сырьевого сектора в несырьевые за счет активной экономической политики государства; эффективное на сегодня частно-государственное партнерство и предотвращение хаотичности рынка посредством управления через холдинги с государственным участием; создание благоприятных условий жизни для граждан ОАЭ, получающих оплату труда, сопоставимую с уровнем оплаты труда в экономически развитых государствах.

Как известно, в ОАЭ высока оплата труда граждан и специалистов из промышленно развитых стран. Например, в сфере ИКТ менеджеры получают в среднем до 325 тыс. долл. в год, управленцы в строительстве – до 220 тыс. долл., средний заработок преподавателя ВУЗа равен 120 тыс. в год, офис-менеджера – в среднем 100 тыс. долл. в год и т.д.[16] Дизайнер интерьеров зарабатывает от 10 до 30 тыс. дирхамов в месяц без бонусов, которые составляют от 2,732 тыс. долл. до 8,2 тыс. долл. в месяц.[17] При этом местное население чаще всего имеет жилье, предоставленное государством на льготных условиях, не расходует больших средств на наем жилищной площади.

Правящим кругам ОАЭ удалось создать и поддерживать систему социальных отношений так называемого «социального контракта», при которых политическая стабильность в обществе привязана к гарантиям социального статуса, экономических выгод и привилегий для коренных граждан ОАЭ. Надо сказать, что среди населения ОАЭ эта система в целом одобряется, причем, по мнению зарубежных экспертов, в ОАЭ существует стойкое недоверие к любым идеям демократических реформ, привнесенных извне, особенно из США, вследствие чего они больше доверяют правительственному курсу реформ, который и формирует синтез либерально-государственной модели экономики.

В общем, новая экономика ОАЭ создается прежде всего в интересах коренных граждан, и в этом, безотносительно к фак-

тору негативного воздействия мирового кризиса на местное хозяйство, состоит немалое преимущество этой модели модернизации, которая с самого начала строится на социально-ориентированной экономике. Одновременно проводится линия на формирование культурной среды, максимально удобной для приезжих из любой точки мира, то есть не подчеркивается какого-либо приоритета мусульманской или национальной традиции и культуры, чтобы туристы и предприниматели из-за рубежа чувствовали себя так же, как в любой стране Европы. В этом аспекте в экономической политике ОАЭ деловые экономические интересы превалируют над традициями и обычаями, о чем не раз заявлялось.

В политике модернизации ОАЭ большое место занимает организация рыночной среды, поскольку этого требует курс на строительство конкурентоспособной рыночной экономики, в которой правительство расширяет принципы конкуренции и либерализации. Большое внимание уделяется совершенствованию правовой и институциональной среды для предпринимательства, которая при этом остается подконтрольной правительству через различные механизмы институционального характера. Одним из них является распределение долей рынка в рамках управления процессом приватизации, другим – создание квазигосударственных предприятий и распределение государственных контрактов. Определенные привилегии получили крупные торговые семьи ОАЭ. Кроме того, возникли особые конгломераты, в которых нет четкого разграничения между частным и государственным капиталом (как, например, в холдинге Dubai Ports World).

Государственный капитал в ОАЭ широко вовлечен в экономическую активность. Вместе с тем часть экономики широко открыта частному капиталу. Это прежде всего деятельность в свободных экономических зонах, где разрешены создание полностью принадлежащих частному капиталу компаний, полная репатриация прибыли. Многие деловые возможности для иностранцев открыты и в других отраслях хозяйства, помимо СЭЗ, в том числе в таких, как телекоммуникации, энергетика. Некоторые авторы полагают, что таким образом экономика ОАЭ трансформируется из контролируемой государством монополии в контролируемую государством дуополию.[18]

Власти ОАЭ видят в качестве одного из направлений повышения конкурентоспособности и производительности эконо-

мики либерализацию внешней торговли, укрепление роли ОАЭ как мирового реэкспортного центра, в особенности через свободные экономические зоны. Как было отмечено выше, имеет место рост ненефтяного экспорта ОАЭ. Этому во многом способствовало то, что власти ОАЭ прилагают большие усилия для заключения соглашений о режимах наибольшего благоприятствования и свободной торговли с крупнейшими торговыми партнерами – Сингапуром, Китаем, Индией, Кореей, ЕС, США.

Важной составной частью стратегии модернизации ОАЭ выступает активная политика содействия росту роли и влияния частного сектора. Создаются наиболее благоприятные условия для работы частных компаний, формируется наиболее подходящая для частного сектора деловая среда с минимумом бюрократических процедур.

Все отмеченные направления политики экономической модернизации опираются на стратегическое планирование как важную составную часть экономического развития. Стратегические планы принимаются на высшем государственном уровне, но подлежат периодическому пересмотру и корректировке. Наряду с детализированными планами экономического развития Абу Даби до 2030 г., Дубая до 2015 г. существует стратегия развития ОАЭ на уровне федерального правительства. Она охватывает сферы социального и экономического развития, законодательства и безопасности, инфраструктуры и развития сельских районов. Особое внимание уделено образованию и здравоохранению. Вследствие мирового финансово-экономического кризиса федеральная стратегия и стратегии Абу Даби, Дубая и других эмиратов, конечно, подвергаются корректировке. Однако финансовые резервы ОАЭ пока позволяют продолжать избранные направления развития, как было заявлено на федеральном уровне. При этом экономические реформы получат больший приоритет, чем политические. Однако будет продолжена институциональная реформа, направленная на структурное совершенствование государственного аппарата и его функционирования.

В целом государственный аппарат ОАЭ подчинен цели поддержания стабильного развития, и, намечая новые инициативы в развитии, власти стремятся опробовать лучшие решения в экономической политике и способы повышения эффективности институтов управления из опыта других стран. Пример этого – создание в сфере образования ОАЭ филиалов самых известных

зарубежных университетов и других учебных заведений, даже в ущерб развитию национальных образовательных институтов.

Вероятно, в ближайшие годы ОАЭ смогут сохранить основные факторы роста и диверсификации своей экономики. Одним из наиболее значимых в этом отношении факторов выступают достаточно большие и имеющие эффект инвестиции в материальную и социальную инфраструктуру, как государственные, так и частные. Другим фактором является стабильная макроэкономическая среда, поддержание которой обеспечивает низкий уровень инфляции и стабильный, отчасти фиксированный курс валюты, что достигается за счет политики государства.

Помимо этого, весьма важный фактор развития ОАЭ заключается в высокой капитализации экономики и отсутствии ограничений на вложения и изъятия капитала. Эти факторы имеют эффект в сочетании с постоянным притоком дешевой иностранной рабочей силы из стран Азии. До последнего времени на этапе широкого создания инфраструктуры модернизируемой экономики фактор наличия этих трудовых ресурсов, хотя и малоквалифицированных по большей части, способствует поддержанию деловой активности и экономического роста. В перспективе же, по оценкам специалистов, большее значение может приобрести проблема квалифицированной рабочей силы, которая имеет более высокую оплату труда.

ОАЭ сталкиваются с вызовом в вопросе подготовки национальных кадров. Если частные инвесторы в настоящее время широко привлекают иностранную рабочую силу, то в государственном и квазигосударственном секторе заняты в большом количестве национальные кадры. Уровень их оплаты гарантируется, его занижение недопустимо. Однако производительность в госсекторе может отставать от частного сектора из-за отсутствия стимулов к повышению квалификации трудовых ресурсов.

В теоретическом аспекте надо учитывать, что особенности использования человеческого, социального капитала, организационно-управленческого ресурса в экономическом развитии могут усиливать инновационную активность хозяйства развивающихся стран, воздействовать на общее повышение производительности труда.

Стратегическим механизмом повышения уровня экономического развития в настоящее время выступает структурная политика, ядром которой, помимо использования рыночных механизмов роста, продолжает оставаться материальная осно-

ва развития, заключающаяся в продолжении индустриального развития, с подключением к участию в международном разделении труда в рамках широкого ассортимента производимой продукции, производственная кооперация с другими странами в высокотехнологичных отраслях экономики. По этому пути развития двигались, в том числе, небольшие новые индустриальные страны Азии, такие как Сингапур, Малайзия и другие.

Надо сказать, что встречается мнение экспертов о том, что повышение производительности труда в ряде арабских стран не было решающим фактором экономического роста вследствие того, что внешние факторы развития и структурные диспропорции развивающегося хозяйства приводили к сосредоточению инвестиций, в т.ч. иностранных, в секторах, факторная производительность которых не являлась высокой. В ОАЭ же власти имели возможность осуществлять перманентное увеличение инвестиций в экономику с середины 80-х годов, после восстановления цен на нефть, и в целом проводить поощрительную финансовую и кредитную политику.[19]

Возможно, сдвиги в результате такой политики являются примером использования кейнсианской модели экономического роста, которая, разумеется, оказывает в такой развивающейся по своей структуре экономике, как ОАЭ, неравномерное воздействие на макроэкономическое положение, но дает определенный эффект. Как и в других нефтеэкспортирующих странах, инвестиции в ОАЭ в последние десятилетия были во многом сосредоточены в трудоемких отраслях экономики, государственные вложения концентрировались на инфраструктуре и услугах, а большая часть частных инвестиций была сосредоточена в строительстве, торговле и коммерческих услугах, которые заметно не влияют на повышение производительности труда. При этом преобладание малоквалифицированных трудовых ресурсов может выступать структурным барьером для перелива инвестиций частного сектора в развитие производительных секторов экономики, при всей важности для таких стран, как ОАЭ, весьма перспективных туризма, финансового и коммерческого секторов. Государство намерено принять дальнейшие меры и программы для изменения положения с трудовыми ресурсами, это направление будет одним из решающих в предстоящие годы, так как фактор наличия капиталов необходимо более продуктивно соединить с развитием трудо-ресурсного потенциала. При этом необходимо создавать национальный

рынок капиталоемких инвестиций в отраслях, помимо нефтедобычи.

Вообще вопрос об оптимальных пропорциях финансирования экономического роста в развивающихся странах является отчасти дискуссионным, ибо традиционные теории (Ростоу и др.) рассматривают наличие природных ресурсов и основного капитала в качестве краеугольного камня развития, а ряд других исследований указывает на то, что богатые природные ресурсы являются фактором, тормозящим стимулы к развитию. Хотя природные ресурсы выступают фактором накопления денежного капитала за счет экспорта, их влияние выражается в ориентации субъектов хозяйства на улавливание природной ренты, ослаблении стимулов к развитию предпринимательской и инновационной деятельности, в снижении эффективности управления, разрастании государственного аппарата управления (как отмечали Крюгер и другие). Однако можно выделить и саму по себе проблему ограниченности инновационного потенциала и человеческого капитала в развивающихся странах, в совокупности с которой высокая роль природных ресурсов в создании ВВП сама по себе выступает как следствие низких темпов экономического развития и ограниченных возможностей диверсификации хозяйства. И в этом отношении экономические условия развития в разных группах развивающихся стран абсолютно неодинаковы, в том числе и для такой экономики, как Эмираты.

В их хозяйстве наиболее высокая производительность труда в прошедшие годы фиксировалась в основном в нефтяном секторе и сопутствующих производствах, а в других секторах экономики производительность была ниже, но и нефтяной сектор ОАЭ, в сравнении с аналогичным сектором в других странах, таких, например, как Норвегия, имел более низкие показатели производительности. Ненефтяные секторы экономики ОАЭ, в том числе строительство и сфера услуг, также отставали по уровню производительности от многих других стран.

Хотя до последнего времени Эмираты представляют собой типичную модель экономики нефтеэкспортирующей страны, зависимой от экспорта нефти, и от колебаний цен на нее на мировом рынке, доходы от нефти в значительной части были перенаправлены в экономическое развитие, что заметно улучшило положение дел с развитием ненефтяных секторов экономики, управляемых в основном частным капиталом. К концу 90-х годов наблюдалось превышение ненефтяным ВВП нефтяной

его части, что, как указывалось, стало заметным достижением модернизации эмиратов, которые можно рассматривать как одну из самых диверсифицированных экономик в регионе, при стабильных ценах и инфляции.

Высокая зависимость их экономики от экспорта нефти была предопределена, и не полностью ясно, насколько существенно удалось снизить зависимость от нефтяного фактора, насколько устойчиво уменьшение данной зависимости. Государственная стратегия и политика модернизации ОАЭ, при прочих равных условиях, в перспективе будет решающим аспектом экономического развития. Собственно, стратегия развития Эмиратов должна использовать имеющиеся возможности роста и диверсификации, активизация которых может быть достигнута с помощью инструментов финансовой и кредитно-денежной политики, в т.ч. финансирования проектов и программ развития. Динамика цен на нефть и доходов от ее экспорта выступает показателем, который нужно увязывать с уровнем инвестирования и темпами развития человеческого капитала. В отличие от стран с широко диверсифицированной ресурсной базой хозяйства в нефтеэкспортирующей экономике природный ресурс является важнейшим резервом для политики роста. Так, несомненно, что за прошедшие годы в ОАЭ рост ВВП вызывал оживление в банковской системе, в выполнении коммерческих проектов, а увеличение государственных ассигнований на цели развития, в т.ч. развития трудовых ресурсов, влияло на инвестиционные мотивы частнопредпринимательского сектора. Развитие свободных экономических зон, в которых создавались новые предприятия, расширяло емкость внутреннего рынка и возможности внешней торговли.

В 2000-е годы ОАЭ достигли уровня частных инвестиций в размере более 35% ВВП, а уровень сбережений в них был выше, чем в целом по всему Ближнему Востоку и Северной Африке, но ниже, чем в других нефтеэкспортирующих странах. Но при этом уровень инвестиций в экономике Эмиратов был выше, чем в других нефтеэкспортирующих странах региона. Это может являться следствием достаточно успешной политики развития: вероятно, Эмиратам удалось добиться более продуктивного использования аккумулируемых финансовых ресурсов, особенно нефтедолларов, и в то же время привлечь относительно больше иностранных инвестиций в свою экономику.

Политика развития ОАЭ в последние годы, несмотря на масштабные проекты, является достаточно рациональной и

эффективной в смысле использования ресурсов развития, так как государственные ассигнования вкладываются в экономику параллельно с частными, а нефтедоллары в первую очередь расходуются на погашение государственного долга и поддержку важнейших секторов хозяйства, на структурную политику, а не на престижные проекты в качестве самоцели, как это имело место в 70-х годах.

---

[1] UAE Department of Economic Development. // www.adeconomy.ae/English/MediaCenter/Pages/NewsItem.aspx?ItemId=182
[2] Там же.
[3] Matly M., Dillon L. Dubai Strategy: Past, Present, Future // Harvard. Harvard Business School, 27.02.2007, с. 2–3.
[4] The Dubai Strategic Plan 2015. //AmeInfo. www.ameinfo.com.109572.html
[5] M. Matly, L. Dillon. Dubai Strategy: Past, Present, Future // Harvard. Harvard Business School, 27.02.2007, с. 3.
[6] United Arab Emirates Economic Brief and Outlook 2011. KAMKO Research. April 2011, с. 12.
[7] Там же.
[8] United Arab Emirates Economic Brief and Outlook 2011. KAMKO Research. April 2011, с. 14–15.
[9] Там же.
[10] Arabian Money. // www.arabianmoney.net/gcc-economics/2011/05/21/uae-exports-more-then-brazil-india-australia-or-malaysia/
[11] UAE Non-oil Foreign Trade Rise. //Yalla Finance, 01.03.2012. /yallafinance.com/2012/03/01/uae-non-oil-foreign-trade-on-the-rise/
[12] United Arab Emirates Economic Brief and Outlook 2011. KAMKO Research. April 2011, с. 7.
[13] Abu Dhabi Statistical Yearbook 2011, с. 59.
[14] AMB Country Risk Report. September 28, 2011, с. 4. (A.M. Best Company Inc., 2011).
[15] Dubai has set up a successful economic model. Khaleej Times. // www.khaleejtimes.com/DisplayArticle08.asp?xfile=data/theuae/2009/April/theuae_April435.xml&section=theuae
[16] www.ehow.com/about_5202717_salary-ranges-uae.html
[17] www.charterhouseme.ae/pdf/2011SalarySurveyAllSectors.pdf
[18] Там же.
[19] Elhiraika A.B., Hamed A.H. Explaining Growth in an Oil-Dependent Economy. – Abu Dhabi, 2002, с. 11.

В.А.Исаев

АРАБСКИЕ НЕФТЬ И ГАЗ: СРЕДНЕСРОЧНЫЙ СЦЕНАРИЙ РАЗВИТИЯ

Одним из важных узлов переплетения глобальных процессов мировой экономики, тесно связанных с возрастающим значением в ней энергетики, повышением роли развивающихся стран в топливно-энергетическом комплексе, его огромным воздействием на становление в них индустриальной системы производительных сил и изменение социально-экономических структур, является арабский регион, который и поныне сохраняет свои позиции в качестве основного топливного резервуара мирового хозяйства. На конец 2010 г. в арабских странах было сосредоточено около 60% (по некоторым другим оценкам – до 65%) мировых доказанных запасов жидкого топлива и до 45–55% прогнозируемых его ресурсов. Кроме того, в их недрах находится также почти 25% доказанных запасов газа всего мира. При этом издержки добычи этих полезных ископаемых оставались самыми низкими в мире в связи с чрезвычайно высокой природной производительной силой труда. Даже при форсированной эксплуатации месторождений Северного моря и Мексиканского залива арабские страны обеспечивали почти 30% добычи и около 40% экспорта нефти на мировом рынке[1].

По-прежнему сохраняет свое значение и один из самых острых структурных кризисов современности – энергетический. Две вспышки последнего, случившиеся в 1970-х годах, оказали долговременное и неоднозначное воздействие на мировые экономические и политические отношения. Дефицит нефти при низкой эластичности спроса на нее в тот период и одновременном контроле весьма узкой группы поставщиков жидкого топлива над его экспортом позволили тогда более чем в 6 раз поднять реальные цены на жидкие углеводороды. Это, с одной стороны, послужило толчком к развязыванию инфляционных процессов в мировом хозяйстве, снижению примерно вдвое темпов роста мирового общественного продукта, а с другой, –

стимулировало научно-технический прогресс в сферах снижения энерго- и материалоемкости валового внутреннего продукта (ВВП), ускорение перехода к новой системе энергетики на базе возобновляемых ее источников и частичной замены нефти другими энергоносителями.

Экспортеры нефти, прежде всего страны ОПЕК, сумели тогда овладеть монопольной рентой, покончить, иногда формально, с засильем иностранного капитала в их нефтяном хозяйстве, получить значительные доходы от поставок за рубеж нефти, позволившие им превратиться не только в экспортеров капитала, но и стать одной из наиболее быстро развивавшихся групп среди государств «третьего мира». Основу этой группы составили арабские страны, прежде всего крупные экспортеры нефти.

Нефть играла и продолжает играть исключительно важную роль в новейшей истории и экономике арабского региона. По меткому замечанию Р.Н.Андреасяна, «с тех пор как накануне и во время Первой мировой войны началась ожесточенная борьба западных держав за иракскую нефть, обнаруженную в районе Мосула, понятия «нефть» и «арабы» стали неразрывными. Эта связь еще более укрепилась в процессе экспансии нефтяных монополий в арабские страны, в бассейн Персидского залива в 40–50-е годы, после открытия и освоения здесь огромных ресурсов углеводородов»[2]. К этому следует добавить и стремление западных держав реализовать важное стратегическое значение Арабского Востока: до сих пор США и другие члены НАТО используют здесь силовые методы в попытках установить контроль над источниками арабской нефти (достаточно вспомнить вторжение в Ирак или недавние события в Ливии).

Установление национального суверенитета над природными ресурсами, использование доходов от экспорта энергоносителей для достижения экономической самостоятельности позволили им превратить нефтяную ренту в важнейший фактор их социально-экономического развития, преодолеть инвестиционный барьер в период первоначального накопления капитала.

Арабские страны, прежде всего крупные экспортеры нефти, достаточно быстро стали развивать свою экономику, постепенно превращаясь в заметный промышленный центр, который стал специализироваться на производстве и экспорте продукции нефтепереработки и нефтехимии.

Материальной основой всех этих процессов в арабском регионе является широко разветвленное, взаимосвязанное и высоко технически организованное нефтегазовое хозяйство, в настоящее время представляющее собой главную отрасль промышленности и всего национального хозяйства многих арабских стран. Этот комплекс стал неотъемлемой частью всего многогранного и сложного конгломерата переплетающихся проблем и противоречий, переживаемых арабским регионом на мировом, региональном и страновом уровнях.

Ресурсы нефти и газа. Район, к которому географически принадлежат арабские страны, характеризуется уникальными геологическими условиями, которые способствовали накоплению огромных ресурсов углеводородного сырья. В его границах расположены 12 нефтегазоносных бассейнов (НГБ), в том числе самый большой в мире НГБ Персидского залива и один из крупнейших в мире – Североафриканский. Масштабы запасов нефти здесь действительно уникальны и не имеют равных в мире. Даже с учетом накопленной добычи, которая ведется в арабском регионе с 30-х годов прошлого века, активные ресурсы превышают доказанные во всем мире, а их объем при современных темпах добычи нефти обеспечит пользование ими в течение как минимум еще 80 лет. Активизация поисково-разведочных работ за пределами арабского региона в последние годы привела к довольно крупным открытиям только в Мексике и районе Каспия, но доказанные запасы в этих регионах оказались втрое ниже, чем в Саудовской Аравии, не говоря уже о районе Персидского залива в целом. Возможные в будущем открытия на севере Американского континента, шельфах Африки, Юго-Восточной Азии, Китая и России пока не обещают тех масштабов, которые могли бы превзойти район Персидского залива. Отметим, что только лишь перевод в начале 2000-х годов части вероятных запасов Саудовской Аравии в категорию доказанных дал увеличение последних на 6 млрд.т, т.е. немногим меньше, чем все новые открытия в Мексике[3].

В арабских странах находятся также и одни из самых больших газовых месторождений, в том числе и такие, которые причисляются к разряду супергигантов (с запасами свыше 1 млрд. куб. м). Но, за исключением месторождения Норт-Филд в Катаре, среди них нет газовых месторождений, сравнимых с российскими, расположенными на Ямале. Кроме того, исключая Алжир и Катар, основные доказанные запасы газа в арабских

странах содержатся не в «чисто» газовых месторождениях, а в нефтегазовых, т.е. относятся к категории попутного газа.

Запасы нефти и газа промышленного значения сегодня имеются в 17 арабских странах, однако их добыча в более или менее значимых масштабах ведется в 15 из них. Самыми крупными доказанными ресурсами нефти обладает Саудовская Аравия (25% мировых запасов), затем – Ирак, Кувейт, ОАЭ, Ливия и Алжир. На эти страны приходится 95% запасов всей арабской нефти. Еще более неравномерно распределены в арабском регионе доказанные запасы природного газа: в Катаре, Алжире и Саудовской Аравии находятся почти 60% общеарабского природного газа, хотя он имеется в Ираке, ОАЭ, Ливии, Египте, Омане, Сирии, Тунисе и на Бахрейне, но перспективы его добычи на сегодняшний день выглядят достаточно скромными[4].

При общей тенденции роста доказанных нефтегазовых ресурсов в арабских странах эволюция этого индикатора на протяжении ряда лет выглядела нестабильной. К тому же необходимо отметить, что с середины 70-х годов в арабском регионе не было обнаружено ни одного нефтегазового месторождения, которое можно было бы причислить к действительно крупным, а рост запасов происходил главным образом вследствие переоценок, связанных в основном с применением новых технологий добычи. По всей видимости, это обстоятельство связано с тем, что в арабских странах были обнаружены и ныне разрабатываются так называемые легкодоступные месторождения нефти и газа, а удельные инвестиции в геологоразведку и разработку более глубоких, а следовательно, и менее обнадеживающих продуктивных горизонтов пока еще выглядят нерентабельными, несмотря на применение новейших технологий добычи.

Хотя ряд специалистов указывает на фактическое снижение доказанных ресурсов нефти и газа на некоторых эксплуатируемых месторождениях в арабских странах, представляется, что еще рано рассуждать о негативных перспективах для крупных арабских экспортеров в течение как минимум 45–50 лет, поскольку достаточно внушительны размеры и масштабы ресурсов углеводородного сырья, которые можно прибыльно осваивать на уже открытых и введенных в эксплуатацию нефтяных и газовых месторождениях с помощью искусственного воздействия на пласты даже после прекращения функционирования сегодня широко распространенной системы естественного фон-

танирования скважин. Кроме того, не следует исключать возможности открытия и освоения как новых перспективных районов, так и более глубоких горизонтов залегания углеводородного сырья.

По-видимому, арабские страны прошли к настоящему времени период быстрого наращивания доказанных запасов нефти и природного газа, которые если и будут расти, то весьма умеренными темпами при возможном абсолютном снижении запасов в отдельных странах региона, как это происходит в настоящее время, например, на Бахрейне. Тем не менее разведанный ресурсный потенциал арабских стран в целом столь обширен, что они способны удовлетворять 40–45% потребностей мирового рынка вплоть до середины XXI в. Это означает, что их запасы сами по себе достаточны для того, чтобы оставаться важным источником валютных доходов главных арабских экспортеров нефти и газа. Этому также способствуют самые низкие в мире издержки добычи последних и самая высокая естественная производительность труда на нефтяных и газовых месторождениях арабского региона.

Практически все крупные месторождения характеризуются внушительной площадью продуктивных пластов, высокой проницаемостью и легкой циркуляцией нефти и газа по всему объему коллекторов, значительным пластовым давлением, а в результате – большим и устойчивым фонтанным дебитом скважин. К тому же в большинстве арабских стран месторождения расположены сравнительно недалеко от побережья или на находящихся неподалеку от него участках шельфа, что сводит к минимуму расходы на транспортировку до портов отгрузки. Насосных станций или нет совсем, как, например, в Кувейте, или их очень мало. В Северной Африке транспортные издержки несколько выше, чем в странах Персидского залива.

Отсюда следует крайне низкая стоимость расходов на добычу нефти в арабском регионе. При расчете этого показателя необходимо указать на то обстоятельство, что при этом приходится пользоваться данными, содержащимися в отчетах западных нефтяных компаний, которые, во-первых, не приводят методики своих расчетов, а во-вторых, публикуемые ими сведения за один и тот же период довольно сильно разнятся от компании к компании.

Некоторые сведения такого рода показывают, что минимальные издержки на материковых месторождениях Ближнего Востока ниже аналогичных американских в 8,1 раза, максимальные – в 3,5 раза, на акваториях – в 4,1 раза. При сравнении акваторий Персидского залива и Северного моря эта разница составляет по минимуму 5,1, а по максимуму – 6,2 раза. В районе Северной Африки издержки при добыче нефти ниже, чем в США, в 2,5–4,2 раза на материке и до 3,8 раза на акваториях[5].

Добыча нефти и газа и ее перспективы. Среди арабских стран первое место по добыче нефти уже давно (с 1965 г.) принадлежит Саудовской Аравии, на которую в среднем приходится до 40% совокупной добычи арабской нефти. Далее следуют ОАЭ, Кувейт, Ирак, Ливия, Алжир и Египет, сравнительно немного добывают Оман, Катар, Сирия и Бахрейн. При этом на объемы и темпы добычи нефти в различных арабских странах в разные исторические периоды действовали и продолжают оказывать влияние достаточно разнообразные факторы, связанные как с объективными природными причинами, так и с политикой ресурсоиспользования самих нефтедобытчиков.

Эти факторы, с достаточной долей условности, можно поделить на пять групп:

– технико-экономические, когда нижний предел объема добычи нефти можно искусственно ограничить необходимостью удовлетворения внутреннего потребления, а также нуждами производства определенного количества попутного газа, используемого в коммунально-бытовом секторе и для производства электроэнергии, необходимой не только для ЖКХ, но и для нормального функционирования опреснительных установок, нефтеперерабатывающих и нефтехимических предприятий;

– природные, когда уровень добычи жидкого топлива связан не только с технико-экономическими факторами, но и тем обстоятельством, что верхний предел добычи определяется степенью и масштабами извлекаемых потенциальных запасов, величиной доказанных ресурсов, выбранным уровнем соотношения между запасами и размерами добычи и др;

– торгово-экономические, определяемые сферой и условиями реализации, в первую очередь соотношением спроса и предложения на жидкое топливо. При этом серьезное влияние оказывает также цикличность развития мировой экономи-

ки, от которой зависит этот спрос. Необходимо также указать на то обстоятельство, что страны ОПЕК, основное ядро которой составляют арабские государства, действуют на мировом рынке жидкого топлива не так, как частные фирмы. При благоприятной конъюнктуре они, естественно, стремятся к повышению цен на нефть, а при неблагоприятной – стараются поддержать номинальные цены, ради чего понижают квоты добычи, причем основные тяготы при этом берут на себя наиболее крупные экспортеры жидких углеводородов. К тому же на размеры добычи нефти таких стран, как Саудовская Аравия, ОАЭ или Кувейт оказывает влияние такой фактор, как растущая прибыльность их зарубежных капиталовложений, позволяющая в ряде случаев безболезненно для их экономического развития ограничивать добычу и экспорт жидкого топлива;

– внутренние социально-экономические факторы, которые по сути можно свести к стремлению арабских стран продлить по возможности период получения существенных доходов от экспорта нефти и газа. Для этого они внимательно следят за достижениями научно-технического прогресса в сфере добычи полезных ископаемых, особенно в области достижений, повышающих отдачу нефте- и газоносных пластов, контролируют свои производственные мощности, избегают рисков на международных рынках капитала. Дело здесь в том, что руководители арабских стран уже довольно давно пришли к выводу, что сохранение природных богатств в недрах гораздо привлекательнее любой другой альтернативы;

– внешнеполитические интересы стран арабского региона, особенно разногласия и противоречия между ними, также оказывают свое влияние на добычу нефти и темпы ее экспорта. В этой связи достаточно вспомнить, например, использование арабскими странами нефти в качестве оружия против Израиля, или поддержку Сирией Ирана во время его войны с Ираком, что привело к сирийскому запрету на прокачку иракской нефти через свою территорию. Учитывая, что Ближний Восток и Северная Африка продолжают оставаться зоной международных и локальных конфликтов, а внутриполитическое положение в ряде арабских государств является нестабильным, нельзя исключать и в будущем возникновения таких ситуаций, когда в одних и тех же странах добыча нефти и газа будет характеризоваться заметными перепадами.

Что же касается сценариев развития в сфере нефте-газодобычи в странах арабского региона, то представляется, что при их выработке необходимо учитывать, как минимум, три агрегатных показателя: темпы роста ВВП в развитых государствах, эластичность спроса на топливо, поскольку они включают в себя ряд других, более частных индикаторов, и долю арабских стран в мировой добыче. Понятно, что при этом следует исходить из того обстоятельства, что ресурсная база арабского региона вполне достаточна и входящие в него страны не станут резко понижать добычу из-за каких-то непредвиденных ситуаций, как это произошло, например, в Ливии в начале 2011 г., когда вооруженные столкновения между противниками и сторонниками режима Каддафи и военное вмешательство стран НАТО привели к падению добычи нефти в этой стране почти в 20 раз.

Большинство оценок, касающихся темпов роста ВВП в западных государствах, сводятся к тому, что вплоть до 2020 г. они будут колебаться в пределах 1,8–2,5%. Определенного ускорения можно ожидать от восстановления ведущих экономик мира от последствий финансового кризиса 2008–2010 гг. и существенной перестройки их производственно-финансового аппарата в результате роста инвестиций.

При оценке второго показателя прежде всего следует иметь в виду, что доля нефти в приходной части топливно-энергетического баланса всего мира может снизиться примерно до 22–24% к 2020 г. по сравнению с 30% в 2000 г.[6] в результате отчетливо выраженной в последние годы тенденции замены мазута в качестве котельно-печного топлива углем и природным газом, а также строительства новых АЭС, невзирая на катастрофу в японской Фукусиме.

При совмещении этой динамики с продолжающимся процессом снижения энергоемкости и, особенно, нефтеемкости ВВП развитой части мира вполне обоснованно напрашивается вывод о сокращении эластичности спроса на топливо с нынешних 0,8 до 0,6–0,5. Такая тенденция отражает в принципе общее направление научно-технического прогресса в сторону понижения материалоемкости и энергоемкости промышленного производства, которая к тому же усиливается приоритетным ростом энергоэкономных отраслей, главным образом электроники. Следует указать на тот факт, что столь скромная «вилка» эластичности вполне оправдана, т.к. снижение потребления

на единицу ВВП имеет свои пределы в связи с тем, что как бы научно-технический прогресс ни воздействовал на границы снижения эластичности, до нуля их понизить никогда не сможет.

Сегодня можно с достаточной долей уверенности говорить о том, что доля арабских стран в мировой добыче нефти намного ниже, чем могла бы быть. Связано это с тем, что именно эти страны взяли на себя обязательство соблюдать определенные ОПЕК квоты на добычу нефти с целью поддержания намеченного этой организацией уровня цен, позволяющего вести добычу, например, в Северном море и Мексиканском заливе, но не выше тех цен, которые позволили бы добывать нефть, скажем, из битуминозных сланцев. Это дает основание полагать, что будущий удельный вес арабской нефти в мировой добыче составит, как минимум, 25–30%.

Что же касается природного газа, то здесь многие показатели заметно ниже по сравнению с нефтью. Во многом это определяется тем, что в арабском регионе основная масса добычи приходится на попутный газ, а следовательно, темпы его добычи зависят в основном от индикаторов добычи нефти. Другой особенностью газового хозяйства арабских стран является тот факт, что природный газ на деле экспортируют всего две страны – Катар и Алжир.

Более скромные показатели добычи газа по сравнению с нефтью связаны также со сравнительной узостью местных внутренних рынков, позволяющих утилизировать относительно небольшие количества этого вида топлива, и трудностями его доставки отдаленным потребителям. В арабском регионе добыча и использование попутного газа стали расти только по мере совершенствования соответствующей техники, расширения сферы его применения в мировой экономике, строительства метановозов и, естественно, увеличения цен на газ на мировом рынке.

Поэтому прогнозировать ситуацию с добычей газа в арабских странах сложнее, чем с нефтью, поскольку следует также учитывать эволюцию конкурентоспособности газа не только по отношению к нефти, но и к энергетическому углю, цены на который на единицу теплотворности обычно ниже, чем на газ.

Еще одним дополнительным показателем, требующим учета, являются перспективы технического прогресса в сфере транспортировки газа. В настоящее время доставка газа потребителю с помощью трубопроводного транспорта значительно

выгоднее для экспортера, чем его транспортировка в сжиженном виде, которая требует дополнительных инвестиций в оборудование по сжижению газа, регазификации и перевозке взрывоопасного груза на специальных судах. В результате потребитель вынужден платить за СПГ и СНГ гораздо более высокую цену, чем за трубопроводный газ. В итоге в настоящее время их цены стали приближаться к ценам на нефть, что стало тормозить их производство. Следует отметить, что это происходит, несмотря на достижения научно технического прогресса, позволившие снизить затраты в год на производство 1 т СПГ с 450 долл. в 1990–1995 гг. до 220–225 долл. в 2000 г.[7]

Понятно, что в определенных случаях импортеры предпочитают ввозить именно СПГ и СНГ, что позволяет им, во-первых, избежать жесткой «привязки» к определенному поставщику, разрешая тем самым проблему диверсификации круга торговых партнеров, а во-вторых, устраняется также проблема транспортировки через политически нестабильные районы, в которых возможны подрывы газопроводов. В этой связи напомним подрыв в апреле 2011 г. газопровода, соединяющего египетские газовые месторождения с Израилем и Иорданией.

Наконец, стремление экспортеров газа к постоянному росту цен на него, чтобы в конце концов уравнять их с ценами на нефть (с учетом теплотворной способности), не способствует высоким темпам торговли этим природным ресурсом.

Принимая во внимание эти и другие обстоятельства, рост добычи нефти в арабских странах, увеличение энергетических нужд мирового хозяйства, возможность сохранения пропорций в соотношении мировой добычи нефти и газа, можно предположить, что в среднесрочной перспективе доля арабского региона по газу составит 15–18%, а при крайне благоприятной конъюнктуре – 20–21%.

Следует заметить, что ко всем сценариям перемен в нефтегазовой сфере, в том числе и к приведенному выше, необходимо подходить с весомой долей здорового скептицизма, принимая во внимание скорее общие тенденции развития, чем конкретные цифры, т.к. на последние серьезное воздействие могут оказать самые разнородные явления, например, как возможные международные и локальные конфликты на Ближнем Востоке и в Северной Африке, так и достижения научно-технического прогресса, которые окажутся в состоянии эффективно понизить энергоемкость или сделать конкурентоспособным

использование синтетического жидкого топлива, учесть которые в настоящее время не представляется возможным.

Транспортировка нефти и газа. Проблема доставки топлива потребителям состоит из двух взаимосвязанных аспектов: транспортировки нефти и газа трубопроводным транспортом и их поставок морским путем с помощью специальных судов.

Как отмечалось выше, месторождения нефти и газа в разных арабских странах расположены неодинаково по отношению к портам отгрузки. Например, месторождения стран Персидского залива и Южного Ирака отстоят недалеко от побережья и, соответственно, транспортные издержки у них сравнительно невелики, а месторождения стран Магриба соединены с побережьем Средиземного моря дальними трубопроводами, нефтепроводы Северного Ирака проходят через территорию ряда соседних стран (Сирию, Ливан, Турцию).

В целом арабский регион буквально пронизан нефте- и газопроводами, причем в 80–90-х годах по удельному весу валовых инвестиций в трубопроводный транспорт он опережал другие районы мира. Весьма часто строительство трубопроводов было тесно связано с политической обстановкой в различных арабских странах. Например, напряженность в районе Персидского залива, вызванная ирано-иракской войной в 80-х годах и периодическими угрозами блокировать Ормузский пролив, побудили Саудовскую Аравию проложить нефтепровод от месторождения Абкайк до порта Янбу на побережье Красного моря. Затем к нему же был присоединен нефтепровод, строительство которого финансировали малые страны Персидского залива. Иногда прокладка того или иного трубопровода была связана с «чисто» техническими мотивами, скажем, ростом добычи нефти на том или ином месторождении, обнаружением новых коммерческих запасов топлива или дороговизной его транспортировки с помощью морского транспорта. Так, строительство нефтепровода «Сумед» вдоль Суэцкого канала было вызвано тем, что супертанкеры не могли пройти довольно мелководный Суэцкий канал, а их путь вокруг Африки, во-первых, отнимал слишком много времени, а во-вторых, был слишком затратен.

Что же касается газопроводов арабского региона, то их подавляющее большинство приходится на страны Магриба: в частности, пять соединяют алжирское газовое месторождение Хасси-Рмель с портом Арзев, еще пять – ливийские месторождения с портом Марса-эль-Брега[8].

Ряд газопроводов региона служит удовлетворению внутренних нужд.

Особое место среди арабских стран принадлежит Катару, который практически весь свой экспорт газа осуществляет в сжиженном виде. СПГ в настоящее время производят также Алжир, Оман и Египет. Следует отметить Алжир, обладающий межконтинентальным и частично подводным газопроводом «Трансмед», с помощью которого алжирский газ через территорию Туниса и Средиземное море поступает в Италию. Он также использует газопровод, через который его газ экспортируется в Испанию[9].

В начале XXI в. ряд проектов строительства газопроводов из арабских стран в Европу был отложен в связи с тем, что помимо всех технических сложностей прокладки труб по морскому дну, страны-импортеры предпочли жесткой системе долговременной «привязки» продавца и покупателя более дорогой вариант поставок газа в сжиженном виде. Так, были «заморожены» проекты строительства газопроводов, ведущих из стран Персидского залива в Западную Европу (через Турцию, Грецию и страны бывшей Югославии), общеарабского, который был призван забирать газ из Саудовской Аравии, Кувейта и Ирака, и др. По всей видимости, не нашлось инвесторов, которые могли бы рискнуть своими капиталами для сооружения газопроводов через территории государств с напряженными взаимными отношениями.

Поэтому в настоящее время все большее внимание уделяется закупке специальных судов-газовозов, совершенствованию техники сжижения газа, его охлаждения и последующей регазификации, расходы на которые перевешиваются преимуществами маневра в отношении выбора контрагента, безопасности и бесперебойности поставок. К началу XXI в. специальными судами уже обзавелись Катар, Кувейт, ОАЭ, Саудовская Аравия, Ливия, Тунис, Алжир и Марокко, причем часть этих судов способна перевозить бутано-пропановую фракцию попутного газа, что выгоднее, чем транспортировка сжиженного метана.

Таким образом, в настоящее время добыча и транспортировка газа стала оказывать заметное воздействие на процессы индустриализации арабских стран. Если нефтедобывающая и нефтеперерабатывающая отрасли промышленности арабских стран традиционно были ориентированы на внешний рынок,

газовая – более органично вписывалась в местные экономики, играя роль важного фактора при строительстве объектов черной и цветной металлургии, нефтехимии, опреснительных установок и т.д.

Подводя некий итог, следует указать на то обстоятельство, что обладание нефтью и газом позволяет арабским странам покупать уже готовые технологические решения, которые способствуют их социально-экономическому прогрессу. Если же арабские страны смогут с их помощью диверсифицировать экономику, увеличить инвестиции в модернизацию своего нефтегазового хозяйства и улучшить инфраструктуру, то они получат реальную возможность занять более достойное место в мировой экономике, особенно, когда последняя преодолеет негативные последствия финансового кризиса 2008–2010 гг. и перейдет к дальнейшему поступательному развитию.

Учитывая огромную роль нефтегазового комплекса в национальном хозяйстве арабских стран, они тщательно следят за его развитием, стремятся не допустить к нему иностранный и местный частный капитал, контролируют цены на его продукцию, будучи уверенными в том, что именно этот комплекс позволит сохранить им достойное место в мировом разделении труда.

[1] OECD. Quarterly Oil Statistics. P., 2008, № 4; Le Gas naturel dans le monde. P., 2007.
[2] Андреасян Р.Н. Нефть и арабские страны. – М., 1990, с. 20–21.
[3] Коммерсантъ Business Guide. – М., 2005, № 235.
[4] Подсчитано по: OPEC Statistical Bulletin за 2008, 2009.
[5] В данном случае были использованы материалы Institut de l'Energie et de l'Environnement de la Francophonie, Quebec; Centre de Recherche en Economie et Droit de l'Energie, Montpellier.
[6] Там же.
[7] Глобализация рынка природного газа: возможности и вызовы для России. – М., 2010, с. 10.
[8] Le Monde, 05.07.2005.
[9] Старцев С.А. Газовая промышленность стран Персидского залива и Северной Африки. – М., 1988, с. 48–49; Бондаренко С.В. Ближний, Средний Восток и Северная Африка в начале XXI века: политика государства в области развития нефтегазового комплекса // Ближний Восток и современность. Вып. 34. – М., 2007, с. 36–37.

Г.Г.Косач

САУДОВСКАЯ АРАВИЯ: ВЛАСТЬ, УЛЕМЫ И АНТИСИСТЕМНАЯ ОППОЗИЦИЯ (БОГОСЛОВСКО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОТВЕТ ПРОТИВНИКАМ РЕЖИМА)

Саудовская Аравия – «арабское мусульманское государство»[1]. Определение, предложенное появившимся в конце 90-х годов ее конституционным актом – Основным законом правления (знаменовавшим начало инициировавшегося политическим истеблишментом «этапа реформ»), фиксировало традицию легитимации саудовской власти – она опирается на «конституцию» – «Книгу Всевышнего Господа и Сунну Его Пророка»[2]. Эта власть «*законна*», основа ее существования «*шариат*». В силу этого обстоятельства она обязана действовать, реализуя принципы «справедливости, совещательности и равенства»[3]. Прямым долгом государства являются «защита исламского вероучения», «содействие дозволенному и отвращение от отрицаемого (*аль-амр би аль-мааруф ва ан-нахи ан аль-мункар*)» и «распространение призыва к Господу»[4].

События 1979 г., когда захватившие Главную мечеть в Мекке противники власти, отказываясь от лояльности правителю и обвиняя его в том, что он далек от подлинного ислама, стали первым открытым вызовом определяемому шариатом «законному» образу власти. В 80–90-е годы, отражая этот вызов, саудовская власть поощряла становление апеллирующего к религиозной догме движения, развивавшегося в среде молодежи, сконцентрированного вокруг идеи *джихада*, взывавшего к ценностям господствующей в стране *ханбалитской* правовой школы и выраставшего в ее лоне «*возрожденчества – ас-сахва*», инициировавшегося корпусом *улемов*. Власть полагала, что полем практического воплощения *возрождающихся* ханбалитских ценностей (джихада в первую очередь) будет внешний мир – Афганистан, Босния и Герцеговина, Косово, Чечня или Кашмир. Но в 2000-е годы джихад был перенесен на территорию

Саудовской Аравии, а его участники открыто обвинили власть в отходе от *истинного* исламского вероучения. В то время диагноз саудовской службы безопасности был неутешителен, – «терроризм самовоспроизводится на территории королевства», он «обращен не только против Запада, но и правительств стран мусульманского мира»[5]. Саудовская Аравия не стала в этом отношении исключением.

I

Ответ саудовского политического истеблишмента на брошенный вызов зависел от обстоятельств места и времени. В течение последних десятилетий ушедшего века власть последовательно «регенерировала» исламские ценности, становившиеся инструментом восстановления «общенационального единства». Советское военное присутствие в «мусульманском Афганистане» (в дальнейшем же «сербская агрессия» против «мусульман Боснии и Косово», «российская» в «исламской» Чечне или «индийская» в «мусульманском» Кашмире) становилось поводом для ускорения этого процесса. Помощь (в самых многообразных ее аспектах) «мусульманским народам и меньшинствам» могла, как это представлялось в ту эпоху, не только консолидировать саудовский социум, но и нацелить контрэлитарные настроения и практику действия в нужном для «правящего класса» направлении. Оппозиционность выносилась за пределы государства, обретая «конструктивный» характер[6]. События 11 сентября 2001 г. доказали паллиативность этого курса, а первые террористические акции в Эр-Рияде в марте 2003 г. (в дальнейшем и в других городах) поставили вопрос в принципиально иной плоскости. Ранее поощрявшийся джихад превратился в «гадину террора», которую следовало «раздавить»[7], а его участники, в недавнем прошлом «герои», трансформировались в «заблудшую секту»[8].

Залогом победы над ними провозглашалась сила: «Эти люди порождены дьяволом, – говорил в начале мая 2004 г. наследный принц Абдалла бен Абдель Азиз, – и орудие дьявольского действия. … Мы железной рукой выкорчуем тех, кто продает душу сатане, кто словом и делом подрывает нашу безопасность». К религиозным деятелям он предъявлял особые требования: «Вы – люди [религиозной] науки (*ахль аль-ильм*), и на вас лежит личная

ответственность за поведение наших сыновей. Вы должны заставить их понять, в чем заключается долг перед верой и родиной. Порукой тому станет ваша безопасность, ваше благосостояние, ваша честь и ваша возможность служить Королевству Саудовская Аравия, той матери, которая вскормила вас». Далее он продолжал: «Вы должны говорить молодежи только о том, что служит интересам веры и родины. … Ваш долг – следовать примеру сотрудников государственной безопасности, которые воюют за нашу веру и нашу родину». Завершая свое выступление, будущий король жестко замечал: «Молчащие о преступных деяниях отщепенцев становятся их соучастниками»[9]. Следуя этим требованиям, верховный муфтий королевства, глава Совета высших улемов, шейх Абдель Азиз Аль Аш-Шейх вручал власти индульгенцию на использование силы: «Пусть наше мудрое руководство освободит нас от зла и заблуждения»[10].

Только в июле 2011 г. власть заявила о своем «успехе» (в достижении которого ведущую роль сыграл министр внутренних дел и нынешний наследный принц Наеф бен Абдель Азиз) в противостоянии «гадине террора (*афа аль-ирхаб*) и созданному ею механизму разрушительного заблуждения». Делая это заявление, король Абдалла бен Абдель Азиз считал важным подчеркнуть не только значение силы, но и ту роль, которую сыграли законоучители, руководствующиеся «определяемой шариатом умеренностью (*васатыйя ва иатидаль*) ислама», – сила, с одной стороны, и позиция улемов, с другой, «позволили демонтировать ячейки заблудшей секты и разоблачить противоестественность ее идейных концепций»[11]. В его постановке вопроса сила как инструмент противостояния антисистемному подполью вписывалась в более широкий круг мер, которые, в свою очередь, определялись шариатской традицией «содействия дозволенному и отвращения от отрицаемого». Если сторонники «заблудшей секты» выступали с позиций «излишества (*аль-галу*)» и «крайности (*ат-татарруф*)», то власть стремилась представить стране и миру «умеренность мусульманской веры» и требовала от улемов, действующих на поприще «призыва к Господу», «опровергать распространяемые врагами искажения и фальсификации (*ат-ташвиш ва ат-тазйиф*)» мусульманского вероучения[12]. Религиозный истеблишмент вновь солидаризировался с властью. Выступая в конце ноября 2011 г. с пятничной проповедью, шейх Абдель Азиз Аль Аш-Шейх призывал к «полной ликвидации зла с тем,

чтобы умма жила в атмосфере безопасности и стабильности», а «заблудшая секта, отошедшая от правильного пути, возлюбившая кровопролитие и сеющая анархию, навечно почувствовала бы себя ненужной идущей по пути совершенства умме»[13].

Конструкция саудовской политической системы, вытекающая из «союза – *аль-бейа*» между правящим семейством – Аль Сауд и несущим элементом корпуса законоучителей – семейством потомков Мухаммада ибн Абдель Ваххаба Аль Аш-Шейх, распределяла обязанности обеих сторон. Если власть опиралась на силу, уничтожая антисистемное подполье, то официальные улемы претворяли в жизнь принцип «отвращения от отрицаемого», опровергая «излишество и крайности» оппонентов режима и пропагандируя «умеренность мусульманского вероучения». Частью этого процесса выступала и «реабилитация (*аль-мунасаха*)» сторонников «заблудшей секты». Обращение к силе сопровождала разработка богословского ответа на предлагавшуюся антисистемной оппозицией аргументацию, доказывавшую отход власти от «истинного ислама» и, как следствие этого, «противоречащий шариату» характер проводимого ею политического курса, что требовало (как эта оппозиция считала) исключить «правителей из общины верующих». Возвращение обществу тех, кто однажды стал приверженцем «заблуждения» выглядело в этом контексте деталью. Требование же дать богословский ответ на аргументацию противников власти означало, что власть ведет непримиримую борьбу со своими антагонистами за влияние на саудовский социум.

Вне зависимости от утверждений власти, риторика которой провозглашала, что национальный социум состоит из «облагодетельствованного Богом большинства» – тех, кто ведом Господом «по дороге прямой», и находящегося «под гневом» Всевышнего «абсолютного меньшинства»[14], она не могла не исходить из понимания непрочности и временности положения, когда это «большинство» все еще отличает «богобоязненность, отсутствие сомнений, терпеливость, благоговение, искренность и преданность». Утверждая же, что «меньшинство совершило поступки, недопустимые для мусульманина», что «оно отвернулось от ислама», что «Господь не принимает отвернувшихся от его писания и веры», власть должна была предложить остававшемуся лояльным «большинству» убедительное обоснование верности своих действий. Лишь при условии сохранения лояльности общества, как об этом говорил государственный

сановник, «Господь поможет одержать верх» над теми, кто «пренебрег Божественными знамениями»[15]. Реинтерпретация религиозной традиции выглядела как неизбежность, а богословский ответ на заявления последователей «заблудшей секты» (и переходивших на ее сторону законоучителей) обретал оттенок политического документа.

В конце 2010 г. усилиями министерства исламских дел, вакфов, призыва и наставления (*визара аш-шуун аль-ислямийя ва аль-аукаф ва ад-давва ва аль-иршад*) в Эр-Рияде был издан первый саудовский труд, обобщавший деятельность местных законоучителей на поприще «опровержения» аргументации сторонников антисистемной оппозиции. Он назывался «Увещевающий (*Ан-Назир*)» и был написан «советником министерства исламских дел, генеральным директором отдела научного (термин *аль-ильм* обозначал «религиозные науки») и идейного просвещения (*ат-тауийя*), членом реабилитационных комиссий», богословом Маджидом бен Мухаммадом аль-Мирсалем[16]. Отталкиваясь от мнения оппонентов власти и превращая их аргументы в вопросы, по которым вопрошаемый обществом законоучитель предлагал основанные на «подлинном» знании вероучения ответы, автор «Увещевающего» строил свой труд как сборник *фетв*. Эти богословские суждения (концентрировавшие точку зрения высшего эшелона корпуса улемов) были дозволены властью, так как их цель состояла в том, чтобы «защитить религию и отечество», в полной мере отвечая появившемуся в августе 2010 г. указу короля об ограничении источника фетв членами Совета высших улемов и руководства министерства исламских дел[17].

Власть дозволяла включить в этот сборник и оценку собственных деяний в период, предшествовавший началу открытых действий своих противников на саудовской территории. Эта оценка была далека от презумпции собственной невиновности в том, что «заблудшая секта» стала для общества частью повседневности. М.М. Аль-Мирсаль утверждал: «Правительства совершают большие и малые ошибки, они не свободны от больших и малых грехов». Развивая эту мысль, он приходил к выводу о том, что важнейшей предпосылкой «совершения этих ошибок» выступают порой и действия власти, определяемые «стремлением достичь немедленного решения возникающих в стране проблем»[18]. Ошибкой было «поощрение действий в Афганистане (во время присутствия там советских войск – *Г.К.*), создание условий для поддержки этих действий, замалчивание

ошибок того джихада, включая неясность его целей и задач, которые отнюдь не были исключительно религиозными, но вписывались в контекст ситуации, которая тогда называлась холодной войной, развивавшейся между двумя полюсами мира – Америкой и Советским Союзом»[19].

«Ошибкой» было поддержание длительных саудовских контактов с движением «Талибан»в эпоху его господства в Афганистане: «Присутствие «Аль-Каиды» бен Ладена в их государстве, как и заключение соглашений с этой организацией о ее защите не было принято во внимание мусульманскими правительствами». После 11 сентября 2001 г. (но на самом деле значительно раньше, в августе 1998 г. – «когда произошли взрывы в Кении и Танзании»[20]) отсутствие этого «внимания» приобрело характер «греха» в силу того, что базировавшиеся на афганской территории сторонники «Аль-Каиды» «совершили преступные взрывы за пределами Афганистана», там, «где не позволен джихад», что и предопределило устремленность «международной коалиции» (в которую, «искупая этот грех», вступила и Саудовская Аравия) «к разрушению государства, созданного движением Талибан»[21].

Автор «Увещевающего» был далек от того, чтобы приводить полный список «ошибок и грехов» правителей своей страны (или, как он подчеркивал, «мусульманских правительств»), которые, в конечном итоге, привели к возникновению в Саудовской Аравии мощной и влиятельной (благодаря поддержке части корпуса законоучителей) антисистемной оппозиции. Это естественно и понятно, – его богословский трактат появился как оправдание (или, по крайней мере, как объяснение) политического курса власти, заранее исключающее сколько-нибудь жесткую критику в ее адрес.

Выдвигавшиеся же М.М. Аль-Мирсалем аргументы, защищающие власть, порой выглядели едва ли не упрощенными: «Правительства – это институты, в которых трудятся сотни людей, которые не могут не совершать более или менее явные ошибки. Да и нельзя предположить, – продолжал он, – что каждый из этих людей трудится, опираясь на присущее им благонравие. А что происходит, если в ком-то из них это благонравие отсутствует? Кроме того, эти правительства отличаются друг от друга по степени понимания работающими в них людьми задачи установления справедливости и подлинно шариатского правления»[22].

Впрочем, видимая упрощенность этих слов обманчива. Автор «Увещевающего» стремился доказать, что мусульманский

правитель не может не быть устремленным к «совершенству (*салях*)», позволяющему ему претендовать на «реформирование (*ислях*)» его страны так, как это «отвечает словам Пророков» и «словам великих имамов». Если саудовская власть, несмотря на совершенные ею в прошлом «ошибки», не отрицает важности «совершенства», то она и осуществляет «реформы» в интересах «единства верующих». В то же время ее противники, противореча шариатским нормам (что означает лишь отсутствие в них стремления к «совершенству»), ведут «борьбу за то, чтобы прийти к власти, не гнушаясь прибегать к насилию и угнетению, как и к фальсификации смысла Книги Господа, Сунны Его Пророка и суждений великих имамов»[23].

Речь шла о «заблуждениях (*аш-шубхат*)», определяемых автором «Увещевающего» в качестве «сомнительных суждений», которые воспринимаются как «подобие[24] правды, поскольку они опираются на доказательства, в роли которых выступают тексты и фетвы, вырванные из сопровождающей их реальности, что и позволяет людям считать эти заблуждения истиной»[25]. Разумеется, эти «заблуждения» многочисленны, но в их едва ли не бесконечном списке (длительность которого определяется, в том числе, разнообразием не только правовых школ, но и действующих на основе этих школ богословов) М.М. Аль-Мирсаль выбирает главное – вопросы, относящиеся к общественной роли правителя (*вали аль-амр*), джихаду, отношению к немусульманам (*аль-куффар*) и отлучению верующих (*ат-такфир*). Он отвечает на аргументацию противников власти, апеллирующих к недопустимости подчинения «нечестивым» правителям, заслуживающим «отлучения» от «общины верующих», как и к джихаду в его качестве единственного средства противостояния «агрессии иудеев и крестоносцев (*аль-яхуд ва ас-салибийин*)», поддерживаемой все теми же «вернувшимися к доисламскому времени (*аль-джахилийя*)» правителями. Его ответы соответствовали ожиданиям власти.

II

Проблема общественной роли правителя неизбежно связана с оценкой его действий в сфере проводимой им внутренней и внешней политики. Возникающий в этой связи вопрос прост, – кто может дать наиболее квалифицированную оценку

этих действий? По мнению автора «Увещевающего», единственной инстанцией, способной оценить их беспристрастно и всесторонне, могут быть только улемы: «Задача улемов состоит в том, чтобы учить людей, как простолюдинов, так и элиту (*амма ва хасса*), добру и, в первую очередь, единобожию (*таухид Алла Тааля*), предупредить их о совершаемом ими зле, призывать их к благонравию и следованию Пророкам». Если улемы – «наследники Пророков и Посланников (*Ар-Русуль ва Аль-Анбийя*)», то они «не могут не быть теми, кто призывает идти по верному пути». Они далеки от того, чтобы «совершать вооруженные революции, самоубийственные террористические акции, пробуждать смуты и волнения, сеять ужас в душах людей, тайно планировать перевороты, дестабилизировать ситуацию и сеять анархию». Их роль – «содействовать правителям в проводимых ими реформах, как и следить за тем, чтобы правители не отклонялись от дозволенного»[26].

М.М. Аль-Мирсаль следовал уже сложившейся норме, – его позиция предопределена *аль-бейъа*, что заранее исключало из процесса оценки правителя как нелояльных власти законоучителей (в первую очередь, примкнувших к «заблудшей секте»), так и выступающих с собственными фетвами тех или иных представителей антитеррористического подполья. Однако, существенно ограничивая круг тех, кто может высказать собственное суждение по этому вопросу, автор «Увещевающего» одновременно выносил за скобки полномочий официального корпуса улемов оценку тех действий правителя, которые в рамках однажды заключенного властью «союза» с ними должны рассматриваться как сфера поступков, определяемых исключительно волей власти. Это прежде всего внешняя политика мусульманского государства. Вместе с тем, поскольку эта сфера в большей мере, чем какие-либо иные, вызывает возражения противников власти, порождая оценочные суждения, «в полной мере относимые к разряду заблуждений», постольку в труде М.М. Аль-Мирсаля им уделяется большее внимание.

Речь идет, в частности, о том, что «мусульманское государство не может быть членом международных организаций», как и о том, что оно «не может развивать отношения с государствами многобожников» – немусульманскими членами международного сообщества. Впрочем, в контексте этого труда оба эти «ошибочные утверждения» поставлены в той их форме, которая обычно используется последователями антисистемного

подполья: «Современные международные организации, подобные Организации Объединенных Наций или Совету Безопасности, тираничны и основаны на многобожии (*тагутийя ва кафира*), поскольку они действуют на основе безбожных законов и уставов. Тем не менее некоторые мусульманские государства (среди них и Королевство Саудовская Аравия) гордятся тем, что они были в числе государств-основателей этих структур, признавая, что вступили в них осознанно и по собственному выбору, а вовсе не на основе принуждения»[27].

В отношении же развития межгосударственных связей с немусульманскими странами идеологи антисистемного подполья утверждали: «Поскольку современные мусульманские государства склонились к многобожию (*кафарат*), постольку они стали развивать отношения с немусульманскими странами, направляя туда поздравления по поводу их праздников, принимая делегации из этих стран, хотя в этих странах преследуют борцов за веру (*аль-муджахидун*), бросают их в тюрьмы и лагеря»[28]. Оба этих «заблуждения» опирались, в частности, на один из известных коранических текстов: «Не берите иудеев и христиан друзьями: они друзья один другому. А если кто из вас берет их себе в друзья, тот и сам из них. Поистине, Аллах не ведет людей неправедных!»[29].

Ссылка противников власти на Коран обязывала автора «Увещевающего» находить контраргументы не только в Сунне Пророка (когда он вспоминал, в частности, об основанных на договорах отношениях Мухаммеда с немусульманами, что создавало предпосылку для проведения параллели между его действиями в качестве главы мусульманской общины и «безупречной» внешней политикой саудовских правителей), но и в первоисточнике мусульманской веры. Эти контраргументы черпались им, в том числе, из *суры* «Покаяние»: «Обрадуй же тех, которые не уверовали, мучительным наказанием, кроме тех многобожников, с которыми вы заключили союз, а потом они ни в чем пред вами его не нарушали и никому не помогали против вас! Завершите же договор с ними до их срока: ведь Аллах любит богобоязненных!»[30]. Впрочем, этот коранический текст, с помощью которого М.М. Аль-Мирсаль опровергал «заблуждения» противников власти, не был единственным (что в равной мере относилось и к сторонникам «заблудшей секты», опиравшимся не только на тот *айят*, который приводил, резюмируя их позицию, автор «Увещевающего»). Он обращался,

в том числе, и к айятам сур «Добыча» и «Семейство Имрана»: «Поистине, те, которые уверовали и выселились и боролись своим имуществом и душами на пути Аллаха, и те, которые дали убежище и помогли, – эти близки друг другу»[31]; «Да! Кто верно выполнил свой договор и был богобоязнен. … Поистине, Аллах любит богобоязненных!»[32]. Адресовался к авторитету Ибн Таймийи: «Было прояснено, – как писал «классик» ханбалитской правовой школы, – что верность в договорах [происходит] от богобоязненности, угодной Господу»[33].

Были важны и иные доводы автора «Увещевающего» – мусульманские правители и после смерти Пророка заключали договоры с немусульманами, как в эпоху «праведных халифов», так и значительно позже (достигнутое, например, в Акке соглашение между Салахом Ад-Дином и крестоносцами). Обращаясь к многочисленным *тафсирам* (Аль-Бухари, Муслим, Аль-Куртуби), цитируя наиболее известных теологов (принадлежащих не только к ханбалитской юридической доктрине, но и к иным *мазхабам* суннизма – в том числе, трудам Аш-Шафии, Малика ибн Анаса и Абу Ханифы), М.М. Аль-Мирсаль приходил к оправданному для него выводу: «В современную эпоху международные организации играют важную роль в деле укрепления положения их членов, придавая им международную законность и избавляя слабые государства от возможности стать добычей сильных государств. … Королевство Саудовская Аравия, став активным членом международного сообщества, примкнуло ко многим соглашениям и договорам. Однако при этом оно отказалось принять те положения, которые противоречат принципам шариата, что определяется Основным законом правления и преданностью Королевства нормам шариата. … В свою очередь вступление Королевства в различные международные организации определялось тем, что их документы провозглашают принципы мира, справедливости и отказа от агрессии, что ни в коей мере не противоречит исламскому шариату»[34].

Называя основные международные соглашения, участницей которых стала Саудовская Аравия (Всеобщая декларация прав человека, Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации, Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин), автор «Увещевающего» перечислял те их положения, которые не были ратифицированы саудовской стороной как «противоречащие мусульманскому

праву»[35]. Иными словами, присоединяясь к этим договорам, Саудовская Аравия оставалась «мусульманским государством». Этот статус сохранялся ею и в тех случаях, когда она заключала двусторонние соглашения с немусульманскими государствами. Слова М.М. Аль-Мирсаля оправдывали ситуацию, которую дискурс власти определял, как об этом говорил заместитель министра иностранных дел и сын короля Абдаллы, «страна последовательно идет по пути развития и обновления, оставаясь верной своим исламским и арабским традициям». В свою очередь, эти традиции – «важнейший фактор эволюции саудовского общества и удовлетворения устремлений граждан, которые, как и их руководство, устремлены к модернизации и открытости, но в то же время заинтересованы в сохранении идентичности социума, его культуры и базовых основ его существования»[36].

Страна оставалась «мусульманским государством», а ее правитель – «мусульманским государем» и тогда, когда он (или иные высшие сановники государства, как и его граждане) получали награды немусульманских государств, содержавших изображения креста, или посещали Ватикан. Крест, как подчеркивал М.М. Аль-Мирсаль, – «сам по себе ничего не означающее определенной формы изделие, на котором, по утверждению христиан, был распят Христос (*Аль-Масих*), что и стало затем поводом для его превращения в символ верящих в распятие Христа». Но, продолжал он далее, поскольку «распятие Христа опровергается Благородным Кораном: “А они не убили его и не распяли”[37], постольку опровергается и вера в распятие Христа как элемент, связанный с многобожием». Это означает лишь, что «мусульмане могут пользоваться произведенными христианами вещами, на которых присутствует изображение креста, поскольку крест не имеет для мусульманина никакого смыслового значения»[38].

В свою очередь, и посещение Ватикана – «центра католической Церкви (как и посещение храмов различных христианских конфессий) не рассматривается законоучителями (хотя между ними и существуют расхождения) как многобожие». Напротив, точка зрения Высшего Совета улемов, подчеркивал автор «Увещевающего», высказанная в опубликованной им фетве, гласила: «Если твое посещение церкви вызвано лишь стремлением проявить терпимость и толерантность, то оно недопустимо. Если же ты посещаешь церковь ради того, чтобы призвать их (христиан – *Г.К.*) к исповеданию ислама, чтобы расширить

число его сторонников, как и ради того, чтобы не принимать участия в их церемониях, или же в случае, если ты не опасаешься подвергнуться влиянию их верований, обычаев и нравов, то это посещение допустимо»[39]. В этом контексте (когда мнение членов одного из столпов саудовского религиозного истеблишмента выглядело равноценным позиции теологов прошлого) состоявшаяся в начале ноября 2007 г. в Ватикане встреча короля Абдаллы бен Абдель Азиза с папой Бенедиктом XVI (как и предшествовавшая ей в 1999 г. встреча принца Абдаллы – в то время наследника престола и папы Иоанна-Павла II), когда король говорил о «шариатской справедливости и милосердии»[40], становилась «дозволенной», поскольку она знакомила «многобожников» с «подлинным» исламом, расширяя число его почитателей, превращая утверждение антисистемной оппозиции о невозможности сохранения лояльности правителю, поддерживающему отношения с «многобожниками», в не выдерживающее критики «заблуждение».

III

Вопрос о джихаде, вне сомнения, один из принципиальнейших для современной мусульманской мысли. Являются ли вооруженные действия ради отражения внешней агрессии «обязанностью» мусульманина в современную эпоху? Предлагая точку зрения противников саудовской власти, М.М. Аль-Мирсаль резюмировал ее: «Законоучители согласны в том, что джихад – обязанность каждого мусульманина (*фард айн*) в случае, если противник напал на страну мусульман (*биляд аль-муслимин*) или захватил эту страну. Много веков назад была захвачена Андалузия и другие мусульманские территории, ныне же противник угнетает мусульман Палестины, Чечни, Афганистана, Ирака и других территорий, что означает, что джихад вновь стал обязанностью каждого мусульманина»[41].

Фетва М.М. Аль-Мирсаля, направленная на то, чтобы разоблачить это «заблуждение», отталкивалась в первую очередь от утверждения об иллюзорности существования «страны мусульман», – исходя из новой интерпретации мнения М. ибн Абдель Ваххаба: «Люди в течение долгого времени … не могут обрести единого имама», он утверждал не только «существование различий между странами мусульман (*бульдан аль-муслимин*)»,

как и «многообразие существующих в этих странах политических устройств», но и считал немыслимым в сегодняшних условиях говорить о том, что «было захвачено много веков тому назад». Если же «страны мусульман» различны, то проблема джихада в современном мире должна быть коренным образом пересмотрена. Однако, что есть джихад?

Вооруженные действия мусульманского государства против «государства многобожников» могут определяться «законной причиной – расширением горизонта призыва к Господу с тем, чтобы слово Господа было превыше всего»[42]. Иными словами, эта форма джихада не «битва за то, чтобы обрести власть над богатствами других, как это происходило в колониальную эпоху», как и «не битва за то, чтобы заставить людей переменить веру, поскольку Всевышний Господь сказал: “Нет принуждения в религии”[43]». Однако в условиях сегодняшнего дня, когда «мир стал открытым, а средства связи и информации достигли своего нынешнего уровня, мусульмане могут донести свой призыв до других, не прибегая к битвам и сражениям»[44].

Иная форма джихада имеет непосредственное отношение к враждебным действиям «противника против мусульманского государства, когда необходимо отразить совершаемую агрессию». Вместе с тем этот джихад «становится обязанностью только для жителей соответствующего государства, а не всей совокупности мусульманских государств, прежде всего в силу различий между этими государствами». Однако существует и третья форма джихада – «джихад помощи (*джихад ан-насра*)», определяемая тем, что подвергшееся нападению противника мусульманское государство «обращается с просьбой о помощи к другим мусульманским государствам». Однако и в этой ситуации могут возникать существенные ограничения: «Разумеется, – отмечал М.М. Аль-Мирсаль, – мусульманские государства должны оказывать эту помощь, но основываясь, однако, на словах Всевышнего: “А если они попросят у вас помощи в религии, то на вас лежит помощь, если только не против того народа, между которым и вами есть договор”[45]». Это означало лишь, что для оказания такой помощи необходимо, чтобы «оккупированная страна обратилась с соответствующей просьбой», чтобы эта помощь была «направлена на защиту веры единобожия, а не многобожия», как и чтобы оказание помощи «не нарушало соглашений с той или иной стороной конфликта». Наконец, как считал автор «Увещевающего», помощь должна

быть связана со способностью государства ее предоставить: «Как говорил Всевышний: “Бойтесь Аллаха по мере своих возможностей”[46]»[47].

Проблема джихада состояла, однако, и в том, в какой мере его ведение является правомочным в современном мире. Точка зрения противников саудовской власти, как ее цитировал автор «Увещевающего», заключалась в том, что тексты Священного Писания «доказывают, что джихад представляет собой единственное решение проблем уммы, связанных с унижением и господством противников». Поскольку *умма* «уже обращалась к ведению переговоров, к заключению мира, поскольку она веками молчала и подчинялась, что только усиливало ее унижение, как и гнет со стороны ее врагов, постольку следует последовать словам Пророка: “Если вы оставили джихад, то Аллах обрушит на вас унижение, от которого вы не избавитесь до тех пор, пока не вернетесь к вашей религии”[48].

Опровергая это «заблуждение» в своей очередной фетве, официальный саудовский богослов отмечал: «Джихад – в широком смысле – усилия, направленные на то, чтобы осуществить то, что угодно Всевышнему Господу. Это – все благонравные поступки, что означает, что джихад является основой решения вопросов, связанных с реформами в жизни наций и людей. Если человек утверждает, что джихад это только сражение, то сражение – отнюдь не единственный путь к решению проблем уммы. Исламская умма имеет немало нерешенных проблем – невежество, отклонение от веры, распространение предрассудков, религиозная и светская отсталость (*ат-тахаллюф ад-диний ва ад-дуньявий*), бедность, анархия, коррупция, конфликты. Эти проблемы можно решить, лишь опираясь на науку (*аль-ильм*), на возвращение к единобожию, к следованию Сунне, к распространению истинного сознания, на основе всестороннего хозяйственного роста, антикоррупционных мер, создания конкурентной среды в сфере исследований, индустриализации, на базе преданности властителям. Посылая болезнь, – добавлял он, – Господь посылает и лекарство от нее».

М.М. Аль-Мирсаль пытался воскресить подлинное понимание значения джихада обязательность используемого им религиозного дискурса – данность, в которую естественно включались и многообразные аспекты общественно-экономического развития. Важно, вместе с тем, и другое его суждение: «вооруженное сражение – последний выбор и последний рецепт лечения».

Напротив, «утверждение же, связанное с тем, – подчеркивал он, – что мир и соглашения с немусульманскими странами лишь усиливают унижение мусульман – заблуждение, опровергаемое фактами жизни». Эти соглашения способствовали «получению мусульманами многих преимуществ, самым главным из которых стало распространение ислама в различных регионах мира, включая и Соединенные Штаты». Предлагаемые же «заблудшей сектой» джихад, как и «совершенные ею во имя ислама террористические акции привели к самым отрицательным последствиям для джихада и сопротивления, которые ведутся в оккупированных мусульманских странах – Палестине, Афганистане и Ираке». Эти «акции» стали «основной причиной падения правительства исламского движения Талибан». Против аргументации противников саудовской власти использовалась и казуистика: «Разве в цитируемом ими хадисе Пророк говорил “Пока будете сражаться”? Нет, он подчеркивал: “Пока не вернетесь к вашей религии”. Разве не говорил Всевышний: “О вы, которые уверовали! Входите все в покорность и не следуйте по стопам сатаны”[49]».

Написавший «Увещевающего» теолог, осуществляя начинание власти, должен был отделить «умеренный ислам», опора на который в сегодняшнем мире придавала законность саудовской власти и ее союзу с улемами, от ислама «заблуждений», ислама «излишества и крайностей», дискредитирующего эту власть. Его задача состояла в том, чтобы провести четкую грань между двумя интерпретациями религиозной доктрины, разорвать цепь «фальсификаций», одним из звеньев которой представала ассоциация мусульманской доктрины и террора, поскольку противники власти утверждали, что ислам – «религия устрашения»[50], ссылаясь на коранический айят: «И приготовьте для них, сколько можете, силы и отрядов конницы; ими вы устрашите врага Аллаха»[51], как и на хадис: «Я насмехаюсь, сражаюсь или истребляю (*Ана дахxук катталь ау заббах*)[52]»[53]. Арабское *ирхаб* – как производное от *архаба – запугивать*, *устрашать*, *заставлять трепетать* и есть, собственно, тот термин, который используется сегодня для выражения понятия *террор* и *терроризм*. Представляя точку зрения сторонников «заблудшей секты», этот теолог замечал, что, как они считают, «борьба с терроризмом – это борьба с джихадом на пути Аллаха, ведущимся против подчинения исламского мира Западу»[54].

Опровергая же представленную точку зрения, М.М. Аль-Мирсаль замечал, что арабский термин «ирхаб» возник только в условиях сегодняшнего дня, но отсутствовал в дискурсе мусульманских *факихов*. Это было логично, – обогащаясь новыми терминами, арабский язык (как и все языки Востока и иных, развивающихся регионов современного мира) всего лишь калькирует американо-европейские политические термины, отвечая на мощный вызов Запада, представленный в настоящее время господствующим в глобальном масштабе английским языком. Однако это – не самая принципиальная часть его опровержения. Едва ли не самым важным для него является стремление обратиться к иным коранические текстам, доказывающим, во-первых, что «страх перед Господом – один из способов поклониться Ему в сердце человека», во-вторых же, «устрашение – от нечистого». Существует, как считал автор «Увещевающего», непреодолимая пропасть между смыслами противостоящих друг другу коранических цитат: «Поистине, они устремлялись к благим делам и призывали Нас с надеждой и трепетом (*рахбан*) и были перед Нами смиренными»[55], с одной стороны, и «Это только сатана, который делает страшными своих близких. Но не бойтесь их, а бойтесь Меня, если вы верующие!»[56], как и история Моисея и колдунов фараона – «А когда они бросили, то околдовали глаза людей и перепугали их и привели великое колдовство»[57], с другой.

Однако существовал и более принципиальный аспект предлагавшегося М.М. Аль-Мирсалем «опровержения» – дезавуирование (называемое им, конечно же, «исправлением») цитировавшегося выше в связи с ассоциацией «терроризма» и «джихада» (в том его понимании, которое предлагалось этим законоучителем) хадиса. Это сообщение о словах и поступках Пророка «исправлялось» им на основе отсылок к иным хадисам «Сахиха» Аль-Бухари, как и сборников, связанных с жизнеописанием Мухаммеда и составленных иными законоведами. В свою очередь, это «исправление» сопровождалось ссылками на многочисленные коранические тексты – обычный прием любого теолога. Важнее другое обстоятельство: осуществляемая им операция происходила в Саудовской Аравии и определялась условиями сегодняшнего дня, заставляющими автора «Увещевающего» приходить к выводу о том, что этот хадис не может быть подвергнут исправлению, по-

скольку он ложен, или, если пользоваться его словами: «Хадис “Я насмехаюсь, сражаюсь или истребляю”, отсутствует в книгах Сунны»[58].

Не менее принципиален и другой вывод автора «Увещевающего»: «Джихад не может быть самоценным актом веры (*ибада максуда ли затиха*)»[59]. Решение вопросов, связанных с ведением джихада, но лишь как инструмента защиты уммы от действий неприятеля, ни в коей мере не является сферой полномочий *имама* (что, как подчеркивал М.М. Аль-Мирсаль, «связано исключительно с шиитским мазхабом, предлагающим понимание этого понятия, отличное от его понимания суннитами»[60]), оставаясь прерогативой «правителя», согласно айятам «И повинуйтесь Аллаху и Его посланнику и не препирайтесь, а то ослабеете и уйдет ваша мощь»[61] и «Сражайся же на пути Аллаха! Вменяется это только самому тебе, и побуждай верующих»[62], когда это «побуждение» – задача «правителя. В свою очередь, его участники – *аль-муджахидун*, которым якобы обещано посмертное вознаграждение – «райский сад», не могут быть претендентами на роль «победоносной общины (*ат-таифа аль-мансура*)», хотя они и претендуют на это, опираясь на неверно интерпретируемый ими хадис «Есть в моей нации община правых, победоносная, не нанесет ей ущерба противник до поры, когда этого пожелает Аллах»[63]. Но их претензии, по словам автора «Убеждающего», противоречат точке зрения великих богословов, для которых эта «община» – «сражающиеся на пути Аллаха обновители и реформаторы религии и жизни уммы – улемы, правители, борцы».

Порочна и практика *аль-муджахидун*, якобы доказывающая их стремление обрести статус *свидетелей – шухада* – с помощью обращения к самоубийственным акциям и убийствам людей (вне зависимости от того, где они совершаются, в «странах ислама» или за их пределами). Эта практика, отмечал М.М. Аль-Мирсаль, полностью противоречит словам Всевышнего: «И не убивайте самих себя. Поистине, Аллах к вам милосерд! А кто делает это по вражде и несправедливости, того Мы сожжем в огне. Это для Аллаха легко»[64]. Равным образом, считал он, преднамеренное человекоубийство недопустимо: «По этой причине предписали Мы сынам Исраила: кто убил душу не за душу или не за порчу на земле, тот как будто бы убил людей всех. А кто оживил ее, тот как будто бы оживил людей всех»[65].

IV

Первая фетва М.М. Аль-Мирсаля, касающаяся мнения участников антисистемного подполья по поводу отношения к немусульманам (имеющего непосредственную связь с темой «отлучения от веры» правителей, поддерживающих контакты с немусульманами), называлась, используя риторику противников власти, «Многобожникам только меч»[66]. Эта риторика опиралась, по крайней мере, на два широко используемых подпольем текста – хадис «Я послан с мечом до поры, пока не обратятся к единому Богу» и «айят меча» – «А когда закончатся месяцы запретные, то избивайте многобожников, где их найдете, захватывайте их, осаждайте, устраивайте засаду против них во всяком скрытом месте. Если они обратились и выполняли молитву и давали очищение, то освободите им дорогу: ведь Аллах любит богобоязненных!»[67]. Оба этих текста, как считают члены «заблудшей секты», отмечал автор «Увещевающего», «отменили (*насахат*) все айяты взаимодействия с многобожниками, основанные на неприменении против них силы, на отказе от обложения их налогом – *джизья*[68] или обращения в ислам»[69].

«Опровержение» этого «заблуждения» – сложная задача. Тем не менее автор не сомневался в своей правоте, – ведущие теологи прошлого цитировали этот хадис либо без слов «я послан с мечом», либо квалифицировали его как «слабый»[70]. Более того, он выражал сомнение в отношении того, что появление «айята меча» привело к «отмене» иных, связанных с немусульманами коранических текстов: «В противном случае пришлось бы приостановить действие десятков текстов Книги и Сунны, свидетельствующих о разрешении мира, амнистии, прощении, милосердии в отношении немусульман, что определяется как интересами самих мусульман, так и позицией, занимаемой их противниками в отношении их самих и их религии. Сказал же Всевышний: “Не дает вам Аллах запрета о тех, которые не сражались с вами из-за религии и не изгоняли вас из ваших жилищ, благодетельствовать им и быть справедливыми к ним, – ведь Аллах любит справедливых!”[71]». Подтверждение этой позиции М.М. Аль-Мирсаль находил и в словах Ибн Таймийи: «Те же из людей, кто говорят, что айяты о спорах и диспутах с многобожниками отменены айятом меча,

который, как эти люди считают, дозволяет вести только законную войну с ними, ошибаются»[72].

Если же «айят меча» не «отменяет» иные тексты Корана и Сунны, то любая постановка вопроса о «недозволенности» проживания «многобожников» в странах ислама, утверждал М.М. Аль-Мирсаль, даже в случае, если это проживание обеспечивает предоставленный мусульманским государством «договор – *ахд*», должна быть полностью отвергнута. Немусульмане въезжают в Саудовскую Аравию по выданной им «правительством визе, являющейся разрешением на пребывание и гарантией их безопасности», как и мусульмане «въезжают в немусульманские страны на основе идентичной визы». Предоставление визы в качестве документа, гарантирующего безопасность, а также вытекающие из этого документа обязательства, отвечают, как он считал, духу нескольких кораническихаятов – «О вы, которые уверовали! Будьте верны в договорах»[73], «И исполняйте верно договоры: ведь о договоре спросят»[74], «А если кто из многобожников просил у тебя убежища, то приюти его, пока не услышит слова Аллаха. Потом доставь его в безопасное для него место. Это – потому, что они – люди, которые не знают»[75].

Существуют, однако, известные хадисы, которые гласят: «На Острове (Аравийском полуострове – *Г.К.*) не могут соединяться две религии»; «Изгоните многобожников из Острова арабов». Эти хадисы всегда рассматривались противниками саудовской власти как неукоснительное повеление изгнать немусульман с территории страны, с одной стороны, как и доказательство «порочности» этой власти, действия которой противоречат словам Пророка. Одна из фетв М.М. Аль-Мирсаля «разоблачала» и это «заблуждение».

Его суждение в связи с этим «заблуждением» исходило, в первую очередь, из того, что даже если признать незыблемость обоих хадисов, то и в этом случае «изгнание» вовсе не предполагает убийств или совершения каких-либо иных насильственных действий в отношении проживающих в Саудовской Аравии немусульман. С другой стороны, отмечал он, известные богословы никогда не были едины в определении пределов «Острова арабов» – ограничен ли он лишь «Двумя Благородными Святынями» – Меккой и Мединой, распространяется ли это определение на всю территорию Аравийского полуострова или же и на прилегающие к нему регионы Египта,

Ирака и «исторической Сирии[76] – *Аш-Шам*»? Тем не менее большинство богословов, исходя из практической ситуации ранних лет существования государства Мухаммеда, считали, по словам М.М. Аль-Мирсаля, что понятие запретного для немусульман «Острова арабов» относится только к Мекке и Медине, – не только Пророк, но и «праведные халифы» «оказывали свое покровительство иудеям Хайбара[77] и Йемена, христианам Неджрана[78], как и зороастрийцам (*аль-маджус*) Аль-Хасы[79], вовсе не требуя их изгнания оттуда до тех пор, пока они не нарушили налагавшиеся на них обязательства». При этом «иудеи Йемена живут там и сегодня[80]»[81].

Историческая справка автора «Увещевающего» представляла собой, скорее, выражение сомнения в значении обоих хадисов, что становилось тем более очевидно, когда он, ссылаясь на точку зрения основателей неханбалитских мазхабов суннитского ислама, утверждал: «Для ханафитов пребывание немусульман в Острове арабов, за исключением *Аль-Масджид Аль-Харам* – Запретной мечети (Главной мечети Мекки – *Г.К.*) полностью дозволено (*яджуз мутлякан*), Малик считал возможным их пребывание в Запретной мечети, где они могли совершать торговые операции, Аш-Шафии же говорил, что они не могут входить в Запретную мечеть, не получив разрешения имама, дозволяющего им это в особых интересах мусульман»[82].

Равным образом это относилось и к мнению Ибн Таймийи, считавшего, как утверждал М.М. Аль-Мирсаль, «возможным пребывание многобожников на Острове арабов в случае, если в этом нуждаются мусульмане»: «Когда Пророк, – говорил этот непререкаемый для последователей ханбалитского мазхаба теолог, – завоевал Хайбар, он был отдан иудеям с тем, чтобы они занимались там земледелием. … Когда же число мусульман возросло, они смогли обходиться без иудеев, которые и были выселены оттуда». В дальнейшем же, продолжал М.М. Аль-Мирсаль, эта точка зрения стала «ведущей среди теологов, говорящих о том, что пребывание многобожников в странах ислама дозволено … в обстоятельствах, когда они нужны мусульманам». Апелляция к точке зрения наиболее авторитетных богословов четырех мазхабов суннизма естественно подводила автора «Увещевающего» к выводу об обоснованности пребывания немусульман в современной Саудовской Аравии («в них нуждаются мусульмане»), как и законности фетв Высшего совета улемов, разрешавших это пребывание (вне зависимости от того,

шла ли речь о гражданских специалистах или военнослужащих, как это происходило в начале 90-х годов в связи с операцией освобождения Кувейта) и осуждавших террористические акции, совершавшиеся против граждан немусульманских стран в Эль-Хубаре, Янбо и других саудовских городах.

Однако возникал и еще один аспект отношения мусульман к немусульманам: если ислам – религия, более значимая, чем ее предшественники – иудаизм и христианство, а Мухаммед – Пророк, завершающий цепь посылавшихся Господом людям пророков – *печать пророков (хатим аль-анбия)*, то в какой мере можно говорить о возможности введения норм мусульманского права в отношении «многобожников»? Для сторонников антисистемного подполья *невежество – аль-джухль* немусульман в отношении «подлинной» религии не исключает распространения на них норм шариатского права. Для саудовского же религиозного истеблишмента, точка зрения которого выражается М.М. Аль-Мирсалем, сама постановка проблемы «невежества иудеев и христиан» не выдерживает критики, – «иудеи и христиане, – писал он, – ни в коей мере не связаны с исламом»[83].

Этот вывод имел, по меньшей мере, три последствия. Немусульмане, во-первых, не могли быть «отлучены» мусульманами от религии, поскольку «нет ни одного Божественного откровения, позволяющего это сделать», – их не ждут «мучения в ином мире», что, как отмечает автор «Увещевающего», вытекает из слов Господа: «Мы не наказывали, пока не посылали посланца»[84]. Это предполагало, что любые наказания в отношении немусульман определяются не доктриной ислама, а установками их собственных религий. Во-вторых, какие-либо насильственные действия, предпринимаемые мусульманами в отношении немусульман, не ведущих против них войну и не нарушающих прав исповедующих ислам, не могли рассматриваться как «допустимые», – иные подходы противоречили, по крайней мере, двум кораническим текстам: «О посланник! Передай, что низведено тебе от твоего Господа. А если ты этого не сделаешь, то ты не передашь Его послания»[85] и «Он послал среди простецов посланника из них; он читает им Его знамения, и очищает их, и обучает их писанию и мудрости, хотя раньше они были, конечно, в явном заблуждении»[86]. Наконец, в-третьих (это последствие определялось сугубо внутрисаудовской ситуацией), сегодняшнее отношение к немусульманам, проживающим в мусульманских странах, должно определяться

исключительно фетвами местного религиозного истеблишмента в силу того, что он представляет собой единственную обладающую «религиозным знанием – *аль-маарифа аль-ильмийя*», связанным с территорией его юрисдикции, инстанцию.

V

Позиция противников власти, выражающая себя в «отлучении от веры (*ат-такфир*)» мусульман и, в первую очередь, «нечестивых правителей», выступала, как считал М.М. Аль-Мирсаль, едва ли не в качестве центрального звена воззрений последователей «заблудшей секты». Их позиция не ограничивалась лишь «доказательством» отхода этих правителей от религиозной догмы, выражающего себя в поддержании контактов с представителями иных религиозных доктрин, – уже эпоха становления нынешнего саудовского государства требовала от его основателя короля Абдель Азиза Ибн Сауда развития таких контактов.

Существовал и более широкий контекст постановки проблемы – выдвигаемое антисистемным подпольем утверждение о том, что эти правители «вернулись к доисламскому времени». Этот посыл был связан с ригористическим мнением ханбалитских религиозных авторитетов (Ибн Таймийя, Мухаммед ибн Абдель Ваххаб) о том, что «возвращение к джахилийе» выражает себя во введении «новшеств – *бидъа*» в практику веры, что равноценно отходу от «подлинного» ислама. Эти «новшества» не только отрицали естественное для мусульманина «подчинение Всевышнему Господу и Его Пророку», но, отрицая его, становились синонимом «отхода – *ар-ридда*» от ислама. В этом случае, как считали противники власти, «обязанностью мусульманина становится «убийство отошедших от религии – *аль-муртаддин*». Эта «обязанность» вытекала из хадиса: «Кто сменил религию, убейте его»[87].

«Новшества», доказывающие «отход» от религии, многочисленны: кроме вступления мусульманских стран в международные организации в рамках общего контекста поддержания многосторонних и многообразных отношений с «многобожниками», речь шла, в том числе, и о введении в практику мусульманских стран «заменяющих» шариат *позитивистских законов* – *аль-каванин аль-вадъийя*, и о падении моральных устоев, когда происходило обращение к практике банковского процента –

запрещенной мусульманским правом *лихвы – риба*. В списке «новшеств», доказывающих «возвращение» правителей и общества к джахилийе, могли присутствовать и иные «религиозно осуждаемые» деяния: *прекращение* джихада, использование сил государственной безопасности (или армии) для противостояния *муджахидун*, пропаганда идеи патриотизма, а также введение системы государственного образования. Рассмотрению и «опровержению» недопустимости этих «новшеств» посвящены несколько фетв автора «Увещевающего».

Проблема «позитивистских законов» как одно (и, быть может, наиболее существенное) обвинение, предъявляемое власти ее противниками, это реальность Саудовской Аравии (а также, разумеется, других мусульманских стран, где конституции давно уже стали основой местных политических систем), связанная не только с эпохой конца 90-х годов (когда появился как Основной закон правления, так и сопровождавшие его Закон об управлении провинциями, Закон о Консультативном совете и Закон о совете министров), но и более ранних периодов в истории современного саудовского государства. Начиная со времени правления короля-основателя Абдель Азиза Ибн Сауда, и в дальнейшем, когда вершину политического истеблишмента стали занимать его сыновья, появление законодательных актов, указов (*марсум*) или распоряжений (*амр*) стало частью повседневности, – политически Саудовская Аравия медленно, но последовательно и неуклонно модернизировалась.

Все же эпоха конца 90-х и начала 2000-х годов стала переломной в процессе этой модернизации и законотворчества: вне зависимости от неизменно прокламируемого утверждения о том, что «конституцией» (употребление этого неарабского и немусульманского по происхождению термина в отношении Корана само по себе двусмысленно) саудовского государства является «Книга Всевышнего Господа и Сунна Его Пророка», оно во все большей степени живет по нормам «позитивистских законов», пусть даже эти законы и называются не *каванин*, а *уложениями – анзыма*. Это обстоятельство позволяет антисистемному подполью, опираясь на коранические айяты: «А кто не судит по тому, что низвел Аллах, то это – неверные» и «И суди между ними по тому, что низвел Аллах, и не следуй за их страстями, и берегись их, чтобы они не соблазнили тебя от части того, что низвел тебе Аллах»[88], обвинять власть в возвращении к временам «джахилийи».

Опровергая это «заблуждение», М.М. Аль-Мирсаль не мог не оговориться, что «правление на основе низведенного Господом – долг всех мусульман, а вера состоит в том, что положения шариата верны во все времена и в любом месте»[89]. Поскольку задача автора «Увещевающего» заключалась в том, чтобы защитить действия власти, он должен был в силу определяемого конструкцией саудовской политической системы распределения обязанностей политического истеблишмента и его духовного аналога обратиться к религиозной казуистике. Ссылаясь на мнение богословов прошлого и настоящего (в их ряду присутствовали Рашид Рида, Юсеф Кардави, Ибн Таймийя, как и современные саудовские богословы, прежде всего Абдель Азиз бен Баз), он утверждал, что оба цитируемых сторонниками «заблудшей секты» аята «неочевидны – *ляйсат аля захириха*» с точки зрения возможности опоры на них для «обвинения в неверии».

Позиция богословов прошлого и настоящего в этом контексте очевидна: они везде и повсюду искали покровительства власти или точек соприкосновения с ней, позволявших им идти на компромиссы в толковании коранических текстов. Случай М.М. Аль-Мирсаля не является в этом отношении каким-либо исключением: значительная часть его фетвы, связанной с «позитивистскими законами», посвящена цитированию либо точки зрения саудовского Совета высших улемов, либо монархов, последовательно сменявших друг друга на троне – от Ибн Сауда до Абдаллы бен Абдель Азиза[90]. Это обстоятельство и заставляло его приходить к ожидаемому выводу: «Королевство Саудовская Аравия основано на власти шариата, регулирующего все стороны его жизни. Все принятые в нем уложения подчинены шариату, как об этом говорил король-основатель и все властвовавшие после него короли». Наконец, обращаясь и к противникам власти, и к «богобоязненному» саудовскому обществу, автор «Увещевающего» писал: «Все утверждения, касающиеся господства позитивистских законов, направлены на нанесение ущерба Королевству, правление в котором опирается только на то, что было низведено Господом. Позитивистские же законы, – продолжал он, – созданы людьми, справедливость которых, знания которых не известны, как не известны их цели и устремления. Что важнее – утверждения неграмотных людей или великих знатоков наук? Чье мнение необходимо принять? … Только знатоки наук верно судят о правителях,

помогая им избежать ошибок и устранять недостатки. Ведь как сказал Всевышний: “И помогайте одни другим в благочестии и богобоязненности, но не помогайте в грехе и вражде. И бойтесь Аллаха: поистине, Аллах силен в наказании”[91]»[92].

Падение общественной морали, отвечал противникам власти М.М. Аль-Мирсаль, «выражающее себя в прелюбодеянии, употреблении спиртных напитков, как и в обращении отдельных людей к практике лихвы», означает, что «в обществе существуют малые и большие грехи, которым необходимо противостоять, но которые никогда не удается полностью изжить». Вместе с тем, по мнению теолога, эти «грехи» ни в коей мере нельзя рассматривать «как такие нарушения религиозных устоев, которые требуют изгнания из общины». Иная точка зрения – «хариджитская[93] ересь и излишество, поскольку только хариджиты отлучают от веры из-за больших грехов»[94]. А поскольку речь идет о «еретическом» взгляде на действительно существующую ситуацию, к ней неприменим и тот хадис, к которому в этом случае апеллируют противники власти: «Кто своей рукой воевал с ними (*джахадахум*), тот и есть верующий». Искоренение последствий падения нравов – задача отвечающего за это государственного института – «Лиги общественной морали (*Хейа аль-амр би аль-маарруф ва ан-нахи ан аль-мункар*)», как и «улемов, обязанностью которых выступает обращение к подобающим мерам, призванным блюсти общественные интересы и сужать сферу распространения греховных дел». В этой связи М.М. Аль-Мирсаль добавлял: «Ныне прилагаются необходимые усилия, направленные на то, чтобы отказаться от запретной лихвы и заменить ее разрешенной исламом практикой банковского дела. Некоторые банки уже полностью отказались от взимания процента, ряд банков движется по пути их “исламизации”, другие же уже полностью завершили этот свой путь. Это явление следует поощрять и поддерживать, что вовсе не требует обращения к помощи Господа».

Обращаясь к точке зрения противников власти, обвиняющих ее в «возвращении к джахилийе» в силу того, что она более не ведет джихад, М.М. Аль-Мирсаль приводил, в том числе, и их важнейший довод в пользу его продолжения, почерпнутый из одной из фетв Ибн Таймийи: «Если нашлась община, отказавшаяся от каких-либо обязательных молитв, либо от поста, либо от хаджа, либо от запрета вина, прелюбодеяния, азартных игр, либо пошла по пути разрешения женитьбы на запретных

женщинах, либо отказалась от джихада против многобожников, как и от обложения джизьей людей Писания, либо от других предписаний религии, от которых недопустимо отрекаться или оставлять их, то с этой общиной следует сражаться». Фетва завершалась словами: «В этом отношении мне неизвестны расхождения между законоучителями»[95].

Автор «Увещевающего», казалось бы, оказывался в сложной ситуации: он должен спорить с ведущим улемом господствующей в его стране правовой школы. Тем не менее он ему возражает, подчеркивая в первую очередь, что «джихад – проявление поклонения (*ибадат*)», а «поклонение основано на двух условиях – преданности (*ихлас*) и следовании Пророку». Если первое «условие», как он подчеркивал, определяется «словом Всевышнего “И было им повелено только поклоняться Аллаху, очищая перед ним религию, как ханифы[96]»[97], то второе – хадисом Пророка “Кто совершил деяние, не разрешенное нами, тот отошел от веры”». Далее М.М. Аль-Мирсаль продолжал: «Значение джихада на пути Господа не состоит только в сражении, да и не каждый джихад на Его пути – сражение. Наилучшим образом джихад определил шейх ислама Ибн Таймийя: “Джихад – устремление, способность получения возлюбленной правоты и отвержение того, что ненавистно правоте”»[98]. Развивая эту мысль, он продолжал: «Господь же говорил о джихаде как о призыве к Благородному Корану, когда диспут с многобожниками невозможен и требует противостояния им: “Не повинуйся же неверным и борись с ними этой великой борьбой (*джихадан кабиран*)”»[99].

Джихад «в значении битвы», добавлял далее автор «Увещевающего», возможен только тогда, «когда слово Господа превыше всего, когда религия принадлежит только Ему, но если же битва приведет к унижению верующих, к поруганию знамени религии, к притеснению ее последователей, к торжеству знамени ее врагов, то тогда джихад недопустим»[100]. Определение же времени ведения джихада – «одна из важнейших проблем проводимой мусульманскими странами политики». Однако политика «отдана шариатом правителям, возглавляющим мусульманские государства», – «недаром же Пророк запретил битвы в эпоху своего пребывания в Мекке, разрешив их после создания исламского государства в Медине». Поскольку же «людям Сунны и сообщества (*ахль Ас-Сунна ва аль-джамаъа – суннитам*) вменяется в обязанность подчиняться их правителям

и не покушаться на то, что передано им и что является их полномочиями, согласно мнению шариата, постольку все, что относится к сфере политики, включая вопросы войны и мира, заключения договоров, определения границ, введения правителей во власть, определяется словами Всевышнего: “О вы, которые уверовали! Повинуйтесь Аллаху и повинуйтесь посланнику и обладателям власти среди вас”[101]».

Резюмируя точку зрения противников власти в отношении использования сил государственной безопасности (или армии) для противостояния *муджахидун*, М.М. Аль-Мирсаль отмечал, что, по мнению сторонников «заблудшей секты», они должны отвечать на действия «защитников тирана» уничтожением тех, кто его защищает. Служащие органов государственной безопасности «защищают трон тирана, помогая угнетателю, что превращает их в больших преступников, чем сам преступный правитель». Пролить их кровь – «достойное деяние, поскольку они преследуют моджахедов и убивают их»[102]. Для автора «Увещевающего» это одно из «заблуждений».

Суть этого «заблуждения» определялась, по его словам, как его «опровержениями» узкого понимания смысла джихада, так и «недопустимостью возбуждения смут в странах мусульман». Однако главное «возражение» М.М. Аль-Мирсаля в посвященной этому вопросу фетве заключается в том, что «сотрудники органов безопасности в Королевстве Саудовская Аравия – мусульмане, принесшие основанную на шариате клятву верности их правителю». Они «защищают безопасность собственной страны, совершая великий джихад на пути Господа, поскольку оберегают страну мусульман от покушающихся на ее граждан и их правителей», они «не убивают сторонников излишества, а охраняют мусульман, ведь если бы эти сторонники смогли превозмочь служащих в силах безопасности, то страна мусульман пошла бы по пути анархии, кровопролития и бесконечной череды смут». Как и в случае «опровержений», касавшихся проблем введения «позитивистских законов», «прекращения джихада» или «падения моральных устоев», официальный саудовский теолог вновь доказывал, что в действиях власти отсутствует даже стремление ввести в жизнь «новшества», напротив, эта власть, меняя страну, действует исключительно в рамках шариата.

Эта же позиция отличала и предлагавшиеся им «опровержения», касавшиеся двух других «новшеств» – идеи патрио-

тизма (*аль-ватанийя*) и введения в Саудовской Аравии системы государственного образования.

Начиная свою фетву, касающуюся патриотизма, М.М. Аль-Мирсаль, как этого требовал жанр, излагал позицию своих оппонентов: «Возможна лишь принадлежность исламу, но не к неким родинам. Мусульманина отличает от мусульманина степень благочестия, но не гражданство или национальная принадлежность. Родина – понятие джахилийи и язычества, в духе которого ныне воспитывают людей»[103]. Разоблачая это «заблуждение», автор «Увещевающего» замечал: «Нет никакого сомнения в том, что “мусульманина отличает от мусульманина степень благочестия”, но в словах Господа благочестие неразрывно связано с родиной человека: “О люди! Мы создали вас мужчиной и женщиной и сделали вас народами и племенами, чтобы вы знали друг друга. Ведь самый благородный из вас пред Аллахом – самый благочестивый”[104]». Более того, подчеркивал он, «любовь человека к родине – врожденный инстинкт, ведь сам Господь говорил о значении родины и обязывал души человеческие любить ее: “А если бы Мы предписали им: “Убейте самих себя! – или выйдите из ваших обиталищ!” – то сделали бы это только немногие из них”[105].

Это означало, по словам М.М. Аль-Мирсаля, что «Господь Всемогущий сделал равным уход из обиталищ убийству самих себя». В хадисе, «переданном Ибн Аббасом[106], Пророк говорил о Мекке после того, как он совершил хиджру: “Сколь сладостна она и сколь я ее люблю. Если бы ее жители не заставили меня уйти, то я жил бы только в ней”»[107]. Но Пророк любил и Медину, – в хадисе, переданном Аишей, он говорил: «Стала для нас любима Медина столь же, сколь и Мекка, а, может быть, и более»[108]. Но равным образом, замечал М.М. Аль-Мирсаль, это относилось и к «любившим свою родину и семью» Пророкам, предшествовавшим Мухаммеду: «И когда Муса выполнил свой предел и отправился в путь с семьей, он заметил у стороны горы огонь. Он сказал своей семье: “Останьтесь, я заметил огонь, может быть, я приду к вам от него с какой-нибудь вестью или головней из огня, может быть, вы согреетесь”»[109].

Однако же, продолжал автор «Увещевающего», «если родина – мусульманская, если там претворяются законы ислама, а жизнь течет по принципам шариата, то любовь к родине обретает черты не только врожденного инстинкта, но и подлинной веры». К Саудовской Аравии это относится в первую очередь:

«В текстах богословов говорится о предпочтительности Острова арабов, о предпочтительности Мекки и Медины, о чувствах к ним, а ведь, слава Господу, все это собрало в себе Королевство Саудовская Аравия. Оно – кибла мусульман, в нем открылось Божественное откровение, оно – колыбель религии, из него распространился призыв к Господу, к единобожию, к Сунне, к содействию дозволенному и отвращению от отрицаемого, к верховенству шариата Всевышнего». Цитируя современного саудовского богослова, М.М. Аль-Мирсаль сообщал: «Королевство Саудовская Аравия – лучшая родина мусульман, ведь в нем воплощена религия Господа»[110].

Однако почему же система государственного образования – проявление джахилийи, как считают противники власти? Сообщая их точку зрения, М.М. Аль-Мирсаль писал: «Обучение в школах недопустимо, поскольку там преподают отрицаемое, связанное с многобожием, ведущим к уходу из общины. Это – теории, несовместимые с шариатом, поклонение мнениям многобожников, проповедь патриотизма, а также другие виды отрицаемого – живопись, фотография, мирские науки»[111]. Иными словами, излагавшееся ими и основанное на «заблуждении» мнение заключалось в том, что система государственного и частного образования – «новшество».

Автор «Увещевающего» подчеркивал в этой связи, что «наука – требование религии и мирской жизни (*ад-дин ва ад-дунья*)», – «первое, что ниспослал Всевышний нашему Пророку, было “Читай!”, подчеркивая значение науки, содержащейся в айятах Господа». С другой стороны, «пути, способы и методы познания науки многочисленны, как говорил Пророк: “Тому, кто идет по пути познания науки, Господь облегчит путь в рай”». Это означало, по мнению М.М. Аль-Мирсаля, возможность и допустимость государственного образования («не исключающего и иных форм получения научного знания»), «доказавшего, что оно лучший способ освоения науки в современную эпоху, поскольку в нем соединены поэтапность, последовательность, методы верного измерения знаний, специализация, взвешенность и всеобъемлющий характер получаемого научного знания, необходимые людям в их религии и мирских делах». В силу этого обстоятельства, делал заключение официальный теолог, «наши известные богословы ни разу не осудили существующее в Королевстве государственное образование, а в своем большинстве они участвуют в преподавании в школах и университетах». Далее же он добавлял:

«Требование запрета государственного образования высказывают только сторонники излишеств»[112].

Для официального саудовского теолога (что, впрочем, является общей постановкой вопроса для мусульманской теологии) «науки» разделяются на «обязательные», к которым, естественно, относится «религиозное знание», и «необходимые» – мирские. Цитируя Абу Хамида Аль-Газали, он вводил применительно к мирским наукам и понятие «похвальные (*махмуда*) науки»: «Похвальные науки, – отмечал Аль-Газали, – связаны с интересами мирских дел – это медицина и счет. Так, – утверждал этот шафиитский богослов и философ-рационалист, – необходимая наука та, без которой невозможно обойтись в мирских делах, как медицина, нужная для поддержания здоровья тела, как счет, нужный для торговых операций, составления завещаний и разделения наследства». Из этих слов М.М. Аль-Мирсаль делал вывод о том, что «программы преподавания в Королевстве включают только похвальные науки, необходимые для сохранения достойного места страны в современном мире». Однако насколько эти программы основаны на «поклонении мнениям многобожников» и их «теориям»?

Автор «Увещевающего» утверждал, ссылаясь на хадис, когда «Пророк назвал Геракла “героем Ар-Рума[113] (*азым Ар-Рум*)”, что признание действительных заслуг многобожников, достигших высокого уровня развития в мирских делах, в поддержании порядка, в промышленном прогрессе, не возбраняется и не осуждается шариатом, поскольку это признание объективно отражает реальность и не содержит в себе какого-либо намерения возвеличить их, либо их религию». Напротив, подчеркивал он, «это – справедливо» и вытекает из слов Господа: «О вы, которые уверовали! Будьте стойкими пред Аллахом, исповедниками по справедливости. Пусть не навлекает на вас ненависть к людям греха до того, что вы нарушите справедливость. Будьте справедливы, это – ближнее к богобоязненности»[114]. Более того, продолжал М.М. Аль-Мирсаль, – «многобожники различны по своей природе: “Среди обладателей писания есть такие, что, если ты доверишь им кинтар[115], они вернут тебе, но среди них есть и такие, что если доверишь им динар, то они не вернут его тебе, если ты не будешь все время стоять над ними”[116]». Признание же их достоинств вовсе не означает, что эти достоинства «проистекают из добра, содержащегося в их религиях», – «наша религия лучше, чем их»[117].

«Отрицаемы» ли живопись и фотография? Автор «Увещевающего», не вступая в длительную дискуссию, всего лишь замечал, что «в отношении этого вопроса нет единого мнения законоучителей». Впрочем, добавлял он, «никого в наших школах не заставляют изображать одушевленные существа, поскольку шариатское правило состоит в том, что необходимо подчиняться допустимому, а не сотворенному по воле Господа».

«Отрицаемы» ли мирские науки? Ответ на этот вопрос все так же прост: «в наших учебных программах нет ничего, что позволяло бы говорить о направленности обучения только в сторону мирских наук». Если «мусульманин изучает религиозные науки, стремясь обрести благоволение Господа, то изучение им мирских наук – медицины, инженерного дела, компьютера, даже если это и проступок, он, тем не менее, не повод для запрета этих наук». В конце концов, добавлял М.М. Аль-Мирсаль, «Господь Всевышний сказал: “Не говорите о том, что описывают ваши языки лживо. “Это – дозволено, это – запрещено”, – чтобы измыслить на Аллаха ложь. Поистине те, которые измышляют на Аллаха ложь, не будут счастливы!”[118]».

VI

Корпус саудовских законоучителей – неотъемлемый элемент «правящего класса» этой страны, а точка зрения этого корпуса – обязательное условие оправдания и придания законности внутреннему и внешнему курсу политического истеблишмента. Это относится, в том числе, и к противостоянию власти и ее оппонентов – антисистемного подполья.

Оправдывая начинания власти, противостоящей «заблудшей секте», саудовские улемы (как это было, в частности, в ходе продолжавшегося в течение осени 2011 г. процесса над членами так называемой «ячейки дома отдыха – *халийя аль-истираха*»), одна из сфер полномочий которых связана с контролем над деятельностью судебной системы, подчеркивали в первую очередь «недопустимость покушения на полномочия властителя», «неприемлемость пропаганды отлучения правителя от религии, отхода от шариатской клятвы верности этому правителю», как и в «стремлении разжечь смуту» в «управляемом по законам ислама государстве»[119]. Любая же попытка представителя этого корпуса выйти за пределы лояльности полити-

ческому истеблишменту всегда грозила ему жесткими мерами со стороны власти. Наиболее ярким примером развития событий в этом направлении стал состоявшийся в 2004 г. судебный процесс над тремя богословами-«обновленцами»: шейхами Ахмедом Аль-Халиди, Али Аль-Худейром и Насером Аль-Фахдом[120].

Регламентация деятельности корпуса законоучителей (в том числе, и с помощью силы) не может рассматриваться как явление, связанное с развитием Саудовской Аравии в течение последних лет, – она была реальностью жизни этой страны и в период правления основателя государства короля Абдель Азиза Ибн Сауда[121]. Необходимость этой регламентации и, как ее следствие, огосударствления религиозной сферы вытекала из потребностей модернизации самого саудовского государства: «В сообществе факихов существует глубокий раскол. Многие из них, – отмечал эксперт Международного совета по исламскому фикху, член комиссии по развитию положений шариата колледжа государственной безопасности имени короля Фахда, – все еще остаются пленниками древних, написанных в далекие эпохи книг. Опираясь на них, эти факихи пытаются объяснить события и явления нашего времени тем, что соответствовало времени прошлого. … Мы говорим таким факихам, что существуют общие правила, определяющие суть фикха, в частности, в сфере общественных отношений. Старый фикх, – завершал он свои слова, – необходим, но мы должны говорить о современных проблемах, решение которых следует находить в наше время и на основе современной реальности»[122]. Тем не менее процесс регламентации деятельности улемов в эпоху «этапа реформ» стал более последовательным и целенаправленным.

Частью реформирования системы судебной власти (в которой господствуют законоучители) стало внесение в конце 90-х годов изменений в принятый в 1970 г. Закон о судопроизводстве. Эти изменения предполагали, что деятельность саудовских религиозных авторитетов должна строиться, в том числе, и на «основе положений существующих уложений (Основного закона правления, Закона об управлении провинциями и Закона о Консультативном совете – *Г.К.*)»[123]. Вхождение в корпус правоведов предполагало, что саудовский гражданин обладает, «добропорядочностью и благонравием», богословской известностью, имеет диплом об обучении шариатскому праву в саудовском университете, возраст, нижний предел которого колеблется от сорока до сорока пяти лет[124]. Это вступ-

ление могло быть осуществлено только на основе королевского указа[125]. Дальнейшая деятельность правоведа, на которого распространялся Закон о государственной службе, проходила под жестким контролем министерства юстиции[126].

Но, видимо, проблема связана не только с этими обстоятельствами, а имеет вытекающие из них серьезные последствия: испытывая жесткое давление со стороны модернизирующегося государства, традиционно воспринимаемая в качестве закостеневшей ханбалитская теологическая доктрина (обычно квалифицируемая в России как *ваххабизм*) развивается. Работа М.М. Аль-Мирсаля это неопровержимо доказывает. Разумеется, эта эволюция медленна, неустойчива и не прямолинейна. Тем не менее она демонстрирует отход от жесткой традиции в направлении все большего обращения к личному суждению теолога. При этом даже если эта эволюция и вызвана сугубо прагматическими потребностями – поставленной властью задачей «разоблачения» воззрений ее противников, отрицать ее более не представляется возможным.

---

[1] Ан-Низам аль-асасий ли аль-хукм (Основной закон правления). Ст. 1. – Цит. по: *Бен Баз А.А.* Ан-Низам ас-сиясий ва ад-дустурий ли Аль-Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя (Политико-конституционная система Королевства Саудовская Аравия). Эр-Рияд, Дар Аль-Харриджи ли ан-нашр ва ат-таузиа, 2000. С. 264.

Развивая эту идею, наследный принц Наеф бен Абдель Азиз говорил: «Мы избавлены от происходящих в окружающем нас мире потрясений, поскольку наша конституция – Книга Господа и Сунна Его Пророка. Именно поэтому Господь дарил благами эту страну – источник арабизма и место Божественного откровения. Здесь жил наш Пророк … и его благочестивые преемники. Здесь родился ислам, и здесь же родился арабизм». – Аль-Амир Наеф: аташарраф би ихтияр Хадим Аль-Харамейн ва Хейа аль-биъа ли (Принц Наеф: Мне была оказана честь выбора меня Служителем Двух Благородных Святынь Комитетом по принесению клятвы) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 12.11.2011. – http://www.aawsat.com//details.asp?section=4&article=649435&issueno=12037.

[2] Ан-Низам аль-асасий ли аль-хукм. Ст. 2. – *Бен Баз А.А.* Цит. произв. С. 264–265.

[3] Там же. Ст. 8. С. 265.

[4] Там же. Ст. 23. С. 268.

[5] Здесь и далее: Аль-Ваджх аль-джадид ли Аль-Каида: джиль сани мин аль-киядат (Новое лицо Аль-Каиды: второе поколение руководителей) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 29.05.2004. – http://www.aawsat.com//details.asp?section=4&article=236502&issueno=9314.

[6] Об этом более подробно: *Косач Г.Г., Мелкумян Е.С.* Саудовская Аравия и мусульманский мир: внутренний и внешний аспект финансовой помощи // Ближний Восток и современность. Вып. 12. – М., 2001.

[7] Калима Хадим Аль-Харамейн Аш-Шарифейн фи ифтитах аъамаль ас-сана ас-салиса ли Маджлис Аш-Шура. (Речь Хранителя Двух Благородных Святынь на открытии третьей сессии Консультативного совета). 17 мая 2003. – http://www.shura.gov.sa/wps/wcm/connect/ShuraArabic/internet/Royal+Speeches/3rd+Term+3rd+Year,+1424+-+1425+A.H.

[8] См., в частности: Аль-Амир Абдалла: хадис Аль-Хубар асбат анна аль-фиат аль-мунхарифа тахдиф аль-аджамиъа (Принц Абдалла: Случившееся в Эль-Хубаре доказало, что действия заблудших групп направлены против всех) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 30.05.2004. – http://www.aawsat.com//details.asp?section=4&article=236666&issueno=9315.

[9] Аль-Амир Абдалла: маа аль-асаф гаррару би баъад абнаина (Принц Абдалла: К несчастью, им удалось обмануть некоторых наших сыновей) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 02.05.2004. – http://www.aawsat.com/details.asp?section=4&article=231909&issueno=9288.

[10] Муфти амм Ас-Саудийя: аль-фиа ад-далля аль-муджрима фадахат ва ля яджузу ли ахад ат-тасатур алейха (Верховный муфтий Саудовской Аравии: Заблудшая, преступная группа разоблачила себя, и отныне никто не может укрывать ее сторонников) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 23.04.2004. – http://www.aawsat.com//details.asp?section=4&article=230185&issueno=9278.

[11] Хадим Аль-Харамейн Аш-Шарифейн: Аль-Мамляка наджахат фи ат-тасадди ли афа аль-ирхаб ва алятиха ад-далля аль-мудаммира (Служитель Двух Благородных Святынь: Королевство добилось успеха в противостоянии гадине террора и его разрушительному механизму заблуждения) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 24.07.2011. – http://www.aawsat.com//details.asp?section=4&article=632544&issueno=11926.

[12] Хадим Аль-Харамейн Аш-Шарифейн фи калиматихи би муатамар Мекка Аль-Мукаррама ли ад-давва (Служитель Двух Благородных Святынь обращается к проходящей в Мекке конференции по вопросам призыва) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 01.11.2011. – http://www.aawsat.com//details.asp?section=4&article=647752&issueno=12026.

[13] Аль Аш-Шейх: аль-мутаавин маа аль-джихат аль-хариджийя хаин (Аль Аш-Шейх: Сотрудничающий с внешними силами – предатель) // Аль-Хайят, 26.11.2011. – http://international.daralhayat.com/internationalarticle/332796.

[14] Цитируемые отрывки из слов нынешнего короля Саудовской Аравии, а также предлагаемое саудовским дискурсом название антисистемного подполья – *заблудшая секта – аль-фиъа ад-далля*, связаны с текстом первой суры Корана – «*Аль-Фатиха* – Открывающая книгу»: «Веди нас по дороге прямой, по дороге тех, которых Ты облагодетельствовал, – не тех, которые находятся под гневом, и не заблудших». – Коран 1: 5–7. Здесь и далее Коран цитируется (если это специально не оговорено) в переводе И.Ю. Крачковского. – Коран / Перевод и комментарии *И.Ю. Крачковского*. М.: Наука, 1986.

[15] Аль-Амир Абдалла: аль-фиа аль-багийя даннасат сумъат аль-ислям ва Алла сюнсыруна алейхум ва аля ман вараухум (Принц Абдалла: Тираническая секта осквернила величие ислама, а Господь поможет нам одержать верх над нею и над теми, кто стоит за нею) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 15.10.2004.

[16] *Аль-Мирсаль М.М.* Ан-Назир. Мунакаша ильмийя ли абраз аш-шубхат аль-мутаалляка би аль-имама ва аль-джихад ва ат-такфир (Увещевающий. Научная трактовка основных заблуждений, связанных с властью, джихадом и отлучением). – Эр-Рияд: Визара аш-шуун аль-ислямийя ва аль-аукаф ва ад-давва ва аль-иршад, 2010.

[17] Хадим Аль-Харамейн ясдыр амран малякийян би каср аль-фатва аля Хейъа кибар аль-уляма (Служитель Двух Святынь публикует королевский указ об ограничении источника фетв членами Совета высших улемов) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 13.08.2010. – http://www.aawsat.com//details.asp?section=1&issueno=11581&article=582296.

[18] *Аль-Мирсаль М.М.* Цит. произв. С. 31–32.

[19] Там же. С. 454.

[20] 7 августа 1998 г. в Найроби и Дар-эс-Саламе около посольств Соединенных Штатов, соответственно, в Кении и Танзании произошли

приведшие к значительным человеческим жертвам взрывы, в организации которых была обвинена «Аль-Каида».

[21] *Аль-Мирсаль М.М.* Цит. произв. С. 450.

[22] Там же. С. 31.

[23] Там же. С. 33.

[24] Арабское *шубха – заблуждение* имеет тот же корень, что и *шабаха – быть подобным*.

[25] *Аль-Мирсаль М.М.* Цит. произв. С. 51.

[26] Там же. С. 39.

[27] Там же. С. 151.

[28] Там же. С. 169.

[29] Коран 5:56.

Соответствующая кораническая цитата приводится в: *Аль-Мирсаль М.М.* Цит. произв. С. 169.

[30] Коран 9:3–4.

Аль-Мирсаль М.М. Цит. произв. С. 152.

[31] Коран 8:73.

[32] Там же, 3:70.

[33] *Аль-Мирсаль М.М.* Цит. произв. С. 152–153.

[34] Там же. С. 155–158.

[35] Там же. С. 159–161.

[36] Наиб вазир аль-хариджийя ас-саудий: Аль-Мамляка тасъа дауман ли ат-татвир ва ат-тахдис маа тамассккиха би такалидиха аль-ислямийя ва аль-арабийя (Саудовский заместитель министра иностранных дел: Королевство всегда стремится к развитию и обновлению, но сохраняет свои исламские и арабские традиции) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 24.11.2011. – http://www.aawsat.com/print.asp?did=651294&issueno=12049.

[37] Коран 4:156.

[38] *Аль-Мирсаль М.М.* Цит. произв. С. 191.

[39] Там же. С. 194.

[40] Хадим Аль-Харамейн ва баба Аль-Ватикан фи лика тарихий: хивар аль-адьян тарик ат-тасамух ва аль-амн ва ас-салям (Служитель Двух Святынь и папа Ватикана в ходе исторической встречи: диалог между религиями – путь к толерантности, безопасности и миру) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 07.11.2007. – http://www.aawsat.com/details.asp?section=1&issueno=10571&article=444661.

[41] *Аль-Мирсаль М.М.* Цит. произв. С. 247.

[42] Здесь и далее: Там же. С. 248–252.

[43] Коран 2:257.
[44] Здесь и далее: Там же. С. 248–252.
[45] Коран 8:73.
[46] Коран 64:16. Цит. по: Священный Коран / Перевод и комментарии *Абдуллы Юсуфа Али*. – Нижний Новгород: Издательский дом «Медина», 2007.
[47] *Аль-Мирсаль М.М.* Цит. произв. С. 250.
[48] Здесь и далее: Там же. С. 255–258.
[49] Коран 2:204.
[50] *Аль-Мирсаль М.М.* Цит. произв. С. 261.
[51] Коран 8:62.
[52] Лексика этого хадиса широко использовалась участниками совершенных на территории Саудовской Аравии террористических акций. См. об этом: *Косач Г.Г.* Саудовская Аравия: внутриполитические процессы «этапа реформ» (конец 1990–2006 гг.). – М.: Институт Ближнего Востока, 2007. С. 66–67.
[53] *Аль-Мирсаль М.М.* Цит. произв. С. 261.
[54] Здесь и далее: *Аль-Мирсаль М.М.* Цит. произв. С. 261–266.
[55] Коран 21:90.
[56] Там же. 3:169.
[57] Там же. 7:113.
[58] *Аль-Мирсаль М.М.* Цит. произв. С. 270.
[59] Там же. С. 278.
[60] Там же. С. 283.
[61] Коран 8:46.
[62] Там же. 4:86.
[63] Здесь и далее: *Аль-Мирсаль М.М.* Цит. произв. С. 291–292.
[64] Коран 4:33,34.
[65] Там же, 5:35.
[66] Здесь и далее: *Аль-Мирсаль М.М.* Цит. произв. С. 305–311.
[67] Коран 9:5.
[68] Подушный налог на всех взрослых и свободных мужчин-немусульман в мусульманских странах, выплачивавшийся в течение всей жизни и зависевший от социального статуса немусульманина. Впервые «люди Писания» стали выплачивать этот налог еще при жизни Мухаммеда в Медине. В современных мусульманских странах религиозные экстремисты не раз пытались осуществить обложение джизьей местных немусульман.
[69] Здесь и далее: *Аль-Мирсаль М.М.* Цит. произв. С. 305–310.

[70] Обычный термин для хадисов, которые не подтверждаются достаточным числом авторитетных передатчиков.
[71] Коран 60:8.
[72] *Аль-Мирсаль М.М.* Цит. произв. С. 309.
[73] Коран 5:1.
[74] Там же. 17:34.
[75] Там же. 9:6.
[76] Термин арабской исторической географии, распространяемый на территорию современных Ливана, Сирии, Иордании, Израиля и Палестинской Национальной Администрации.
[77] Оазис неподалеку от Медины. Во времена Мухаммеда большую часть его населения составляли кланово-племенные образования, члены которых исповедовали иудаизм.
[78] Историческая область на границе Саудовской Аравии и Йемена. В эпоху Пророка была территорией, населенной христианами.
[79] Ныне – Восточная провинция Саудовской Аравии, расположенная на северо-востоке этой страны. Религия местного населения – шиизм, пришедший на смену зороастризму.
[80] Эмиграция йеменских евреев в Палестину, начавшаяся в первые десятилетия XX столетия, приобрела необратимый характер после завершения Палестинской войны 1948–1949 гг., когда в Израиль в ходе операции «Волшебный ковер» были перевезены 49 тыс. евреев Йемена. См.: *Bregman A.* Israel's Wars. A History since 1947. L., N.Y., Routledge, 2002. С. 40. В настоящее время йеменская еврейская община, насчитывающая около 20 семей, сосредоточена в городе Таиз.
[81] *Аль-Мирсаль М.М.* Цит. произв. С. 359–360.
[82] Здесь и далее: Там же. С. 361–362.
[83] Здесь и далее: Там же. С. 209–210.
[84] Коран 17:16.
[85] Там же. 5:71.
[86] Там же. 62:2.
[87] *Аль-Мирсаль М.М.* Цит. произв. С. 115.
[88] Коран 5:44 и 5:49.
[89] Здесь и далее: *Аль-Мирсаль М.М.* Цит. произв. С. 126–130.
[90] Там же. С. 140–147.
[91] Коран 5:3.
[92] *Аль-Мирсаль М.М.* Цит. произв. С. 147–148.
[93] Хариджиты – первая религиозно-политическая группировка в среде суннитского ислама, отошедшая от него в 657 г., в период борьбы

за власть между Али ибн Талибом и основателем Омейядского халифата Муавией. Признавали власть только первых «праведных халифов» – Абу Бакра и Омара ибн Хаттаба. Разработали представления о «малом и большом грехе (*ас-сагаир ва аль-кабаир*)». По их представлениям, «большой грех» предполагал приравнивание мусульманина к «неверному» и его изгнание из общины верующих.

[94] *Аль-Мирсаль М.М.* Цит. произв. С. 199–203.

[95] Здесь и далее: Там же. С. 219.

[96] Ханифы – последователи веры в единого Бога в доисламской Аравии.

[97] Коран 98:4.

[98] Здесь и далее: *Аль-Мирсаль М.М.* Цит. произв. С. 220–221.

[99] Коран 25:54.

[100] Здесь и далее: *Аль-Мирсаль М.М.* Цит. произв. С. 220–222.

[101] Коран 4:62.

[102] Здесь и далее: *Аль-Мирсаль М.М.* Цит. произв. С. 371–374.

[103] Здесь и далее: Там же. С. 417–420.

[104] Коран 49:13.

[105] Там же. 4:69.

[106] Абдалла ибн Аббас (619–686 гг.), двоюродный брат Пророка, основатель династии Аббасидов и создатель мусульманской экзегетики.

[107] *Аль-Мирсаль М.М.* Цит. произв. С. 418–419.

[108] Там же. С. 419.

[109] Коран 28:29.

[110] *Аль-Мирсаль М.М.* Цит. произв. С. 420.

[111] Здесь и далее: Там же. С. 425.

[112] Здесь и далее: Там же. С. 426–430.

[113] Мусульманское название Византии (но также и Римской империи).

[114] Коран 5:11.

[115] Кантар – мера веса в регионе Средиземноморья.

[116] Коран 3:68.

[117] Здесь и далее: *Аль-Мирсаль М.М.* Цит. произв. С. 426–430.

[118] Коран 16:117.

[119] См. об этом: Ар-Рияд: аль-хукм аля аъада «халийя аль-истираха» би ас-сиджн мин 5 иля 30 амман (Эр-Рияд: тюремное заключение членам «ячейки дома отдыха» на срок от 5 до 30 лет) // Аль-Хайят, 23.11.2011. – http://ksa.daralhayat.com/ksaarticle/331870.

[120] См. об этом: *Косач Г.Г.* Цит. произв. С. 69–75.

Документы этого процесса содержатся в: Ар-Руджуъа иля аль-хакк. Шихада саляса мин аль-машаих хауля аль-аамаль ат-тахрибийя ва

сафк ад-дама аль-лязи хасаль фи Ар-Рияд фи сана 1424 Х. (Возвращение к правде. Свидетельства трех шейхов о подрывных действиях и кровопролитии, произошедших в Эр-Рияде в 1424 г. Х.). – Эр-Рияд: Визара аш-шуун аль-ислямийя ва аль-аукаф ва ад-даава ва аль-иршад, 2004. С. 8–102.

[121] См. об этом, в частности: *Васильев А.М.* История Саудовской Аравии (1745–1973). – М.: Наука, 1982. С. 301–327.

[122] *Ан-Нуджейми М.* Наам ли аль-хивар маа дуат ат-такфир ва аль-ирхабийин (Да диалогу с проповедниками отлучения и террористами) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 17.03.2004. – http://www.aawsat.com/leader.asp?section=3&article=223509&issueno=9241.

[123] Низам аль-када (Закон о судопроизводстве). Ст. 87. – См.: *Бен Баз А.А.* Цит. произв. С. 296.

[124] Там же. Ст. 37. С. 286–287.

[125] Там же. Ст. 53. С. 289.

[126] См. об этом более подробно: *Косач Г.Г., Мелкумян Е.С.* Внешняя политика Саудовской Аравии. Приоритеты, направления, процесс принятия решения. М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2003. С. 180–194.

Е.С.Мелкумян

ГОСУДАРСТВО КАТАР: ХРОНИКА И ПАРТНЕРЫ ВНЕШЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Государство Катар с его небольшой численностью населения относится к числу стран, входящих в группу так называемых малых государств (по данным переписи 2008 г., там проживает 1,5 млн. чел.[1]). Однако эта страна проводит активную внешнеполитическую деятельность, масштабы которой не уступают ряду государств, обладающих не только большой численностью населения, значительной территорией, но и высоким уровнем экономического развития и существенным военным потенциалом. Стремлению Катара расширить свое влияние в регионе Ближнего Востока способствуют и личные качества его руководителя – шейха Хамада бен Халифы Аль Тани. Он стал эмиром страны в 1995 г. и приступил к осуществлению заметных реформ в различных сферах. Во внешней политике шейх Хамад интенсифицировал связи как с арабскими странами, так и с государствами, с которыми у Катара ранее не было отношений. В настоящее время Катар ставит своей целью играть позитивную и заметную роль в решении региональных и многих глобальных проблем.

Политика в рамках ССАГЗ. Катар уделяет приоритетное внимание развитию отношений со своими партнерами по Совету сотрудничества арабских государств Залива (ССАГЗ). Здесь он нередко занимает позицию, отличную от подходов других членов этой региональной организации и отстаивает равноправие и независимость своей политики. К примеру, можно привести позицию Катара по Йемену. Катар отказался поддержать заявление ССАГЗ о прекращении огня в Йемене, где шла гражданская война. Его аргументация сводилась к тому, что он против вмешательства во внутренние дела другого государства[2].

В первые годы существования этого Совета (возник в 1981 г.) участие Катара в его деятельности не было заметным. Катар

был занят решением своего давнего территориального спора с другим государством-членом ССАГЗ – Бахрейном.

Предметом спора были следующие территории: Бахрейн претендовал на селение Зубара, откуда на бахрейнский архипелаг переселилось семейство Аль Халифа, а Катар – на группу островов Хавар, расположенных в 2,8 км от Катара, и рифы, находящиеся между Катаром и Бахрейном, крупнейшим из которых является риф Дибаль[3].

Именно вокруг этого рифа в 1986 г. вспыхнул конфликт. В то время правитель Бахрейна заключил контракт с одной иностранной фирмой на частичную засыпку грунтом этого рифа для сооружения сторожевого пункта сил самообороны. Правительство Катара направило в этот район вертолетный десант, который разрушил все возведенные сооружения и обосновался там[4]. Войска обеих стран были приведены в состояние повышенной боевой готовности. Но вооруженного столкновения между ними удалось избежать благодаря вмешательству ССАГЗ.

Между сторонами были начаты переговоры, в которых в качестве посредника участвовала Саудовская Аравия. Однако эта конфликтная ситуация не была урегулирована окончательно. Катар продолжал настаивать на необходимости возвращения ему островов Хавар. Они находятся в непосредственной близости от богатейшего Северного месторождения газа, и Катар опасался притязаний Бахрейна на него. Стороны договорились передать спор на рассмотрение Международного арбитражного суда в Гааге. Однако в апреле 1998 г. Бахрейн отозвал документы из суда.

Напряженность во взаимоотношениях между Бахрейном и Катаром поддерживали взаимные обвинения по различным поводам. В феврале 1996 г. катарские власти обвинили Бахрейн в поддержке заговора, организованного прежним эмиром шейхом Халифой бен Хамадом Аль Тани.

В декабре 1996 г. для урегулирования отношений между Катаром и Бахрейном на совещании в верхах в Дохе была создана комиссия под руководством Саудовской Аравии, членами которой стали представители Кувейта, ОАЭ и Омана. Деятельность этой комиссии не дала результатов, и она была распущена.

Решение вопроса вновь было перенесено в Международный суд в Гааге. В мае-июне 2000 г. проходили слушания по этой проблеме. В марте 2001 г. был вынесен вердикт суда, и хотя он был в пользу прежде всего Бахрейна, тем не менее

его приняли обе страны в интересах развития двусторонних отношений. Бахрейн сохранил за собой острова Хавар, тогда как за Катаром был закреплен риф Дибаль. Получила подтверждение также юрисдикция Катара над Зубарой. В то же время Катар получил право на свободу судоходства через территориальные воды Бахрейна между островами Хавар и основным островом Бахрейна. Катар также сохранил за собой Северное месторождение газа, тогда как Бахрейн получил возможность провести разведку в своих территориальных водах в поисках новых месторождений углеводородов[5]. Стороны выразили удовлетворение тем, что спор между ними был разрешен. В сентябре 2001 г. они подписали меморандум о взаимопонимании и приступили к реализации ряда совместных экономических проектов.

В сентябре 1992 г. обострилась конфликтная ситуация между Саудовской Аравией и Катаром. Перестрелка в пограничном пункте Абу Аль-Хфус могла бы перерасти в масштабный вооруженный конфликт, но вмешательство ССАГЗ предотвратило это.

Для решения территориальной проблемы Катар предпринял ряд демаршей, с тем, чтобы заставить своих партнеров по ССАГЗ обратить внимание на его конфликт с Саудовской Аравией и предпринять шаги к его урегулированию. Он вывел с территории Кувейта воинские формирования, входившие в состав объединенных войск ССАГЗ «Щит полуострова», отказался от участия в фестивале молодежи государств этой региональной организации, проходившем в Бахрейне, бойкотировал совещание Министерского Совета ССАГЗ, созванного в ноябре 1992 г. В то же время представители Катара участвовали в совещании государств ОИК, созванном в тот же период в Джидде. 3 декабря 1992 г. состоялась встреча министра иностранных дел Катара с королем Саудовской Аравии Фахдом бен Абдель Азизом. Саудовский король заявил о стремлении своей страны укрепить единство ССАГЗ и решить спорные проблемы мирным путем, учитывающим интересы всех сторон.[6] Несмотря на эти заверения, Катар пригрозил не посылать своих представителей на совещание в верхах государств-членов Совета сотрудничества, которое должно было начаться 21 декабря 1992 г. в Абу-Даби. В 1994 г. он бойкотировал совещание министров внутренних дел государств ССАГЗ, которое проходило в Саудовской Аравии.

Конфликтная ситуация между Катаром и Саудовской Аравией была разрешена при посредничестве президента Египта

Х. Мубарака, который 20 декабря 1998 г. встретился с представителями Катара и Саудовской Аравии в Джидде. Итогом урегулирования конфликта стала осуществленная в 1999 г. демаркация сухопутной саудовско-катарской границы[7]. Делимитация морской границы между двумя странами была осуществлена в 2001 г.

Отношения между Саудовской Аравией и Катаром стали укрепляться. Выступая на саммите в Дохе в начале декабря 2007 г., премьер-министр Катара шейх Хамад бен Джасим Аль Тани заявил: «Наши отношения с Саудовской Аравией развиваются в позитивном направлении, принимая во внимание, что королевство представляет собой становой хребет сотрудничества в Заливе»[8].

На XXIX сессии Высшего совета ССАГЗ, состоявшейся в Маскате в декабре 2008 г., приветствовалось создание совместного координационного совета между Саудовской Аравией и Катаром.

Отношения с Ираком и Ираном. Особенности политики Катара в регионе Персидского залива наиболее наглядно проявляются в его контактах с Ираком и Ираном.

Катар, как и многие другие государства, осудил иракскую агрессию против Кувейта в августе 1990 г., хотя во время ирано-иракской войны 1980–1988 гг. он оказывал помощь и поддержку Ираку. Катарское государство, как и другие государства-члены ССАГЗ, проявило полную солидарность с Кувейтом, оказав ему политическую и материальную поддержку и приняв участие в вооруженных действиях многонациональных сил по освобождению Кувейта. Кроме того, Катар в конце 1990 г. дал разрешение на дислокацию на своей территории иностранных вооруженных сил, которые готовились к началу военной операции.

В 1992 г. были восстановлены дипломатические отношения между Катаром и Ираком. В марте 1995 г. состоялся первый официальный визит иракской делегации в Доху. Во время пресс-конференции, проведенной по итогам визита, министр иностранных дел Катара шейх Хамад бен Джасим Аль Тани заявил, что «его страна стремится проводить независимый от своих партнеров по ССАГЗ курс и требует снятия санкций ООН с Ирака»[9].

Во время совещания министров иностранных дел государств-членов Организации Исламская конференция, состоявшегося в 1999 г., эмир Катара шейх Хамад заявил, что его

страна намерена укреплять дружественные отношения с Ираком[10]. Двусторонние отношения между Катаром и Ираком включали и экономические связи.

Катар имел также хорошие отношения с Ираном. В мае 1992 г. он подписал шесть соглашений, направленных на развитие сотрудничества с Ираном в различных сферах, включая таможню, воздушное сообщение и обмен информацией. В июле 1993 г. наследник престола шейх Хамад совершил визит в Тегеран. В октябре того же года был подписан договор о создании совместной комиссии для развития сотрудничества в нефтегазовой сфере. В январе 1994 г. Катар вел переговоры с Ираном относительно обеспечения безопасности в регионе, прежде всего они касались проблемы наркотрафика через регион Залива. Катар развивал отношения с Ираном, несмотря на недовольство со стороны США и некоторых его партнеров по ССАГЗ.

После визита в Доху президента Ирана М. Хатами в мае 1999 г. отношения между Ираном и Катаром еще заметнее улучшились. Одной из причин стремления Катара к установлению стабильных отношений с Ираном был проект по разработке газового месторождения «North field» на шельфе, расположенном в непосредственной близости от иранского Южного порта.

В 2006 г., когда Катар был непостоянным членом Совета Безопасности ООН, он являлся единственной страной, которая голосовала в июне 2006 г. против резолюции, поставившей перед Ираном крайний срок, когда он должен прекратить работы по обогащению урана. В середине января 2007 г. катарский министр иностранных дел посетил Тегеран и призвал к дипломатическому решению иранской ядерной проблемы. Он заявил, что «иранская ядерная проблема должна быть разрешена путем переговоров, а не применением силы. Катар осознает, что Иран играет ключевую роль в регионе»[11]. В 2007 г. Катар пригласил участвовать в саммите ССАГЗ, проходившем в Дохе, иранского президента Ахмадинежада. Это вызвало критику со стороны членов Совета. Отношения с Ираном и в последующий период оставались достаточно стабильными.

Ближневосточная политика и отношения с Израилем. Катар среди всех арабских государств имеет наиболее развитые контакты с Израилем, которые были установлены в период Мадридской конференции 1991 г., когда начались переговоры между Израилем и арабскими государствами. Катар фактически признал Израиль и установил с ним торговые отношения.

После подписания соглашений между Израилем и ООП в Осло в 1993 г. Катар стал активно поддерживать идею скорейшего установления мира с Израилем. В катарской прессе был снижен антиизраильский тон в подаче материалов по ближневосточному конфликту. В этот период официальные лица Израиля впервые посетили Катар[12]. Эмир Катара шейх Хамад присутствовал на церемонии подписания соглашения между Израилем и палестинцами «Осло-2», а катарский министр информации присутствовал на похоронах премьер-министра Израиля Ицхака Рабина. В октябре 1995 г. Катар предложил арабским странам прекратить экономический бойкот Израиля. Спустя месяц после этого заявления был подписан меморандум о поставках в Израиль катарского газа[13]. В апреле 1996 г. новый израильский премьер-министр Шимон Перес посетил Катар, несмотря на то, что местное общественное мнение было против контактов с Израилем[14].

В мае 1996 г. в Дохе открылось израильское торговое представительство, что было беспрецедентным для арабских стран шагом.

Отношения между Катаром и Израилем носили противоречивый характер. Периоды их подъема сменялись охлаждением. Так, в декабре 1996 г. Катар выступил с резкой критикой деятельности Израиля по строительству новых поселений на оккупированных палестинских территориях. В марте 1997 г. израильско-катарские отношения были «заморожены» в ответ на резолюцию ЛАГ, в которой содержалась рекомендация арабским странам вернуться к экономическому бойкоту Израиля и приостановить многосторонние арабо-израильские переговоры[15].

Несмотря на ухудшение арабо-израильских отношений, Катар выступил с инициативой провести в Дохе в ноябре 1997 г. Четвертую экономическую конференцию стран Ближнего Востока и Северной Африки с участием Израиля (предшествующие конференции прошли в Касабланке, Аммане и Каире). Это предложение вызвало резкую критику со стороны ряда арабских государств. Египет и Сирия попытались убедить Катар отказаться от этого решения. В катарской газете «Аль-Ватан» была напечатана статья, в которой позиция Египта была подвергнута критике. В ней отмечалось, что предыдущее экономическое совещание проходило в Каире, поэтому статья была озаглавлена: «Мы ваши ученики, а вы – наши учителя в деле нормализации отношений с Израилем»[16]. Сирийский министр

иностранных дел Фарук Аш-Шараа посетил Доху, а затем Саудовскую Аравию с тем, чтобы оказать давление на катарскую сторону, но катарская позиция была непреклонной. Египет и Саудовская Аравия не смогли добиться от Катара отмены совещания. Катар настаивал на своем праве проводить независимую внешнюю политику.

Накануне открытия конференции в Дохе в средства массовой информации поступили сведения о том, что террористическая группа Абу Нидаля выступила с заявлением, в котором говорилось, что «Катар перешел все мыслимые границы в своем маниакальном стремлении служить интересам еврейских кругов»[17]. Катарская армия была приведена в боевую готовность. Кроме того, в страну прибыли 150 французских коммандос якобы для проведения совместных учений с катарскими спецслужбами[18].

Из-за позиции руководства Египта по вопросу о проведении совещания в Дохе с участием Израиля, гражданам Египта был запрещен въезд в Катар, что привело к осложнению двусторонних отношений: около 700 египетских рабочих были вынуждены покинуть Катар[19]. В марте 1998 г. египетско-катарские разногласия были урегулированы путем обмена взаимными визитами министров иностранных дел двух стран. В том же году эмир Катара посетил Каир и провел переговоры по развитию двусторонних отношений. Тогда же состоялся его визит в ОАЭ для нормализации отношений, которые осложнились в результате созыва в Дохе экономического совещания с участием Израиля.

В этот период Катар стал критиковать Израиль за нежелание идти на конструктивные шаги по урегулированию ближневосточного конфликта. Министр иностранных дел Катара выступил с заявлением, в котором подчеркнул: «Мы пошли на то, чтобы отказаться от открытия торгового представительства в Израиле, и мы снизили активность израильского представительства в Дохе»[20]. В сентябре 1998 г. Катар запретил приезд израильских медиков для участия в медицинской конференции, которая проходила в Дохе. Тем не менее израильское торговое представительство в Дохе продолжало действовать, и Катар не пошел на окончательный разрыв с Израилем. В его политике, однако, были усилены акценты на поддержку общеарабских интересов.

Спустя несколько месяцев после экономического ближневосточного совещания наследник престола шейх Джасем бен

Хамад заявил о создании в Катаре постоянного комитета по поддержке Иерусалима, подчеркнув необходимость сохранения там святынь ислама, а также оказания помощи арабскому населению, проживающему в этом городе[21]. Визит в Катар в июне 1998 г. духовного главы ХАМАС шейха Ясина вызвал недовольство израильского правительства. В ноябре 1999 г. катарское правительство дало разрешение на въезд в страну ряда деятелей ХАМАС, высланных из Иордании. В августе 2000 г., когда начались переговоры между палестинцами и новым главой израильского правительства Э. Бараком, эмир Катара посетил территорию Палестинской национальной Администрации. Он заявил о необходимости оказать поддержку начавшимся переговорам[22].

С началом второй интифады в 2000 г. в Катаре прошли демонстрации против политики Израиля на территории Палестинской Национальной Администрации. Катарские средства массовой информации усилили критику в адрес Израиля и стали подчеркивать свою приверженность солидарности с палестинским народом. В октябре 2000 г. эмир страны выступил с заявлением, в котором разъяснил позицию своей страны по ближневосточному урегулированию. Он подчеркнул: «Мы неоднократно подтверждали нашу поддержку Сирии, Ливана и палестинцев и их призыв к Израилю о выводе израильских войск к границе 4 июня 1967 г., признание легитимных прав палестинского народа, включая его право на создание государства со столицей в Иерусалиме и возвращение палестинских беженцев» [23]. Он также подчеркнул, что «трудно создать условия для развития Ближнего Востока, его прогресса, политической и экономической стабильности без прочного мира как главной основы»[24].

В этот период Катар отказался принять премьер-министра Израиля Э. Барака с официальным визитом, хотя встреча между ним и главой государства шейхом Хамадом состоялась в сентябре 2000 г. в Нью-Йорке на заседании ООН, посвященном началу нового тысячелетия. Официальные лица Катара подчеркивали свою готовность к развитию отношений с Израилем при условии его конструктивной политики в отношении ближневосточного урегулирования.

На совещании ОИК, которое проходило в Дохе в ноябре 2000 г., Катар подвергся давлению со стороны мусульманских стран, настаивающих на закрытии в его столице торгового

представительства Израиля. Саудовская Аравия и Иран даже угрожали бойкотом совещания в том случае, если Катар не пойдет на выполнение этих требований. Стремясь провести совещание ОИК и тем самым подтвердить свою роль в мусульманском мире, Катар в ноябре 2000 г. объявил о закрытии на своей территории израильского торгового представительства. В то же время это не помешало проведению в Женеве в декабре 2000 г. секретной встречи между израильским министром иностранных дел Ш. Бен Ами и высокопоставленными представителями Катара[25].

Возобновление контактов между Катаром и Израилем приходится на 2003 г., когда в мае прошла встреча между министром иностранных дел Катара и его израильским коллегой в Париже. Они обсуждали «Дорожную карту» – проект, предложенный квартетом международных посредников (США, Россия, ЕС и ООН). В 2005 г. Катар обратился с просьбой к Израилю поддержать его кандидатуру в качестве непостоянного члена Совета Безопасности ООН от Азии. Ранее ни одна арабская страна не просила поддержки со стороны Израиля. Израиль выполнил эту просьбу, так как, по словам его министра иностранных дел, «Катар был единственной арабской страной, которая продолжала поддерживать с нами связи после начала интифады Аль-Акса»[26].

Во время войны Израиля против Хизбаллы в Ливане Катар, как член Совета Безопасности ООН, выступил с критикой израильского вторжения в Ливан. Тактика его действий заключалась в том, чтобы уравновешивать свои контакты с Израилем в дипломатической и торговой областях с осуждающими выступлениями по поводу израильской политики. Катарский министр иностранных дел на заседаниях Совета Безопасности ООН постоянно выступал с призывами к немедленному прекращению огня и выводу израильских войск из Ливана. Он способствовал тому, что резолюция, принятая Советом Безопасности, была достаточно резкой и привела к прекращению израильских военных действий на территории Ливана. В то же время в своей оценке происходивших в Ливане событий глава катарского государства в интервью катарскому телеканалу «Аль-Джазира» 2 августа 2006 г. заявил: «То, что происходит сегодня в Ливане и Палестине, связано с проблемами Ирана и Сирии, а также Ирака и всего региона. Таким образом, наше видение конфликта должно быть комплексным, а не сконцен-

трированным на одном событии». В том же интервью шейх Хамад заявил о своей приверженности мирному процессу[27].

Катар, продолжая поддерживать контакты с Израилем, считал, что решение ближневосточного конфликта достижимо только путем переговоров. Министр иностранных дел Катара прибыл на саммит ЛАГ в Бейрут летом 2006 г. проездом через Тель-Авив, где он вел переговоры по поводу развития региональной ситуации.

В октябре 2006 г. Катар пригласил Израиль принять участие в Шестой Международной конференции, посвященной вопросам демократии, которая проходила под эгидой ООН. Израильскую делегацию должна была возглавить министр иностранных дел этой страны Ц. Ливни. Однако из-за того, что в конференции участвовали представители ХАМАС, израильская делегация не приехала. Приглашение Катаром израильской делегации вызвало резкую критику со стороны арабских стран, в первую очередь Саудовской Аравии.

В апреле 2008 г. Катар пригласил министра иностранных дел Израиля принять участие и выступить с докладом на проходившем в Дохе Восьмом форуме по демократии, развитию и свободной торговле. Сирия и Иран в этой связи отказались от участия в конференции. В своем докладе Ц. Ливни подчеркнула, что «главная угроза региональной безопасности исходит от Ирана, а не Израиля»[28]. Министр иностранных дел Израиля также встретилась со своим катарским коллегой и обсудила с ним вопросы расширения двусторонних отношений и развитие ситуации в регионе. После ее визита Катар посетил лидер ХАМАС Халед Машаль.

Серьезные осложнения в отношениях между Катаром и Израилем были отмечены после начала израильской военной операции в секторе Газа в декабре 2008 г. Катар активно выступал за единую позицию арабских стран в период военных действий в Газе. 13 января 2009 г. катарский премьер-министр призвал к немедленному созыву совещания в верхах арабских государств для выработки единой позиции по отражению израильской агрессии против палестинского народа. Целью совещания было, по мнению катарской стороны, заставить Израиль немедленно вывести свои войска из Газы, снять блокаду и открыть пропускные пункты для облегчения жизни палестинцев в секторе Газа[29]. Саудовская Аравия и Египет не поддержали инициативу Катара, заявив, что вопрос Газы будет обсужден

на предстоящем экономическом совещании арабских стран в Кувейте 17 января. Тем не менее на саммит в Дохе, который прошел 16 января 2009 г., приехали представители 15 арабских стран. Палестинская делегация была представлена ХАМАС. Другие члены Совета сотрудничества признавали в качестве официального представителя Палестинской Национальной Администрации Махмуда Аббаса, возглавляющего ФАТХ.

Накануне проведения саммита в Дохе эмир Катара предложил создать специальный фонд по поддержке населения Газы. Он внес в него 250 млн. долл. и призвал арабские страны организовать помощь жителям Газы[30]. События, связанные с военной операцией Израиля в Газе, приостановили усилия Катара по нормализации отношений с Израилем. Катар критиковал израильскую политику в отношении палестинцев и нежелание Израиля идти на урегулирование ближневосточного конфликта, что, по мнению катарской стороны, представляло собой серьезную эскалацию напряженности в регионе и угрозу региональной безопасности и стабильности[31].

В период подъема народных выступлений в арабских странах Катар стал последовательно отстаивать необходимость смены дискредитировавших себя режимов. Он официально признал свое участие в военной операции в Ливии на стороне повстанцев. Начальник генерального штаба Катара бригадный генерал Хамад бен Аль Аль-Атыйя заявил, что «сотни катарских бойцов участвовали в военных операциях повстанцев в Ливии, и они сыграли важную роль в осуществлении координации действий с войсками НАТО»[32].

Катар также активно участвовал в совместной деятельности арабских стран в отношении сирийского режима, направленной на прекращение насилия в этой стране и начало переговоров с оппозицией. Катарская позиция отличалась жесткостью и последовательностью. Катар стал одним из первых среди арабских государств, кто открыто заявил о нелегитимности режима Башара Асада, и его представители установили контакты с сирийской оппозицией.

Катар поддержал смену власти в Тунисе и Египте, а также участвовал наряду с другими государствами-членами ССАГЗ в урегулировании ситуации в Йемене.

Посредническая роль Катара. Катар в 2000-е годы выступал в качестве посредника в урегулировании конфликтов на Ближнем Востоке. Он сыграл свою положительную роль в урегулировании

ситуации после войны в Ливане между Израилем и «Хизбаллой» летом 2006 г. Катарские дипломаты смогли оказать серьезную поддержку правительству Ливана, поскольку Катар действовал в качестве непостоянного члена Совета Безопасности ООН, которым он в тот период являлся. Катар стал первой арабской страной, направившей свои войска в состав созданных ООН сил по поддержанию мира в Ливане. Он также предоставил значительную финансовую помощь для нужд восстановления этой страны. После окончания военных действий «Катарские авиалинии» первыми возобновили полеты в Бейрут.

Официальные лица Катара были посредниками и в урегулировании внутриливанского конфликта после военной операции Израиля. Представители различных политических сил Ливана собрались в Дохе, где им удалось достичь примирения, что предотвратило возможное кровопролитие и даже начало новой гражданской войны.

Плодотворным стало участие Катара в разрешении конфликтов в Судане. В феврале 2009 г. при посредничестве Катара удалось заключить соглашение «доброй воли и доверия» между суданским правительством и оппозиционным Движением справедливости и равенства. Благодаря этому соглашению стороны продолжили переговоры и нашли мирный способ разрешения конфликтной ситуации, которая долгие годы приводила к многочисленным жертвам среди населения и экономической стагнации в стране.

Официальная позиция Катара, выступившего против решения международного криминального суда в отношении президента Судана О. Аль-Башира, которое поставило под сомнение его легитимность как избранного президента своей страны, способствовала осуждению этого решения всеми арабскими государствами на 21-й сессии ЛАГ в сентябре 2009 г.

Катарские дипломаты также прилагали огромные усилия для урегулирования конфликта в суданской провинции Дарфур. Их активная деятельность, в том числе в рамках арабо-африканской министерской комиссии в координации с Африканским союзом и ООН, позволила достичь значительного прогресса на пути установления мира в этой провинции Судана. Катар также предпринимал шаги для урегулирования ситуации в других арабских странах, таких как Сомали, Джибути, Коморские острова, и добивался положительных результатов.

В ноябре 2011 г. Катар выступил посредником в урегулировании отношений между Саудовской Аравией и Ираном,

ухудшившихся в результате того, что американские спецслужбы раскрыли заговор, целью которого было убийство саудовского посла в Вашингтоне. В организации заговора был обвинен Иран. Премьер-министр Катара заявил, что «его страна, обеспокоенная безопасностью Саудовской Аравии, пытается организовать встречу между официальными саудовскими и иранскими лицами для обсуждения создавшегося положения». Он также заявил, что «отношения между Ираном и Саудовской Аравией – двумя крупными региональными державами должны быть хорошими. В этом заинтересованы малые страны региона»[33].

Посредническая деятельность Катара способствовала повышению его престижа в мире.

Отношения с США и Россией. Отношения между Катаром и США получили импульс к развитию в период иракского кризиса 1990–1991 гг., когда Катар дал разрешение на размещение на его территории американских войск, которые составляли костяк многонациональных сил и были призваны содействовать освобождению Кувейта от иракской оккупации. После проведения операции по освобождению Кувейта, в которой принимали участие и катарские вооруженные силы, Катар в июне 1991 г. подписал с США двустороннее военное соглашение. Оно давало возможность американским военным использовать катарские военные базы и размещать на его территории военное снаряжение.

Отношения в военной области активизировали развитие всесторонних отношений. Однако Катар критически оценивал некоторые политические шаги Вашингтона в регионе и откровенно высказывал по этому поводу свое мнение. Так, в июне 1997 г. во время встречи с президентом Дж. Бушем эмир Катара говорил об ошибочности американской политики в отношении Ирана и Ирака, что негативно отражается на ситуации в регионе[34]. Во время официальных визитов катарских руководителей в США в июне 1997 г. и в марте 1998 г. они предлагали изменить американскую политику изоляции Ирана[35].

На отношения между Катаром и США влияли те события, которые происходили в регионе Ближнего Востока. США пытались оказать давление на Катар с тем, чтобы он не прекращал контактов с Израилем в тот период, когда все арабские страны пошли на возобновление антиизраильской враждебной риторики из-за ужесточения курса еврейского государства в отношении палестинцев. Официальные лица Катара отвергли все по-

пытки американцев вмешаться в его внешнеполитическую деятельность. В октябре 2000 г. во время встречи министра иностранных дел Катара с госсекретарем США Мадлен Олбрайт об этом прямо было заявлено[36].

В то же время, когда это отвечало его интересам, Катар прибегал к помощи США. В ноябре 2001 г. Катар воспользовался американской поддержкой для того, чтобы добиться проведения в Дохе конференции Всемирной торговой организации (ВТО). Его стремление провести у себя эту конференцию вписывалось в общую внешнеполитическую стратегию Катара, направленную на повышение своего престижа на международной арене. США были заинтересованы в проведении конференции в Дохе, т.к. предшествующая конференция проходила в Сиэтле, в США, и сопровождалась массовыми выступлениями протеста со стороны антиглобалистов. Американские политики рассчитывали, что в Дохе повторение таких событий невозможно. Несмотря на то, что катарские власти дали разрешение на въезд в страну представителям неправительственных организаций и движения антиглобалистов, их численность была очень ограниченной из-за высоких цен на проживание в гостинице и строгих норм поведения, которые отличают Катар.

Катарская позиция по осуждению террористических атак 11 сентября 2001 г. стала определяющей в дальнейших отношениях между двумя странами. Катар осудил любые проявления террористической активности и поддержал все международные инициативы, направленные на борьбу с терроризмом. Вскоре после этих событий эмир Катара шейх Хамад посетил США и выразил соболезнования по поводу трагической гибели американских граждан. Он побывал на месте трагедии в Нью-Йорке, выразив свое уважение и сочувствие американскому народу. Когда началась американская военная операция в Афганистане в рамках международной кампании по борьбе с терроризмом, Катар дал разрешение на использование своих военных объектов для американской авиации, которая совершала налеты на Афганистан (Саудовская Аравия запретила использовать свои аэродромы).

В ходе подготовки военной операции в Ираке США передислоцировали по просьбе саудовского правительства свой командный центр из военной базы Принца Султана в Саудовской Аравии на катарскую базу Аль-Удейд. Когда в марте 2003 г. была начата военная операция в Ираке, США разместили

на катарской базе три тысячи военнослужащих и 36 самолетов, также там находилось еще 26 самолетов армии Великобритании и Австралии[37]. Кроме того, в Катаре располагался информационный центр коалиционных сил. На военной базе в Аль-Удейде ежедневно проводились брифинги для иностранных журналистов.

Помощь, оказанная Катаром американским военным во время оккупации Ирака и войны в Афганистане, стала показателем уровня развития катаро-американских отношений.

Катар установил дипломатические отношения с СССР в 1988 г. в период, когда советская внешнеполитическая стратегия претерпела коренные изменения, отказавшись от идеологических принципов и стремясь к расширению своих внешнеполитических контактов, в том числе в арабском мире. Однако отношения между СССР и Катаром не получили должного развития. Россия, как преемница СССР, стала поддерживать дипломатические контакты с Катаром и развивать отношения в политической сфере. В декабре 2001 г. состоялся официальный визит в Россию эмира Катара Хамада бен Халифы Аль Тани. 12 февраля 2007 г. российский президент В.В. Путин посетил Катар.

Катар предоставлял политическое убежище многим оппозиционным деятелям радикального толка. Среди них был Зелимхан Яндарбиев – один из лидеров чеченских повстанцев. Он был одним из кандидатов на президентских выборах в Чечне в 1997 г. После окончания войны он был послан в арабские страны для сбора денег в помощь чеченским повстанцам. В феврале 2004 г. З. Яндарбиев был убит на территории Катара двумя представителями спецслужб России, которые были арестованы катарской полицией и осуждены. Дипломатические контакты между Россией и Катаром позволили экстрадировать этих двух граждан России на родину. Этот инцидент следует рассматривать прежде всего в контексте отношения стран Залива к чеченской проблеме. Он не ухудшил двусторонние отношения между Катаром и Россией. Скорее уступчивость катарских властей была воспринята в России как свидетельство готовности Катара к дальнейшему развитию российско-катарских отношений.

Торгово-экономические связи Катара и России пока не достигли высокого уровня развития, однако созданный в феврале 2007 г. Российско-Катарский Деловой Совет прилагает усилия для их интенсификации. Наиболее перспективной яв-

ляется нефтегазовая сфера. Во время визита В.В. Путина был подписан Меморандум о сотрудничестве между ОАО «ЛУКОЙЛ» и «Катар Петролеум». В июне 2007 г. Россию посетил министр энергетики и промышленности Катара А. Аль-Атыйя, который подписал с российской стороной соглашение о сотрудничестве, в том числе осуществлении совместных инвестиционных проектов в области энергетики.

Катар и Россия стали активными участниками Форума стран-экспортеров газа. В декабре 2008 г. состоялась министерская встреча Форума в Москве, где был принят Устав Форума и определено местоположение его штаб-квартиры, которым стала Доха.

Катар проявляет заинтересованность в развитии сотрудничества в сфере атомной энергетики и спутниковой навигации.

* * *

Несмотря на то, что по некоторым показателям Катар отстает от других стран мира, он обладает третьими (после РФ и Ирана) в мире запасами природного газа, что ставит его в особое положение на мировом рынке энергоносителей и подпитывает его политические амбиции в мировом сообществе, делает внешнеполитическую деятельность все более широкомасштабной и активной.

---

[1] Qatar. Year Book 2009. Ministry of Foreign Affairs. Doha, 2010. С. 15.

[2] Qatar // The Middle East and North Africa 2007. С. 935.

[3] *Бодянский В.М.* Восточная Аравия: история, география, население, экономика. – М.: Наука, 1986. С. 320.

[4] Аль-Джабха аш-шаабийя аль-бахранийя. Низаа аль-худуд байн Катар ва Бахрейн (Народный фронт Бахрейна. Пограничный конфликт между Катаром и Бахрейном). – Б/м, 1986. С. 51

[5] The Middle East and North Africa 2007. С. 934

[6] *Al-Alkim H. H.* The GCC States in the Unstable World. Foreign Policy Dilemmas of Small States. – L., 1994. С. 81.

[7] Qatar. – The Middle East and North Africa 2007. С. 935.

[8] Аш-Шарк Аль-Аусат, 05.12.2007. – http://www.aawsat.com//details.asp?section=4&article=448441&issueno=10599.

[9] Ibid.

[10] Qatar // The Middle East and North Africa 1999. С. 902.
[11] *Uzi R*. Qatar's Relations with Israel: Challenging Arab and Gulf Norms // Middle East Journal, summer 2009. Vol. 62, N 3. С. 447.
[12] Ibid. С. 448.
[13] Qatar // The Middle East and North Africa 2007. С. 935.
[14] См. данные о социологических опросах населения в: *Teitelbaum J*. Qatar // Middle East Contemporary Survey, 1996. Vol. XX. С. 576.
[15] Ibid.
[16] *Uzi R*. *O*p. cit. С. 449.
[17] *Teitelbaum J*. Op. cit. С. 603.
[18] Ibid.
[19] Qatar // The Middle East and North Africa 2007. С. 936.
[20] *Uzi R*. Op. cit. С. 450.
[21] Ibid.
[22] Qatar // The Middle East and North Africa 2007. С. 936.
[23] *Uzi R*. *O*p. cit. С. 451.
[24] Ibid.
[25] Ibid. С. 452.
[26] Ibid.
[27] Ibid. С. 453.
[28] Ibid. С. 457.
[29] Qatar. Year Book 2009. С. 91.
[30] Ibid.
[31] Ibid.
[32] Аш-Шарк Аль-Аусат, 27.10.2011. – http://www.aawsat.com//details.asp?section=1&issueno=12021&article=646945
[33] http://www.aljazeera.net/NR/EXERES/4041-2561-ACAF-41BB-AFCF-FC88-ECFC272.cptm.
[34] Qatar // The Middle East and North Africa 2007. С. 935.
[35] Ibid.
[36] Ibid. С. 936.
[37] Ibid.

А.Б.Подцероб

ИСТОРИЯ РОССИЙСКО-МАРОККАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ: ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ, ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ

Анализ отношений России и Марокко представляет интерес не только в силу того, что эта страна относится к трем имеющим жизненно важное значение для РФ регионам – Арабскому Востоку, исламскому миру и Средиземноморью, но также и потому, что эти отношения можно рассматривать как пример связей между двумя государствами, придерживавшихся различной внешнеполитической ориентации и имевших не всегда совпадавшие подходы к международным проблемам, но при этом умеющих обходить острые углы.

Превращение России в XVIII в. в великую державу, появление российских кораблей в Средиземном море и в Атлантике создали предпосылки к установлению связей между двумя странами. В 1777 г. султан Мухаммед III, стремившийся вывести свою страну из изоляции и улучшить ее экономическое положение через наращивание внешней торговли, разослал циркулярную ноту ряду иностранных консулов, в которой сообщил, что суда России, Мальты, Сардинии, Генуи, Ливорно, Неаполя, Венгрии, Пруссии, германских государств и Соединенных Штатов «могут свободно заходить в его гавани и пользоваться там всеми привилегиями, данными другим народам», и что марокканским корсарам дан приказ не нападать на корабли этих стран[1]. Этот циркуляр был доведен до сведения, перечисленных госудврств, в том числе и России. В следующем 1778 г. капитан I ранга Т.Козлинов во время стоянки кораблей его отряда в Ливорно вступил в переговоры с марокканским посланником Мухаммедом бен Абд аль-Маликом, который подтвердил дружественное отношение Мухаммеда III к России. Со своей стороны, Т.Козлинов сообщил о повелении императрицы Екатерины II дружественно относиться к марокканским судам. Высказанные в ходе переговоров мнения были через несколько

дней закреплены обменом письмами, ставшими первыми официальными документами российско-марокканских отношений. С посетившими затем Танжер русскими кораблями султан передал Екатерине II личное послание, датированное 2 июля 1778 г. Ее ответ на письмо Мухаммеда положил начало переписке между российскими и марокканскими монархами, продолжавшейся вплоть до начала XX века[2]. Завязавшиеся дипломатические контакты создали предпосылки к заключению между двумя странами договора о мире и торговле (который не приобрел, правда, практического значения в условиях, когда российские суда не заходили в марокканские порты)[3].

Негативное влияние на российско-марокканские отношения оказывали войны России с Турцией, которые в Марокко рассматривали как «войны в защиту веры». Объяснялось это тем, что, с одной стороны, в XVIII в. Османская империя уже не представляла опасности для Марокко, а с другой, – тем, что у марокканцев стойко укоренилось представление о европейцах как врагах мусульман, на Западе изгнавших их из Испании, захватывавших марокканские прибрежные города, пытавшихся завоевать страну, а теперь стремившихся, громя Турцию, нанести удар по северо-востоку «дар аль-ислама». В этой ситуации заверения Мухаммеда III в письмах Екатерине Алексеевне в дружественном отношении к России не помешали ему оказывать финансовую помощь Стамбулу во время турецко-российских войн[4].

В следующем столетии подходы Санкт-Петербурга к Марокко определялись в первую очередь нуждами российского флота. Уже А.М.Горчаков в бытность в 1828–1830 гг. поверенным в делах России во Флоренции предлагал учредить консульство в Танжере и наращивать торговые отношения с Марокко с тем, чтобы утвердиться на южном побережье Гибралтарского пролива[5]. С конца XIX в. Россия стала стремиться к тому, чтобы не допустить перехода марокканских портов под контроль одной из европейских держав, что могло бы, в случае конфликта России с этой державой, осложнить плавание русских кораблей в прилегающих к Северо-западной Африке районах океана и их проход через Гибралтар. Из этого вытекала заинтересованность России в сохранении независимости и территориальной целостности Марокко. Вместе с тем эта страна оставалась на периферии российских интересов, и серьезно осложнять из-за нее свои отношения с европейскими государ-

ствами Петербург не намеревался. В данном контексте представляется симптоматичной позиция, занятая Россией в связи с созывом в 1880 г. Мадридской конференции. Сначала она отказалась принять в ней участие, чтобы не оказаться втянутой в распри вокруг Марокко Великобритании, Франции, Испании и Германии. Вскоре, однако, в Министерстве иностранных дел поняли, что это лишает Петербург возможности влиять на развитие ситуации, и 14 апреля 1881 г. Россия присоединилась к принятой в Мадриде конвенции, хотя при этом не использовала предоставленное ею «право покровительства» в отношении находившихся у нее на службе марокканских подданных[6]. В 1906 г. Петербург направил своих представителей в Альхесирас, и Россия стала участницей второго важнейшего международного соглашения по Марокко – Альхесирасского акта 1906 г.

В 1897 г. между двумя странами были установлены дипломатические отношения. Назначенному 4 декабря министром-резидентом и генеральным консулом России В.Х. Бахерахту предписывалось неустанно заботиться о целостности и неприкосновенности Марокканской империи, а также препятствовать нарушению равновесия политических сил в Средиземноморье и, в частности, в Марокко[7]. Дипломатические отношения с Марокко поддерживались Россией до превращения этой страны в 1912 г. в протекторат Франции и Испании, после чего Российская миссия была преобразована в Генконсульство.

Политическая линия России в поддержку Марокко побудила Фес относиться к ней как к дружественной державе. Симптоматично, что посетившему в 1881 г. Марокко члену Русского географического общества К.А.Вяземскому был оказан подчеркнуто теплый прием по личному указанию султана Мулая Хасана I, желавшего тем самым выразить свое благоволение к русским в связи с их победой над Турцией в войне 1877–1878 гг. (о солидарности с единоверцами было при этом успешно забыто)[8]. Доброе отношение к России отмечал и побывавший в Северной Африке в 1883 г. Ю.Н.Щербачёв[9].

В начале XX в. Россия, как правило, занимала в отношении Марокко позицию, близкую – хотя и не всегда идентичную – французской, что объяснялось необходимостью противостоять стремлению Германии утвердиться в Танжере, получив в результате контроль над западным входом в Гибралтарский пролив. Серьезный кризис из-за Марокко, поставивший Европу на грань войны, разразился в июле 1911 г., когда в ответ на занятие

французскими войсками Феса Германия направила в Агадир канонерскую лодку «Пантера» и выдвинула требования предоставления ей привилегий в юго-западной части страны и участия в управлении и строительстве железных дорог. Лондон сразу же твердо поддержал Париж. В Берлине, в свою очередь, рассчитывали на солидарность Вены. В сложившейся ситуации многое зависело от позиции Петербурга. Франция и Великобритания строили свои расчеты на принадлежности России к Антанте, в то время как Германия надеялась закрепить стремление к улучшению двусторонних отношений, продемонстрированное в 1910 г. в ходе свидания в Потсдаме императоров Николая II и Вильгельма II. В Петербурге же исходили из того, что если дело дойдет до войны, то Россия выполнит свои союзнические обязательства, но сделает все возможное, чтобы избежать вооруженного конфликта. Российский посол в Париже А.П.Извольский убеждал французов изыскать политические пути урегулирования спора, даже если ради этого придется пойти на уступки[10]. Одновременно в Лондоне российский посол А.К.Бенкендорф заявил министру иностранных дел Великобритании Э.Грею, что «для России война будет ужасным несчастьем, что наши интересы лишь весьма косвенно затронуты в Марокко, но что союзный договор остается в полной силе» и его условия «будут точно соблюдены»[11]. Со своей стороны, Николай II заверил в беседе посла Франции в Петербурге Ж.Луи в готовности России оказать своей союзнице не только дипломатическую, но и военную помощь[12]. Убедившись в провале надежд на нейтрализацию России, Берлин отказался от дальнейшей эскалации конфликта и согласился не препятствовать утверждению Франции в Марокко в обмен на территориальную компенсацию во Французском Конго. Таким образом, позиция Петербурга позволила не допустить перерастания кризиса в мировую войну, а с другой стороны, – способствовала восстановлению в отношении Марокко статус-кво на основе альхесирасских договоренностей. «Ее [России – А.П.] дружеское участие, – писал 9 июля 1911 г. журнал «Нива», – сразу рассеяло миражи германской воинственности и показало на деле, что Франция не осталась изолированной и беспомощной и что англо-русско-французское соглашение вовсе не обратилось после потсдамского свидания в круглый нуль»[13].

В период между двумя мировыми войнами Марокко оставалось на периферии внимания Москвы: направленность со-

ветской политики была на Европу и Дальний Восток. Ситуация изменилась после 1945 г., когда Средиземноморье начало превращаться в один из театров «холодной войны». Западные державы попытались в то время не допустить СССР к решению вопросов, связанных со статусом Танжера, который был в декабре 1942 г. в одностороннем порядке включен Испанией в состав своих владений. Эта попытка была сорвана советской дипломатией, апеллировавшей к тому, что поскольку данный вопрос «в течение длительного времени регулировался общими договорами, <….> всякое обсуждение вопроса о Танжере без участия Советского Союза нельзя признать правомерным».[14] Официально вопрос о Танжере был поставлен делегацией СССР на Потсдамской конференции (17 июля – 2 августа 1945 г.), в Протоколе которой со ссылкой на предложение Советского правительства было зафиксировано, что «зона, включающая город Танжер и прилегающий к нему район, ввиду ее особого стратегического значения будет оставаться международной».[15] Эта договоренность была подтверждена на Парижской конференции представителей четырех союзных держав по Танжеру (30–31 августа 1945 г.). Значение, которое придавали в Москве восстановлению международного статуса Танжера, объяснялось стремлением не допустить создания американской военной базы в этом городе, находящемся у входа в Средиземное море.

В 1956 г., когда с получением Марокко независимости вновь встал вопрос о статусе Танжера, Советский Союз выступил за возвращение этого города в состав королевства. Позиция Москвы на этот счет была зафиксирована в заявлении Министерства иностранных дел от 9 октября 1956 г., которое было обнародовано в связи с открытием конференции в Федале, созванной для решения танжерской проблемы. Как подчеркивалось в заявлении, «Правительство СССР выражает надежду, что конференция, созванная в г. Федала, не будет чинить препятствий скорейшему и действительному объединению Танжера с Марокко, устранит режим так называемой международной администрации в этом районе, который ущемлял права марокканского народа, и будет содействовать окончательному урегулированию вопроса о Танжере на основе полного уважения суверенных прав Марокко на этот город»[16]. 11 декабря 1956 г. МИД опубликовал еще одно заявление, в котором сообщалось, что Правительство СССР «считает в том, что его касается, международные соглашения о режиме Танжера утратившими силу»[17].

Советская позиция содействовала тому, что конференцией было принято решение о ликвидации статуса Танжера как международной зоны.

Дипломатические отношения между Советским Союзом и Марокко были установлены 1 сентября 1958 г. Несмотря на то, что Рабат в то время ориентировался на США и Францию, марокканцы стремились избежать чрезмерного дисбаланса в своей внешней политике и поддерживали активные связи с СССР, понимая вес и роль этой сверхдержавы на мировой арене. Король Хасан II характеризовал марокканско-советское сотрудничество как представляющее образец для африканских стран[18]. В Москве, в свою очередь, были заинтересованы в том, чтобы не допустить дальнейшего дрейфа Рабата в сторону Запада. Учитывалось также и лояльное отношение Хасана II к Партии прогресса и социализма. При этом советская дипломатия успешно маневрировала между Марокко и Алжиром, сумев сохранить дружественные отношения с каждой из этих соперничавших друг с другом стран.

Между Советским Союзом и Марокко поддерживались активные контакты на высшем уровне. В 1961 г. Рабат посетил председатель Президиума Верховного Совета СССР Л.И. Брежнев, в 1969 г. – председатель Президиума Верховного Совета Н.В. Подгорный, в 1971 г. – председатель Совмина А.Н. Косыгин, в 1966 г. состоялся визит в Москву Хасана II, который провел переговоры с генеральным секретарем ЦК КПСС Л.И. Брежневым и А.Н. Косыгиным. При этом из советских руководителей наибольшее впечатление на него произвел А.Н.Косыгин. Хасан характеризовал советского премьера как одного из самых ярких людей, с которыми ему довелось встречаться. По мнению короля, «он знал свое дело назубок и проявлял удивительную открытость»[19]. В свою очередь автора, переводившего в 1971 г. беседу тет-а-тет Хасана II с А.Н.Косыгиным, приятно поразило отношение монарха к главе советского кабинета министров. Державшийся на людях величественно и даже где-то надменно Хасан, оставшись с А.Н.Косыгиным с глазу на глаз, сразу же резко изменил манеру общения. Он стал вести себя не только просто и естественно, но и всячески подчеркивал свое глубокое уважение к собеседнику, внимательно выслушивал его доводы, особенно когда речь шла об алжиро-марокканских отношениях, со многим соглашался, а если возражал, то делал это подчеркнуто почтительно.

Рабат всегда играл активную роль в ближневосточном урегулировании, выступая с позиций, близких к позициям СССР. Марокко настаивало на выводе израильских войск с оккупированных арабских территорий, реализации права палестинского народа на создание собственного государства, созыве международной мирной конференции с участием всех заинтересованных сторон, включая Организацию освобождения Палестины и постоянных членов Совета Безопасности, как «единственном пути для мирного сосуществования народов региона и развития плодотворного и полезного для всех сотрудничества», требовало «обеспечить защиту палестинского населения, в частности, путем обеспечения соблюдения гуманитарных положений Женевской конвенции 1949 года, которые четко определяют обязанности оккупирующих властей»[20]. Подобный подход создавал предпосылки к советско-марокканскому взаимодействию на данном направлении. Такое взаимодействие носило не только политический характер: во время «Октябрьской войны» 1973 г. в Сирию на советских судах и под эскортом советских кораблей были переброшены марокканские войска, сыгравшие решающую роль в остановке израильского наступления на завершающем этапе военных действий.

Учитывая немалые сложности в отношениях Марокко с Алжиром, в Рабате внимательно и даже с беспокойством следили за развитием советско-алжирского сотрудничества. Москва в этой связи стремилась строить отношения с обеими странами таким образом, чтобы там не возникало впечатления, будто она отдает предпочтение одной из них. Когда в 1969 и в 1971 гг. готовились визиты Н.В.Подгорного и А.Н.Косыгина в АНДР, в обоих случаях были приняты решения, что эти визиты должны быть сбалансированы посещением упомянутыми руководителями Рабата (куда они и вылетели после завершения переговоров в Алжире). В беседах советских лидеров с Хасаном II и с председателем Ревсовета АНДР Хуари Бумедьеном постоянно подчеркивалась важность нормализации марокканоалжирских отношений, приветствовались осуществлявшиеся ими в этом направлении шаги.

Хотя политика Рабата неоднократно приводила к конфликтам с Алжиром, марокканцы всегда стремились избежать перерастания таких региональных кризисов в международные, что было бы чревато превращением Магриба в арену советско-американской конфронтации. Первый подобный кризис возник

уже в октябре 1963 г., когда Марокко выдвинуло притязания на алжирскую территорию от Тиндуфа и Бешара до Хоггара общей площадью ок. 200 тыс. кв. км и попыталось решить спор военным путем[21]. Поскольку алжирская Национальная народная армия, создаваемая вместо состоявшей из партизанских отрядов Армии национального освобождения, только еще формировалась, марокканцам первоначально удалось добиться успехов. На помощь АНДР пришли Куба, направившая экипажи для танкового батальона, и Объединенная Арабская Республика, пославшая своих летчиков, в то время как американцы начали оказывать помощь Марокко[22]. Что касается Франции, то она стремилась поддерживать дружественные отношения с обоими государствами и в силу этого снабжала оружием марокканцев, разрешив одновременно алжирской авиации использовать французскую военную базу в Бешаре. В конечном счете, конфликт был урегулирован при содействии Организации африканского единства, и войска были отведены на позиции, которые они занимали до «войны в песках». Согласиться на это Хасана II побудили, в том числе, опасения интернационализации кризиса. «Мы, – пояснял он, – можем вести войну. Вы [алжирцы – А.П.] получите поддержку от русских. Я буду вынужден обратиться к американцам. И затем в течение века мы будем пытаться освободиться от двух держав. Если вы не хотите этого, урегулируем проблему мирным путем» [23].

Серьезным испытанием для советско-марокканских отношений стала проблема Западной Сахары, северная часть которой в 1976 г. была занята марокканскими, южная – мавританскими войсками, а в 1979 г. Марокко установило контроль над всей этой территорией. Марокко и Мавритания получали поддержку Запада, в мавританскую армию были направлены французские военные советники, в 1977 г. французская авиация бомбила отряды Народного фронта освобождения Сегиет эль-Хамры и Рио-де-Оро (Ф.ПОЛИСАРИО). Алжир и Ливия, со своей стороны, поставляли оружие сахарцам, вооруженные формирования которых к тому же базировались на Тиндуфе.

СССР и Марокко подходили к проблеме Западной Сахары с различных позиций: если Москва выступала за самоопределение населения этой территории, то в Рабате исходили из того, что речь идет о воссоединении с родиной когда-то оккупированных испанцами марокканских земель. Главное же заключалось, однако, не в этих расхождениях, а в том, что в 1976 г.

советская дипломатия предотвратила перерастание конфликта вокруг Западной Сахары в крупномасштабную войну между Алжиром и Марокко, что было по достоинству оценено Хасаном II. В последующем СССР занимал в отношении западносахарской проблемы нейтральную позицию, хотя это и был нейтралитет с проалжирским уклоном.

Нейтральных – хотя и с промарокканским уклоном – подходов придерживались и Соединенные Штаты, стремившиеся сохранить двусторонние отношения как с Марокко, так и с Алжиром. Поддержав подписание мадридского соглашения 1975 г., в соответствии с которым Испанская Сахара была передана под административное управление Марокко и Мавритании, Вашингтон вместе с тем не признал их суверенитет над этой территорией. В последующем американцы маневрировали между Рабатом и Алжиром, поддерживая, с одной стороны, Марокко и пытаясь, с другой, защитить свои экономические интересы в АНДР, ставшей важным экономическим партнером США в регионе (в 1976 г. они заняли первое место во внешней торговле этой страны: на Соединенные Штаты пришлось тогда 44% алжирского экспорта, а его объем составил 2 млрд. долл.)[24]. Но при этом Вашингтон воспользовался сложившейся ситуацией для укрепления своих военно-политических позиций: 27 мая 1982 г. с Рабатом было заключено соглашение о транзитном использовании марокканских авиабаз для переброски американских Сил быстрого развертывания в страны Африки и Ближнего и Среднего Востока. Что касается Франции, то хотя первоначально она придерживалась промарокканского курса, после избрания Ф.Миттерана президентом летом 1981 г. перешла на нейтральные позиции.

В результате – что было крайне важно – вновь удалось не допустить превращения Магриба в поле прямого противостояния двух военно-политических блоков. Практически не отразилась проблема Западной Сахары и на двусторонних отношениях: в Москве понимали, что их обострение неизбежно толкнет Марокко на дальнейшее сближение с Западом, а в Рабате исходили из того, что такой крен подтолкнет Советский Союз к занятию более четкой позиции в поддержку Алжира.

Окончание «холодной войны» создало, казалось бы, предпосылки к политическому урегулированию конфликта. В 1990 г. Совет Безопасности одобрил предложения генерального секретаря ООН Х.Переса де Куэлльяра, предусматривавшие про-

ведение референдума о статусе территории, и 29 апреля 1991 г. резолюцией 690 учредил Миссию ООН по наблюдению за референдумом в Западной Сахаре (в состав которой был направлен, в том числе, и советский персонал). Однако расхождения между Марокко, с одной стороны, и Фронтом ПОЛИСАРИО и Алжиром, с другой, по вопросам подготовки референдума воспрепятствовали его проведению.

Что касается торгово-экономических связей Советского Союза с Марокко, то они стали налаживаться параллельно с установлением между двумя странами дипломатических отношений. 19 апреля 1958 г. в Москве было подписано торговое соглашение, в соответствии с которым СССР начал экспортировать в эту страну нефть и нефтепродукты, машины и оборудование, пиломатериалы, химические товары, стекло в обмен на цитрусовые, кожи, шерсть, пробковую кору, рыбные и овощные консервы и вина[25]. Заключение этого соглашения стало первым шагом к диверсификации Марокко своих торгово-экономических связей, которые тогда замыкались на занимавшие монопольное положение на марокканском рынке Францию и Испанию. В июле 1979 г. между двумя странами было подписано новое торговое соглашение, предусматривавшее, в частности, возможность перехода с 1 января 1982 г. к платежам в свободно конвертируемой валюте.

При советском содействии в Марокко были построены теплоэлектростанция в Джераде мощностью 165 тыс. кВт, удовлетворявшая треть потребностей страны в электроэнергии, гидрокомплекс в Нурбазе «Мансур ад-Дахби» с ГЭС мощностью 10 тыс. кВт, игравший важную роль в освоении засушливых земель в провинции Варзазат, гидроэлектростанция «Мулай Юсеф» мощностью 24 тыс. кВт в районе Аит Адель, линия электропередач протяженностью 200 км, две промышленные холодильные установки вместимостью по 5 тыс. т каждая, а также проведены геологические исследования на твердые полезные ископаемые[26]. 10 апреля 1978 г. в Москве было подписано соглашение о долгосрочном экономическом и техническом сотрудничестве в освоении фосфоритного месторождения в Мескале, которое Хасан II охарактеризовал как «контракт века»[27]. СССР начал ввозить из Марокко тройной суперфосфат и фосфорную кислоту, в которых нуждалось сельское хозяйство страны. 27 апреля 1978 г. было заключено соглашение о сотрудничестве в области морского рыболовства, предусматривавшее создание сме-

шанного рыболовного общества и строительство рыбоперерабатывающего комплекса.

Распад СССР, внутриполитические трудности, затяжной экономический кризис, ориентирование внешней политики России на Запад негативно сказались на сотрудничестве РФ с арабскими странами, в том числе и с Марокко. В конце 80-х годов Советский Союз в связи с нехваткой валюты перестал закупать продукцию марокканской химической промышленности, а в 1992 г. РФ прекратила поставки нефти (700 тыс. т в год, что составляло 60% российского экспорта в Марокко)[28]. Снизившиеся с 1,3 млрд. дирхам в 1991 г. до 0,9 млрд. дирхам в 1992 г. поставки российских товаров практически сошли на нет в следующем, 1993 г.[29] С другой стороны, марокканцы повели себя тогда более благородно, чем «традиционные друзья» нашей страны в арабском мире, отказавшиеся выплачивать нам свои долги в условиях, когда Россия остро нуждалась в финансовых средствах. Не располагающее свободными ресурсами и не являющееся нефтедобывающей страной Марокко направило весной 1992 г. в РФ продовольственную помощь на сумму 1 млн. долл.[30]. Рабат пытался в то время восстановить тесные отношения с Москвой, марокканцы неоднократно давали понять, что хотели бы направить в Россию делегацию на самом высоком уровне, но российская сторона предпочла не слышать этих обращений[31].

«Российская смута» не могла не сказаться на престиже страны в арабском мире, и Марокко не стало здесь исключением. По данным профессора Рабатского Университета им. Мухаммеда V Марии ат-Тауфик, опросившей в 1991–2003 гг. 2 тыс. студентов этого университета, у 96% из них преобладал взгляд на СССР как на мощное в военном отношении государство с жестким режимом, а 91% восхищался советскими достижениями в науке и покорении космоса. РФ же ассоциировалась у 48% опрошенных с нищетой, преступностью и алкоголизмом, хотя 52% и полагали при этом, что Россия остается великой державой[32].

«Второе дыхание» российско-арабские, в том числе российско-марокканские, отношения обрели после назначения Е.М. Примакова министром иностранных дел РФ и, особенно, после избрания В.В.Путина президентом России. Свидетельством тому стали визиты в Москву короля Мухаммеда VI в октябре 2002 г. и В.В. Путина в Рабат в сентябре 2006 г., а также встреча

глав двух государств «на полях» саммита Организации Исламская конференция в Малайзии в октябре 2003 г. Контакты на высшем уровне придали существенный импульс возрождению двустороннего сотрудничества. Во время пребывания в РФ Мухаммеда VI была подписана Декларация о стратегическом партнерстве между двумя странами.

Поддерживаются достаточно интенсивные контакты между МИД двух государств. В апреле 2002 г. и ноябре 2005 г. Рабат посетили министры иностранных дел РФ И.С. Иванов и С.В. Лавров, в январе 2002 г. и в июне 2006 г. в Москве находился министр иностранных дел и сотрудничества Марокко Мухаммед бен Иса. В 2001, 2002, 2004 и 2009 гг. состоялись встречи российского и марокканского министров на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке.

Как явствует из заявления в Рабате 29 октября 2009 г. зам. министра иностранных дел РФ А.В.Салтанова, в России рассматривают Марокко в качестве стратегического партнера. Между Москвой и Рабатом происходит интенсивный обмен мнениями и согласование позиций по ситуации на Ближнем Востоке, в Средиземноморье и в Африке, т. е. в тех регионах, где марокканская дипломатия играет активную роль.

Что касается Западной Сахары, то здесь главным для России является избежать осложнения отношений как с Марокко, так и с Алжиром из-за проблемы, не затрагивающей напрямую российские интересы. В силу этого Москва занимает – и абсолютно правомерно – пассивную позицию, ограничиваясь поддержкой усилий ООН на данном направлении. Как представляется, для РФ целесообразно согласиться с любым решением данного вопроса, которое устроило бы стороны конфликта.

Начали налаживаться и межпарламентские контакты: в феврале 2003 г. состоялся визит в Марокко председателя Госдумы Г.Н. Селезнева, а в октябре Москву посетил председатель марокканской Палаты советников Мустафа Окаши.

Восстановились и торгово-экономические связи между двумя странами, которые строятся на основе соглашений о взаимном предоставлении режима наиболее благоприятствуемой нации и расчетах в конвертируемой валюте от 15 апреля 1994 г. (вступило в силу 12 января 2000 г.) и об избежании двойного налогообложения от 4 сентября 1997 г. (вступило в силу 1 января 2000 г.).

При содействии «Технопромэкспорта» в Марокко построен один из крупнейших в арабском мире и Африке гидроузел

«Аль-Вахда», обеспечивающий 30% потребностей этой страны в электроэнергии[33]. В 2010 г. «Зарубежводстрой» («ЗВС») выиграл тендер на сооружение плотины в М'Дез в верховьях реки Себу. В соответствии с контрактом, компанией должны быть в течение четырех лет проложены технический и водосливный туннели длиной 400 м и диаметром 8 м каждый[34]. Вместе с тем уже в 2011 г. выявилось двухмесячное отставание «ЗВС» с вводом в строй систем энерго- и водоснабжения, теленаблюдения и жилья для занятого на строительстве персонала. Не начаты в срок и работы по созданию строительной базы. Еще одна российская компания выиграла тендер на реконструкцию ранее построенных ГЭС. Рассматривается также возможность участия в тендере на строительство новой гидроэлектростанции «Росатома», начавшего проявлять интерес к этой новой для него сфере деятельности[35].

В 1998 г. «ЗВС» приступил к проведению ирригационных работ. С Министерством сельского хозяйства Марокко было подписано соглашение о подготовке генеральной схемы выращивания зерновых, а с управляющей государственным имуществом организацией СОДФА – об освоении земель.

Налаживается взаимодействие в сфере атомной энергетики. В июне 2010 г. в ходе IV заседания Российско-марокканской межправительственной комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству была достигнута договоренность об участии «Росатома» в тендере на строительство энергетического блока сооружаемой в Марокко АЭС.

Продолжается российско-марокканское сотрудничество в деле освоения космоса на основе меморандума о взаимопонимании, подписанного между Российским авиационно-космическим агентством и Королевским центром дистанционного зондирования и Королевским центром космических исследований. Российскими ракетами-носителями производятся запуски марокканских спутников типа «Мароктюбсат», предназначенных для контроля за состоянием растительного покрова и перемещением косяков рыбы.

Весьма важным направлением двусторонних отношений может стать сфера высоких технологий. Пока здесь сделаны лишь первые шаги: данный вопрос обсуждался во время пребывания в Марокко в октябре 2010 г. заместителя министра юстиции РФ В.Лихачева.

Российскими компаниями осуществляется строительство автострады Таза – Аль-Хосейма протяженностью 420 км (стоимость

проекта 2,5 млрд. дирхамов [280 млн. долл.]). Сооружение дороги планируется завершить в 2015 г.[36].

Непросто обстоит, вместе с тем, дело с сотрудничеством в области рыболовства. В 1995 г. с Марокко было подписано соглашение, в соответствии с которым 14 российских судов получили право вылова в марокканской экономической зоне 100 тыс. т рыбы[37]. При его продлении на год в ноябре 1998 г. количество траулеров было сокращено до 12, а квота отлова снижена до 80 тыс. т[38]. При этом, по оценке марокканской прессы, российская сторона скрупулезно соблюдала соглашение, ежегодно выплачивая Марокко за право лова рыбы 2 млн. долл.[39]. На борту каждого русского рыболовецкого судна находилось 5–9 марокканских стажеров, обучавшихся практике пелагического лова, а также марокканский контролер, следивший за количеством выловленной рыбы[40]. Российские научно-исследовательские суда совместно с марокканским Исследовательским институтом рыболовства занимались оценкой запасов морепродуктов в экономической зоне Марокко в Атлантике. Тем не менее, когда в декабре 1999 г. истек срок действия соглашения, марокканцы не стали возобновлять его так же, как они не стали пролонгировать и прекратившее тогда же свое действие соглашение о рыбной ловле с Европейским союзом. Потребовалось десять лет упорных переговоров для того, чтобы добиться заключения 3 июля 2010 г. нового соглашения об условиях промысла в атлантической части марокканской экономической зоны, предусматривающего постоянное пребывание там 10 российских крупнотоннажных судов. Действие данного соглашения распространяется и на воды, прилегающие к Западной Сахаре, что можно рассматривать как шаг к признанию Россией фактически сложившейся ситуации.

Новым явлением в двусторонних отношениях стало создание совместных предприятий. В настоящее время функционируют пять таких СП: «Марюспесиа» (транспортно-портовое строительство), «Комежи» (добыча и переработка гипса), «Магрюс» (бурение скважин на воду), «Фрюбаг Марок» (поставки сельхозтехники), «Электроникс Инджиниринг» (импорт и сборка электронного оборудования для текстильной и швейной промышленности) с общим годовым оборотом 1,5 млн. долл.[41]. Большинство этих предприятий, к сожалению, сталкивается с немалыми трудностями, связанными с организационными проблемами, а также вялой конъюнктурой местного рынка.

Постепенно набирает обороты взаимодействие в банковско-финансовой сфере. В ноябре 2010 г. было заключено соглашение о сотрудничестве между «Внешэкономбанком» и марокканской «Ля Кэсс дё Депо э дё Жестьон», которым предусматривается совместное финансирование долгосрочных экономических проектов как в Марокко, так и в России. В ходе визита в Рабат в феврале 2011 г. президента «АРБ» Г.Тосуняна достигнута договоренность о подписании соглашений о сотрудничестве между ассоциациями банков двух стран.

Хотя в отличие от советского периода Россия практически не выделяет государственных кредитов на реализацию проектов сотрудничества, для Марокко было сделано исключение: в 90-е годы королевству был предоставлен заем в размере 100 млн. евро на строительство гидроэнергетического комплекса «Аль-Вахда»[42].

Что касается внешней торговли, то Марокко представляет интерес для России как стабильный и достаточно емкий рынок сбыта и источник получения продовольственных товаров, продукции легкой промышленности, а в перспективе и фосфоросодержащей продукции. Эта страна является третьим в арабском мире торговым партнером России, уступая только Египту и Объединенным Арабским Эмиратам. На ее долю приходится 11–12% общего объема торговли РФ с государствами Ближнего Востока и Северной Африки. Вместе с тем товарооборот между двумя странами не является стабильным – он составил 0,4 млрд. долл. в 2005 г., 0,9 млрд. в 2007 г., 2,3 млрд. в 2008 г., 1 млрд. в 2009 г. и 2 млрд. долл. в 2010 г.[43] При этом доля России во внешней торговле Марокко остается крайне низкой, не превышая 4%[44]. Основными статьями российского экспорта являются нефть и уголь (поставки которых составили в 2005–2009 гг. соответственно 8 млн. и 3,3 млн. т[45]), аммиак и аммиачная селитра, синтетический каучук, химические удобрения, комплектное энергетическое оборудование (для сооружаемых либо ремонтируемых при российском содействии объектов), металлопрокат, бумага и картон, пиломатериалы, карбамид, сера. Осуществлялись также поставки российской пшеницы, хотя и в небольших количествах: в 2009 г. было продано 65 тыс. т (при общем объеме ввоза в Марокко пшеницы в 1,5–2 млн. т)[46]. Марокко, в свою очередь, является одним из семи основных поставщиков в Россию фруктов: на его долю приходится 4% российского импорта[47]. Поставки в РФ составляют 25% марок-

канского экспорта апельсинов, мандаринов и клемантинов[48]. В Россию вывозятся также консервированные сардины, агар-агар, свежая и свежемороженая рыба, кофе, помидоры.

Непризнание Россией аннексии Марокко Западной Сахары перестало быть в последние годы препятствием к распространению на эту территорию торгово-экономического сотрудничества между двумя странами. Свидетельством тому стала реконструкция российскими организациями рыболовецкого порта в Эль-Аюне[49].

В последнее десятилетие было прекращено регулярное авиасообщение между двумя странами, что в какой-то мере осложнило поддержание российско-марокканских деловых контактов. В то же время в летний период российскими авиакомпаниями организуются для перевозки туристов чартерные рейсы. Равным образом чартеры, в основном иностранные, использовались для перевозки в Марокко внешнеторговых грузов. Однако в начале 2011 г. после девятилетнего перерыва возобновилось, наконец, регулярное воздушное сообщение с Марокко. Правда, сделали этот шаг не российские авиакомпании, а «Руаяль Эр Марок», принявшая решение осуществлять три раза в неделю полеты по маршруту Касабланка-Москва-Касабланка.

Активную роль в развитии двустороннего сотрудничества играет созданный в июне 2006 г. Российско-марокканский деловой совет, деятельность которого нацелена на завязывание и упрочение деловых связей между организациями, компаниями и предпринимателями обеих стран.

В целом, как представляется, российско-марокканские отношения выдержали испытание временем, налицо обоюдное стремление к их упрочению, что дает основания с оптимизмом смотреть на их будущее.

---

[1] *Мусатова Т.Л.* Россия-Марокко: далекое и близкое прошлое. – М., 1990, с. 16; U.S. Morocco Relations – The Beginning. // United States Diplomatic Mission to Morocco – at:
http://morocco.usembassy.gov/early.html

[2] *Мусатова Т.Л.* Россия-Марокко …, с. 4.

[3] Подробнее см.: Там же, с. 30.

[4] Histoire du Maroc. – P., 1967, с. 281.

[5] Очерки истории Министерства иностранных дел России. Т. III: Биографии министров иностранных дел 1802–2002 гг. – М. 2002, с. 147.

[6] *Мусатова Т.Л.* Россия-Марокко…, с. 71.
[7] *Сергеев В.С.* История Марокко – XX век. – М., 2001, с. 40.
[8] *Орлов В.В.* Российско-османское противостояние в восприятии марокканцев (XVIII-XIX вв.) // Российская конференция «Арабский мир и Россия: изменяющиеся парадигмы взаимного восприятия». Тезисы. Москва, Институт востоковедения РАН, 13–14 октября 2008 г. – М., б/г, с. 25.
[9] *Сапронова М.А.* Динамика представлений о странах Северной Африки в путевых заметках русских путешественников и военных обзорах представителей Генерального штаба XIX века. – Там же, с. 28.
[10] См.: Очерки истории Министерства иностранных дел России. Т. I: 860–1917 гг. М., 2002, с. 522.
[11] Очерки истории Министерства иностранных дел России. Т. I, с. 523.
[12] *Игнатьев А.В.* Русско-английские отношения накануне Первой мировой войны (1908–1914 гг.). – М., 1962, с. 108.
[13] Цит. по: *Сергеев В.С.* История Марокко – XX век, с. 63.
[14] К вопросу о Танжере (редакционная статья). // Известия, 04.07.1945.
[15] Протокол Берлинской конференции трех великих держав, 1 августа 1945. – В кн.: Советский союз на международных конференциях периода Великой отечественной войны 1941–1945 гг. Т. VI: Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании. 17 июля – 2 августа 1945 г. – М., 1980, с. 477.
[16] Заявление Министерства иностранных дел СССР о воссоединении Танжера с Марокко, 9 октября 1956 г. – В кн.: СССР и арабские страны. 1917–1960 гг. – М., 1961, с. 228.
[17] Заявление Министерства иностранных дел СССР о воссоединении Танжера с Марокко, 11 декабря 1956 г. – Там же, с. 287.
[18] *Hassan II.* Le défi. – P., 1976, с. 194.
[19] *Сергеев В.С.* История Марокко – XX век, с. 241.
[20] Выступление постоянного представителя Марокко при ООН Идриса Слави на заседании СБ, посвященном рассмотрению вопроса о положении на оккупированных палестинских и других арабских территориях, декабрь 1987 г. // Хроника ООН, октябрь-декабрь 1987 г., с. 26.
[21] См.: *Фокеев Г.В.* Внешняя политика стран Африки. – М., 1968, с. 160.
[22] См.: *Сергеев В.С.* История Марокко – XX век, с. 170.
[23] Vie économique, 02.01.1998. – Цит. по: *Сергеев В.С.* История Марокко – XX век, с. 170.
[24] *Касум-заде Х.К.* Политика США по проблеме Западной Сахары // В кн.: IV Всесоюзная конференция африканистов «Африка в 80-е

годы: итоги и перспективы развития» (Москва, 3–5 октября 1984 г.). Тезисы докладов и научных сообщений. Вып. III: Международные отношения стран Африки. – М., 1984, с. 34.

[25] См.: Сборник торговых договоров, торговых и платежных соглашений и долгосрочных торговых соглашений СССР с иностранными государствами (на 1 января 1961 года). – М., 1961, с. 322–325.

[26] Russie-Maroc: les relations bilatérales ont fait leurs preuves. // RIANovosti – à: http://fr.ru/analysis/20060906/53558247.html; *Шведов А.А.* Независимая Африка: внешнеполитические проблемы, дипломатическая борьба. – М., 1983, с. 266; *Кукушкин В.Ю.* Российский частный капитал в Марокко: достигнутые результаты и упущенные возможности // Ближний Восток и современность. Вып. 13. – М., 2002, с. 236.

[27] Le Matin du Sahara, 09.03.1978.

[28] Russie-Maroc…

[29] The Europa World Year Book. 1995, vol. II. – L., 1995, c. 2132.

[30] *Сергеев В.С.* История Марокко – XX век, с. 294.

[31] См.: Там же, с. 294.

[32] *Ат-Тауфик Мария.* Сура аль-инсан ар-руси фи васаиль аль-иылям аль араби // Аль-Хивар аль-араби ар-руси фи-ль-карн аль-хади ва-ль-ышрин. Тафауль аль-хидаратейн ва-тарих мин аль-алякат аль-мутабадиля. Вакаыа надва аль-хивар аль-араби ар-руси. Аль-Хаммамат-Тунис, 23–25 юнью 2003. – Тунис, 2004, с. 259.

[33] *Кукушкин В.Ю.* Российский частный капитал в Марокко … // Ближний Восток и современность. Вып. 13, с. 241.

[34] News. // Зарубежводстрой – at: http://www.zvs.ru/en/about/news

[35] См.: «Росатом» будет участвовать в тендере на строительство АЭС в Марокко. // ADVIS.ru – на: http://www.advis.ru/cgi-bin/new.pl?8E09BAB7-1E4A-014E-B4A9-89B32E8EC4E2

[36] Российско-марокканские отношения на современном этапе. // Десятая юбилейная сессия Российско-Арабского Делового Совета в Касабланке – на: http://10session.russarabc.ru/ru/rusmorocco

[37] *Сергеев М.С.* История Марокко – XX век, с. 294.

[38] Там же.

[39] Le Temps du Maroc, 12.02.1999.

[40] *Сергеев М.С.* История Марокко – XX век, с. 295.

[41] *Кукушкин В.Ю.* Российский частный капитал в Марокко … // Ближний Восток и современность. Вып. 13, с. 241.

[42] Там же.
[43] Russie-Maroc…; Российско-марокканские отношения // Посольство Российской Федерации в Королевстве Марокко – на: http://www.marocco.mid.ru/Ross_Marocc.html
[44] Российско-африканские отношения // Африка. Энциклопедия. Т. 1. – М., с. 129; Relations économiques entre les pays arabes et la Russie, 26.10.2008 – à: http://www.avocats.fr.space/chems-eddin.hafiz/content/relations-economiques-entre-…
[45] МИД России оценил роль российско-арабского сотрудничества, 24.05.2011. // Islam News – на: http://www.islamnews.ru/news-57871html
[46] *Люкманов А.Р.* Перспективы российско-арабского экономического сотрудничества // Ближний Восток и современность. Вып. 27. – М., 2006, с. 102.
[47] Комсомольская правда, 30.06–07.07.2011.
[48] Там же.
[49] См.: *Кукушкин В.Ю.* Российский частный капитал в Марокко … // Ближний Восток и современность. Вып. 13, с. 239.

Л.Н.Руденко

ПРОБЛЕМЫ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ АРАБСКИХ СТРАН

Росту нестабильности и социально-политическим потрясениям, наблюдающимся в странах Ближнего Востока и Северной Африки с начала 2011 г., безусловно, способствовали демографические процессы, которые протекали в регионе последние три десятилетия.

Среднегодовые темпы роста численности населения арабских стран в 1980–2001 гг. являлись одними из самых высоких в мире и составляли 2,5–2,6% (1, с.119). В то же время положительные сдвиги, которые произошли в регионе в сфере медицинского обслуживания, санитарных условий, питания и т.д., позволили сократить индикатор младенческой смертности: в среднем по арабским странам со 153–157 промилле в 1960 г. до 45–49 промилле в 2001 г. (1, с.125). Сочетание этих двух факторов (высокой рождаемости и уменьшения младенческой и детской смертности) дали толчок быстрому росту населения. Прогнозируется, что темпы его роста в арабских странах в текущем десятилетии останутся свыше 1,5% в год. В результате население Ближнего Востока и Северной Африки, численность которого сейчас превышает 350 млн. чел., может к 2020 г. приблизиться к 500 млн. (2; 31.12.2010 – 6.01.2011).

Анализ распределения населения по возрастным группам показывает, что общество в арабских странах молодое, с преобладанием низковозрастных категорий. Согласно оценке, жители в возрасте до 15 лет составляют от 36% до 45% общей численности населения арабского региона, что предопределяет достаточно высокие среднегодовые темпы роста региональных трудовых ресурсов: в 1980–2010 гг. они находились на уровне 3,3%(3). Для сравнения укажем, что этот индикатор для стран Южной Азии составлял 2,1%, а для Восточной Азии – 1,5%.

В то же время качество трудовых ресурсов стран Ближнего и Среднего Востока заметно отстает от других развивающихся регионов. Так, в конце 70-х годов низкоквалифицированные и неквалифицированные работники составляли примерно 87% самодеятельного населения арабского мира, лица средней квалификации – 8%, высокой квалификации – 5%. Спустя четверть века доля первой группы сократилась до 70%, по-прежнему составляя громадное большинство. Доля работников, обладающих средней квалификацией, выросла в два с половиной раза – до 19%, а высшей – примерно до 11% (1, с. 126, 127).

Низкий удельный вес здесь средне- и высококвалифицированной рабочей силы во многом обусловлен исторически сложившимся отставанием образовательного уровня населения. Тем не менее необходимо отметить, что за последние несколько десятилетий в регионе были достигнуты немалые успехи в области образования. Так, средний показатель грамотности взрослого населения вырос многократно – с 16–17% в 1960 г. до более 60% в начале 2000-х годов (1; с.126). Начальную школу в странах Ближнего Востока и Северной Африки в настоящее время посещают практически все дети. Около 70% молодежи охвачены обучением в средней школе по сравнению с 10–11% в 1960 г. Государства региона, начав с крайне низкого старта, по показателю охвата молодежи обучением в высшей школе – 1–2% в 1960 г. и 9–20% в 2000 г. – в последние десятилетия в целом превысили отметку по группе развивающихся государств – соответственно 2–3% и 14% (1; с.125).

В 1990–2000-е годы расходы на образование в арабском регионе, особенно в государствах Персидского залива, заметно возросли. Так, согласно данным Министерства финансов Саудовской Аравии, королевство в течение последних десяти лет утроило свои вложения в эту сферу. В текущем десятилетии оно планирует потратить еще 37 млрд. долл. на строительство и модернизацию школ и университетов. В государственном бюджете на 2011 г. ассигнования на образование и профессиональное обучение увеличены до 150 млрд. сауд. риалов (40 млрд. долл.), что составляет около 26% общей суммы государственных расходов. Саудовское правительство предусматривает в рамках запланированных на развитие образования средств построить 610 новых школ в дополнение к 3200 уже строящихся (6; 15–21.04.2011).

Помимо программ школьного строительства, в королевстве осуществляются различные инициативы по реформированию системы образования. В 2007 г. был запущен проект – King Abdullah bin Abdulaziz Public Education Development Project (Tatweer) – стоимостью 2,4 млрд. долл., призванный модернизировать образование для 4,5 млн. учащихся государственных школ путем внедрения современных методов обучения, критериев оценки и учета.

В стране реализуются планы по развитию и реформированию всех уровней образования, начиная с расширения приема в дошкольные учреждения, поскольку менее 10% саудовских детей посещают детские сады. В то же время международный опыт показывает, что раннее обучение дает толчок развитию детских познавательных способностей и навыков грамотности.

Кроме того, инвестиции направляются также в сферу профессионально-технического обучения. В частности, одно из подразделений Министерства труда – Technical & Vocational Training Corporation (TVTC) – расширяет сеть профтехобразования в королевстве. В Саудовской Аравии открываются новые политехникумы с целью обучения практическим, техническим и специализированным промышленным навыкам и подготовки специалистов средней квалификации. За время своей деятельности TVTC ассигновала 4 млрд. сауд. риалов в 22 политехникума для подготовки 30 тыс. саудовских граждан в год (6; 15–21.04.2011).

Вложения государства в высшее образование также принесли положительные результаты. Согласно данным Всемирного банка, темпы увеличения количества студентов в высших учебных заведениях Саудовской Аравии возросли с 20% в 1999 г. до 30% в 2007 г.

В последние годы расходы на образование выросли и в других странах Персидского залива. Так, в государственных бюджетах Омана, ОАЭ и Катара на 2010 г. предусматривалось направить в эту сферу в среднем более одной пятой общей суммы расходов. При этом Оман планировал потратить 2,1 млрд. долл. (12,3% всех расходов бюджета), ОАЭ – 2,7 млрд. долл. (22,5%), а Катар – 5,4 млрд. долл. (20,5%).

Катар уже почти десять лет осуществляет программу реформирования начального, среднего и высшего образования. Созданный для проведения ее в жизнь Высший совет по образованию (Supreme Education Council – SEC) избрал стратегию, которая заключалась прежде всего в создании финансируемых

государством независимых школ, свободных в выборе своих собственных методик обучения и учебных программ. При этом они подотчетны SEC, их деятельность должна соответствовать ряду требований и показателей, особенно в том, что касается успеваемости по основным предметам (арабский, английский, математика и др.). В 2004 г. были открыты первые 12 независимых школ, в настоящее время их 102 (7).

Большой интерес в арабском мире привлекает также инициатива Катара по созданию Education City. Это специальная зона, организованная в Дохе и финансируемая государством для привлечения в страну международных университетов (они создают здесь свои отделения) и стимулирования исследовательской деятельности, а также для дополнительного инвестирования в бюджеты факультетов и обучение студентов старших курсов.

Важно отметить, что в последние годы частный сектор стран-членов Совета сотрудничества государств Персидского залива (ССАГПЗ) начал вносить более весомый вклад в развитие системы образования в этом субрегионе путем создания новых школ, совершенствования их инфраструктуры, оборудования и управления, а также предоставления условий для практики и тренинга учащихся. Правительства стран ССАГПЗ идут по пути предоставления частным школам большей свободы в составлении учебных планов, выборе учебников и методов обучения.

Страны Магриба, Египет, Иордания, Сирия и другие не имели финансовых возможностей, чтобы осуществлять в 1990–2000-е годы такие же крупные денежные вливания в развитие образования, как богатые нефтедобывающие государства Персидского залива. Тем не менее они также уделяли внимание этой проблеме. Здесь тоже строились начальные школы, открывались средние и высшие учебные заведения, развивалось профессиональное, специальное и высшее образование, росло число учащихся начальных и средних школ, а также студентов и выпускников университетов. Кроме того, в указанный период в этой группе арабских стран предпринимались шаги по совершенствованию имеющихся моделей образования и повышению его уровня.

Несмотря на существенное увеличение ассигнований как по линии государственного, так и частного сектора, а также различные инициативы по модернизации образования, в араб-

ском мире система в целом (от начального до университетского уровня) не отвечает современным требованиям экономического развития стран Ближнего Востока и Северной Африки и не способствует решению такой острой социальной проблемы, как высокий уровень безработицы среди молодежи.

Социологический опрос, проведенный MEED Education Survey в 2011 г. в странах ССАГПЗ, показал, что 53% респондентов считают, что стандарты подготовки учеников в этом регионе ниже среднего уровня. При этом участники опроса считают выпускников школ Саудовской Аравии наименее подготовленными по сравнению с другими странами. Согласно данным опроса 2010 г., 60,9% респондентов воспринимали государственное образование в государствах Персидского залива как весьма слабое (8).

Международные эксперты отмечают, что характерными чертами школьного образования не только в странах ССАГПЗ, но и во всем арабском регионе являются консервативные учебные программы и методы обучения в государственных школах, которые делают упор на пассивное заучивание фактов вместо формирования и развития самостоятельного, креативного мышления. Предпочтение отдается изучению традиционных предметов, в частности арабского языка и ислама. В то же время знания выпускников школ в области математики и естественных наук, иностранных языков и других предметов не отвечают требованиям, предъявляемым при поступлении в высшие учебные заведения. Так, 90% выпускников средней школы ОАЭ вынуждены проходить подготовительные двухгодичные курсы для повышения своих знаний в области естественных наук, английского языка и информационных технологий до уровня, необходимого для поступления в университет. Такое дополнительное образование дорого обходится государству. Согласно оценке, 20% государственных ассигнований на высшие учебные заведения в Эмиратах расходуются на подобные курсы. В Саудовской Аравии на содержание подготовительных курсов тратится до одной четверти ежегодных вложений в образование (8). Это проблема общая для всего арабского региона.

Что касается системы высшего образования в странах Ближнего Востока и Северной Африки, то в докладе «Решение проблемы занятости в странах ССАГПЗ», опубликованном в июне 2010 г., американская консультационная фирма «Booz & Company» констатировала нехватку выпускников исследовательской и

инженерной специализации в регионе, сетуя на то, что «образовательная система плохо согласуется с нуждами современной промышленности» (9). К этому следует добавить, что обучение в университетах в арабском регионе не дает студентам достаточных знаний о современном мире бизнеса, что формирует у выпускников высших учебных заведений нереалистичные ожидания.

Еще одна важная проблема системы образования в арабских странах заключается в низком профессиональном уровне учителей и преподавателей учебных заведений всех ступеней. Сфера обучения – это, как правило, карьерный выбор среди женщин в регионе, она не привлекает мужчин, которые стремятся найти более престижные и высокооплачиваемые рабочие места в других секторах. Нехватка преподавательских кадров, обладающих необходимой квалификацией, наряду с другими факторами предопределяет достаточно низкое качество государственного образования в странах Ближнего Востока и Северной Африки по сравнению с другими развивающимися регионами мира, в частности с Восточной Азией. Так, на международной олимпиаде – Trends in International Mathematics and Sciences Study – в 2007 г. из 12 арабских стран-участниц ни одно государство не заняло место выше двадцатого (7).

* * *

Как показывает анализ социально-экономического развития арабского мира в последние два десятилетия, расположенным здесь странам пока не удается использовать растущий приток человеческого капитала в качестве эффективного механизма создания общественного богатства, поддержания устойчиво высоких темпов экономического роста. Современная региональная ситуация характеризуется хронической безработицей и распространяющейся неполной занятостью. Более того, специалисты Института международных финансов отмечают, что уровень безработицы на Ближнем Востоке и в Северной Африке превышает этот показатель в других развивающихся макрорегионах мира. Так, в арабских странах в 2009 г. он составлял 11,5% экономически активного населения, в Латинской Америке – 7,7%, Южной Азии – 5,2%, Восточной Азии – 4,4% (3).

В этой связи важно подчеркнуть, что учитывая относительно высокие темпы роста трудоспособного населения, среднегодовой прирост ВВП в 3%, который наблюдался в арабском

регионе в период с 1980 г. по 2010 г., был явно недостаточен, чтобы предотвратить постоянный рост безработицы. При этом самыми высокими темпами увеличивалось число неработающей молодежи.

Безработица среди молодежи в целом по региону Ближнего Востока и Северной Африки в конце 2000-х годов возросла до 25,2%. В частности, в Тунисе этот показатель достиг 28,7%, в Египте – 26,3%, в Марокко – 24,9%, в Саудовской Аравии – 23,2%, в Алжире – 21,5% (3). При этом среди лиц, завершивших получение среднего образования, и выпускников университетов безработица была еще выше (например, в Египте она составляла 66% и 25% соответственно).

Еще одна отличительная черта рынка труда арабских стран заключается в том, что здесь низка доля работающих женщин. Она колеблется в пределах от 24,5% до 27,4% в Египте, Ливии, Марокко и Тунисе (2; 5–11.08.2011). Несмотря на то, что удельный вес женщин в экономически активном населении региона в последние десятилетия заметно повысился, на пути их участия в общественном производстве сохраняются серьезные препятствия, связанные как с религиозными традициями и глубоко укоренившимся консервативным социальным поведением, так и с недостаточно высоким уровнем развития производительных сил, закреплением за женщинами определенного вида работ, с дискриминацией в оплате труда. Значительным тормозом в трудоустройстве женщин, особенно тех, кто получил образование и приобрел специальность, в условиях высокого уровня безработицы и неполной занятости является растущая конкуренция со стороны специалистов-мужчин.

В качестве особенности рынка труда и экономики стран Ближнего Востока и Северной Африки в целом важно также отметить то обстоятельство, что довольно значительная часть трудоспособного населения занимается неформальными (теневыми) видами деятельности – уличные торговцы, сезонные сельскохозяйственные работники (farmhands) и др. Оплата труда в теневом секторе может быть ниже и менее гарантирована, чем в открытом. Кроме того, работающие здесь не обеспечены никакими социальными гарантиями (пособия, пенсии и т.д.). Во второй половине 2000-х годов, например, на неформальный сектор приходилась почти половина всех городских рабочих мест в частном секторе Алжира (2; 5–11.08.2011).

Дефицит рабочих мест стал одним из главных факторов, которые привели к социальной напряженности и политической нестабильности, переживаемой в настоящее время арабскими странами Ближнего Востока и Северной Африки. По существу, проблемы с занятостью среди арабской молодежи, особенно среди образованной ее части, явились двигателем протестного движения в регионе. В этой связи уместно вспомнить трагический случай 17 декабря 2010 г., когда уличный торговец-выпускник университета, который не нашел работу по специальности, после избиения полицейскими облил себя бензином и сжег на площади маленького тунисского городка Сиди-Базид. С этого начались массовые выступления в Тунисе, а затем – по цепной реакции – в Египте, Ливии и ряде других арабских стран (4).

Высокий уровень безработицы, помимо демографических причин, обусловлен спецификой социально-экономического развития арабских стран в последние два десятилетия и особенностями сложившегося в них рынка труда.

Как известно, в государствах Персидского залива доминирующим является нефтегазовый сектор, который предоставляет ограниченные возможности для расширения занятости. Более трудоемкие сферы деятельности, например, строительство, развивались и продолжают функционировать при значительной опоре на импортируемую дешевую рабочую силу и зачастую не предлагают экономически обоснованных вакансий для местных жителей.

Процессы модернизации и развития в странах ССАГПЗ привели к наплыву в них иностранной рабочей силы во второй половине XX столетия, поскольку местных трудовых ресурсов оказалось явно недостаточно, чтобы обеспечивать функционирование национальных воспроизводственных систем. Иммиграция имела серьезные последствия для демографической ситуации в арабских странах Персидского залива, т.к. иностранцы во многих из них ко второй половине 90-х годов превысили число коренных жителей, которые оказались в роли меньшинств в своем отечестве. Гастарбайтеры стали абсолютно и относительно преобладать в составе работающего населения.

Способность правящей верхушки «шестерки» аравийских государств присваивать нефтяную ренту в значительных размерах и ее стремление сохранить, лишь модифицируя, прежнюю

социальную структуру общества привели к тому, что расширение сферы применения наемного труда среди местного населения было связано не столько с распространением принципов рыночной экономики, сколько с процессом перераспределения нефтяных доходов. Это нашло отражение в том, что подавляющая часть коренных жителей, работавших по найму, к началу 2000-х годов трудилась не в отраслях обрабатывающей промышленности или строительстве, а в сфере обслуживания, главным образом в государственном или административном аппарате, в армии или полиции.

Такая диспропорциональная структура занятости объяснялась тем, что в арабских странах Залива отношение коренных жителей к работе и найму определялось не механизмом рынка труда, а логикой самой ренты. Целью представителя местного населения являлась не продажа своего товара – рабочей силы, а поступление на место, позволяющее участвовать в распределении ренты (10, с.112). При этом степень включения в такой процесс нередко и в немалой степени зависела от внеэкономических факторов: племенной принадлежности, родственных связей, близости к государственной власти. По определению ряда западных специалистов, в этих государствах сформировался «бюрократическо-племенной рынок найма».

Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов, что годы «нефтяного бума» воспитали у коренных жителей аравийских стран чувство собственной исключительности, превосходства над иностранцами. У них сложилось представление, что занятие физическим и другим производительным трудом «унизительно» для истинного мусульманина. Развитию такого отношения к физическому труду способствовало и то, что на протяжении всей современной истории монархий основным источником рабочей силы среди местного населения для зарождавшихся сначала нефтяного, а затем и всего современного сектора служили бывшие рабы, «низшие» (в отличие от «благородных») племена, угнетаемые представители религиозных меньшинств.

Поэтому неудивительно, что усилия аравийских правительств по расширению численности национальных рабочих и специалистов в производительной сфере экономики пока оказались малоэффективны. Сама сложившаяся в странах ССАГПЗ система образования, ориентированная на подготовку специалистов главным образом гуманитарного профиля, закрепляла зависимость производительных отраслей от иностранной

рабочей силы. В результате дефицит местной рабочей силы во многом был обусловлен ограниченностью социальной политики правящей элиты, которая пыталась решить две малосовместимые задачи: как обладатель денежного капитала – создать рынок труда, а как феодально-монархическая верхушка – поставить преграды на пути разложения традиционной социальной структуры общества. В этих условиях единственным решением стал импорт иностранной рабочей силы, породивший новые серьезные противоречия.

Судя по всему, использование иностранной рабочей силы будет продолжаться в достаточно больших масштабах и далее, поскольку финансовое благополучие в аравийских странах и необходимость поддержания экономики в рабочем состоянии создают стабильный спрос на рынках труда, которые отечественная рабочая сила обеспечить не в состоянии. К тому же, согласно оценке некоторых аналитиков, фирмам и компаниям наем несаудовского персонала обходится на 30–50% дешевле, чем местного (6; 15–21.04.2011).

В отличие от нефтедобывающих государств Аравийского полуострова, для рынка труда арабских стран-импортеров нефти более характерна эмиграция рабочей силы, особенно для Египта, который является лидером в этой области среди своих соседей по региону.

Важно отметить, что эмиграция из Египта приняла значительные масштабы в 70-е годы прошлого столетия. Этому во многом способствовала политика «открытых дверей», проводившаяся в стране с 1974 г. до середины 80-х годов. Курс египетского правительства в этот период внес качественные изменения в характер использования национальных трудовых ресурсов внутри страны. Стремительно росло относительное перенаселение во всех его формах. Приток иностранного капитала, хотя и стимулировал развитие целого ряда сфер экономики, не вызвал быстрого увеличения рабочих мест, так как значительная часть (около 60%) инвестиций, поступавшая из зарубежных источников, имела товарную или ссудную форму. Капиталовложения западных фирм в свободных зонах также носили в основном непроизводительный характер (11, с. 219).

Неограниченный допуск на внутренний рынок иностранных товаров негативно отразился на местном промышленном производстве в государственном и частном секторах. Был нанесен удар по многим отраслям национальной индустрии, особенно

пострадала текстильная промышленность, в которой было занято примерно 50% всех промышленных рабочих страны. Политика «открытых дверей» вызвала перестройку экономики, сопровождавшуюся деформацией структуры занятости и, как следствие этого, – быстрым ростом безработицы. Условия труда тех, кто остался в сфере производства, заметно ухудшились. Торгово-посредническая буржуазия, монополизировавшая импортно-экспортные операции, взвинтила цены на многие товары на внутреннем рынке, что вместе с притоком иностранного капитала и увеличением дефицита торгового баланса дало мощный толчок инфляционным процессам. Все это вместе взятое способствовало развитию эмиграции рабочей силы из Египта, которая приобрела массовый характер.

В 1990–2000-е годы выезд египтян на заработки в другие страны продолжался в значительных масштабах, поскольку в ходе экономических реформ, проводившихся в стране в этот период, не удалось не только решить, но даже смягчить такие острые социальные проблемы, как массовая бедность и безработица. Согласно официальной статистике АРЕ, уровень безработицы в конце 2000-х годов составлял 9–10% трудоспособного населения, однако независимые экономисты считают более реальным показателем 20%. Безработица значительно выше среди молодежи: в возрасте 20–25 лет – 37,5%; среди лиц, завершивших получение среднего образования, – 65,9%, выпускников университетов – 25,3%. Многие египтяне заняты на временных работах или трудятся неполную рабочую неделю.

Массовая эмиграция рабочей силы оказывает противоречивое влияние на экономику Египта и структуру национальных трудовых ресурсов. С одной стороны, денежные переводы гастарбайтеров превратились в один из крупных источников свободно конвертируемой валюты, существенно уменьшая дефицит платежного баланса страны. Эмиграция способствует вовлечению в трудовую деятельность какой-то части трудовых ресурсов, образующих относительное перенаселение или вообще не входящих в них. Некоторые исследователи связывают, например, усиление социальной активности египетских женщин с массовой эмиграцией рабочей силы. С другой стороны, она сопряжена с утратой (пусть даже временной) наиболее активной, квалифицированной и опытной части трудовых ресурсов. В качестве серьезного негативного последствия этого явления следует также отметить ущерб, который наносится

рабочей силе в результате ее усиленной эксплуатации в странах массовой эмиграции. Так, египетский экономист Надир Фаргани, исследовавший положение египетских рабочих-мигрантов в странах Персидского залива, отмечал, что они живут и работают в таких трудных условиях, что истощение рабочей силы едва ли может быть компенсировано теми денежными накоплениями, которые они успевают сделать за время эмиграции (11, с. 221). Наряду с этим имеет место деградация рабочей силы, так как нередко египетские гастарбайтеры вынуждены заниматься работой не по специальности, что приводит к утрате ими квалификации, к «потере вкуса» к своей основной работе на родине. Даже сельские труженики в результате эмиграции утрачивают навыки сельскохозяйственных работ, поскольку трудятся в основном на строительных работах, в сфере услуг и т.п. Нередко, возвратившись из эмиграции, бывшие квалифицированные промышленные рабочие стремятся найти иное занятие, вне сферы материального производства. Несомненный урон национальным трудовым ресурсам Египта наносит эмиграция специалистов – представителей интеллигенции. Страна испытывает значительную нехватку именно тех категорий специалистов, которые как раз отправляются в эмиграцию.

* * *

Специфика исторически сложившегося в арабских странах рынка труда заключается в том, что бремя обеспечения занятости ложится в основном на государственный сектор, абсорбционные возможности которого, учитывая быстрое увеличение трудоспособного населения в регионе в 1990–2000-е годы, оказались практически исчерпаны. Более того, занятость в госсекторе влечет за собой значительные финансовые издержки для бюджетов рассматриваемых стран, что, в конечном счете, отрицательно сказывается на экономической эффективности и темпах роста.

Как показывает международный опыт, мощным двигателем процесса создания рабочих мест в мире являются малые и средние предприятия (small and medium-sized enterprises – SMEs). Так, на Западе на SMEs приходится около половины всех рабочих мест. Парадоксально, но их доля на Ближнем Востоке даже выше, она колеблется от 75% в Египте до 86% в ОАЭ. Однако арабские малые и средние предприятия характеризуются низкой производительностью и слабыми темпами

роста, создавая лишь 30% ВВП по сравнению с 50% в развитых странах (2; 31.12.2010–6.01.2011).

Исследования, проведенные Всемирным банком, показывают, что страны Ближнего Востока и Северной Африки в первой половине 2000-х годов пересмотрели правила ведения предпринимательской деятельности быстрее, чем другие регионы мира (5). Так, в 2008–2009 гг. в 17 из 19 арабских стран были проведены подобные реформы. Эти преобразования в первую очередь были ориентированы на облегчение стартовых условий для предприятий малого и среднего бизнеса. В частности, в некоторых из них были отменены требования к минимальному капиталу (согласно прежним правилам, предприниматель должен был разместить на банковском депозите определенную сумму денежных средств до начала функционирования бизнеса) для новых бизнесов, ускорен процесс выдачи разрешений на строительство и введен принцип «одного окна» при регистрации фирмы.

В то же время в регионе сохраняется множество проблем, мешающих ведению малого и среднего бизнеса. Так, экономические аналитики отмечают, что для SMEs получить доступ к банковским кредитам и современным технологиям весьма затруднительно, поскольку приоритет в этой сфере отдается государственному сектору и крупному бизнесу. Значительное время занимает получение лицензий и реализация контрактов. Компаниям в странах Ближнего Востока и Северной Африки требуется в среднем 3,5 года, чтобы завершить процедуру банкротства, то есть почти в два раза больше времени, чем в развитых государствах. Явно недостаточным остается уровень компетентности местных судов в разрешении коммерческих споров. Эти и другие трудности снижают заинтересованность местных предпринимателей в развитии бизнеса, в наращивании активов. В результате существенно уменьшаются возможности SMEs для роста и развития после прохождения ими стадии «start-up», а также для создания рабочих мест.

В этой связи важно подчеркнуть, что частный акционерный капитал в арабских странах находится в зачаточном состоянии. Его отличительной чертой до сих пор остается «семейный» характер. Многие из нынешних предпринимательских групп на Ближнем Востоке и в Северной Африке, часто созданные одним купцом, который затем стал местным агентом или дистрибьютером иностранных компаний, чаще развивались и крепли

распространяя свою деятельность на строительство, операции с недвижимостью или легкую промышленность. При этом промышленные, торговые, финансовые и другие структуры в арабских странах, как правило, объединяют кровных родственников и членов семьи, которых независимо от их способностей и квалификации, предпочитают профессиональным специалистам и менеджерам, что часто мешает фирме осуществлять последовательную и грамотную долгосрочную стратегию. С другой стороны, «семейный» характер частного арабского капитала ограничивает шансы выпускников средних и высших учебных заведений региона занять достойное место на местном рынке труда.

* * *

Как уже отмечалось, стремительный рост населения в арабских странах за последние три десятилетия породил существенное преобладание среди граждан региона людей моложе 24 лет. Согласно прогнозу Всемирного банка, 100 млн. рабочих мест должно быть создано в странах Ближнего Востока и Северной Африки за предстоящие двадцать лет, чтобы удовлетворить только тех, кто впервые вступает на рынок труда (12). Перегруженный государственный сектор уже не в состоянии справиться с трудоустройством молодежи. Отсталость систем образования приводит к тому, что большинство молодых людей, стремящихся найти рабочее место за пределами государственной занятости, не имеют необходимой квалификации для работы в частном секторе. Поэтому перед арабскими странами с новой остротой встает необходимость стимулировать реализацию программ экономической диверсификации.

В 1990–2000-е годы в регионе предпринимались многочисленные попытки диверсифицировать экономику и расширить производственную базу. Пионерами выступили Оман и Бахрейн, которым в первую очередь грозит истощение природных запасов углеводородов.

Бахрейн продвинулся дальше многих других арабских стран в диверсификации экономики, в частности, в развитии тяжелой промышленности, банковской и финансовой сферы, социальной и транспортной инфраструктуры. По данным Центрального банка Бахрейна, в 2008 г. на ненефтяные отрасли приходилось 71,5% ВВП, а на нефть и связанные с ней сектора всего лишь – 28,5%.

Помимо традиционных отраслей (алюминиевой, сталелитейной и др.), правительство Бахрейна стремится создавать новые современные сектора экономики, в частности ИТ-индустрию, фармацевтику и некоторые другие. Руководством королевства поставлена задача вдвое увеличить в перспективе вклад современных отраслей в производство ВВП. В настоящее время этот показатель оценивается в 18%. Кроме того, банковский и финансовый сектор Бахрейна превратился в один из ведущих в мире центров системы исламских банков.

Оман с точки зрения развитости ненефтяных отраслей экономики занимает второе место после Бахрейна среди арабских стран Персидского залива. Необходимость диверсификации экономики стала особенно очевидной в начале 2000-х годов, т.к. усилилась тенденция к сокращению добычи нефти. В последние годы в султанате были сделаны крупные инвестиции в производство алюминия и стали. Однако учитывая, что в настоящее время страна сталкивается со значительным дефицитом на внутреннем рынке энергоносителей, прежде всего газа, государство концентрирует свои усилия на развитии менее энергоемких производств. Так, в стратегии экономического развития Омана – «Vision 2020» значительное место уделено туристическому сектору. Предусматривается также увеличение более чем в два раза вклада сельского хозяйства в экономику Омана, или до 5% ВВП, а обрабатывающей промышленности – до 29%. В настоящее время, по данным Министерства национальной экономики султаната, доля аграрной отрасли составляет 1,5% ВВП, обрабатывающей индустрии – 9%. В планах развития Омана так же, как и Бахрейна, подчеркивается стремление ускорить реализацию мер, нацеленных на повышение доли местных жителей на рынках труда этих стран, усилить роль частного сектора как локомотива экономического роста.

Саудовская Аравия, Катар и ОАЭ одобрили еще более честолюбивые планы экономической диверсификации. Так, саудовское правительство разработало программу развития до 2024 г., которая разбита на три пятилетки. План на 2010–2014 гг., в частности, предусматривает снижение количества безработных до 5,5% экономически активного населения. В этой связи уместно отметить, что нынешний уровень безработицы в королевстве оценивается в 11%, при этом для молодежи этот показатель значительно выше: более 65% саудовцев в возрасте 16–25 лет не имеют работы.

В **Саудовской Аравии** при проведении экономической диверсификации делается ставка на создание экономических центров, своеобразных урбанистических узлов, включая распространение информации и знаний, а также на развитие вторичных отраслей нефтехимической промышленности с высокой степенью переработки сырья. Эти проекты должны обеспечить примерно 10,8 млн. рабочих мест в период до 2014 г. Однако, по оценке авторов доклада, подготовленного Национальным банком Кувейта, саудовские работники, имеющие необходимую квалификацию, заполнят лишь около половины вакансий, или 5,45 млн. мест, тогда как другую половину займут приезжие (13; 22.10.2011). Иными словами, продолжающееся отставание в уровне образования и развития человеческого капитала ограничивает темпы и масштабы планов диверсификации.

Саудовское правительство прикладывает определенные усилия к тому, чтобы частный капитал играл более заметную роль в процессе экономической диверсификации и участвовал в различных проектах, в частности, по добыче и транспортировке природного газа, строительстве нефтеперерабатывающих заводов, производстве электроэнергии и опреснении морской воды. Тем не менее, пока в экономике Саудовской Аравии сохраняется доминирование государства и государственных компаний.

Руководство **ОАЭ** подготовило грандиозный план развития, стремясь найти новую нишу для эмирата Дубай как мирового центра услуг и логистики. Аналитик К.К. Ульрихсен из Лондонской школы экономики и политологии полагает, что это самая радикальная среди арабских нефтедобывающих стран попытка осуществить быстрый переход к постнефтяной экономике. К этому следует добавить, что в ОАЭ запланированы или уже осуществляются промышленные проекты стоимостью 42,7 млрд. долл. Около 7,3 млрд. долл. из данной суммы будет израсходовано Abu Dhabi Polymers Company на расширение мощностей по производству нефтехимической продукции. Предполагается, что еще 20 млрд. долл. будет инвестировано Abu Dhabi Chemicals Integration Company (Tacaamol) на строительство одного из крупнейших в мире нефтехимических комплексов производительностью 6,2 млн. т продукции в год.

Кувейт стремится решить задачи диверсификации экономики и создания новых рабочих мест путем снижения роли государства в управлении экономикой и ускорения роста частного

предпринимательства, в первую очередь в ненефтяных отраслях. С этой целью в стране в 2010 г. были предприняты весьма значимые инициативы. В феврале Национальное собрание Кувейта утвердило новый пятилетний план экономического развития (впервые с 1986 г.), нацеленный на повышение роли частного сектора в хозяйственной жизни эмирата и предусматривающий общие ассигнования в сумме 104 млрд. долл., а в мае был принят закон о приватизации, который вступил в силу в ноябре 2010 г. Этот нормативно-правовой акт открывает возможности для передачи активов, принадлежащих государству, местным органам власти или в частную собственность, разрешается также учреждение новых компаний, в которых государству будет принадлежать миноритарный пакет акций. Закон о приватизации не распространяется на нефтяную и газовую промышленность, переработку нефти, здравоохранение и образование.

Алжир, в отличие от других арабских нефтедобывающих стран, стремящихся либерализовать инвестиционный режим, сделал выбор в пользу политики, ориентированной на ужесточение требований к иностранным компаниям в период сильно возросших внутренних потребностей в новых рабочих местах в связи с безработицей и в реализации курса на диверсификацию экономики. В стране около 70% лиц, не имеющих работы, являются молодыми людьми. Каждый год тысячи из них, рискуя жизнью, пытаются пересечь Средиземное море на небольших плавсредствах, чтобы нелегально обосноваться в западноевропейских странах.

Алжирское руководство надеется, что нефтяная и газовая промышленность страны обеспечит будущий экономический рост, а валютные резервы, аккумулированные благодаря вывозу энергоносителей, послужат своего рода «подушкой безопасности». Глобальный финансово-экономический кризис показал неустойчивость и уязвимость избранной алжирскими властями модели развития, опирающейся на массированные государственные расходы и «экономический национализм».

Ведущие эксперты по странам Северной Африки полагают, что смена экономического курса и ухудшение инвестиционного климата в Алжире, скорее всего, ограничат активность алжирских и иностранных частных компаний. Безработица среди молодежи, по всей вероятности, останется высокой, что в сочетании с растущей инфляцией и недостаточной эффективностью

государственного и частного секторов может привести к росту социальной напряженности в стране.

Арабские страны-импортеры нефти, как и богатые нефтедобывающие государства Персидского залива, пытаются диверсифицировать экономику, проводить структурные реформы, чтобы справиться с естественным приростом населения и не допустить дальнейшего повышения и без того высокого уровня безработицы.

В **Египте** в 1990–2000-е годы в процессе реализации программы экономических реформ и приватизации государственных предприятий получило заметное развитие промышленное производство, произошла довольно значительная его диверсификация, повысился удельный вес частного сектора. В общем объеме выпускаемой продукции увеличилась доля химических, фармацевтических товаров, нефтехимикатов, металлопродукции и др., расширился их ассортимент. Успешно развивался аграрно-промышленный сектор. В результате в египетском экспорте наметилась тенденция к снижению доли сырьевых товаров и увеличению удельного веса промышленной продукции, выпускаемой на базе новых технологий.

В Египте с начала 2000-х годов активно развивается сектор информационных и коммуникационных технологий (ИКТ), в частности экспорт аутсорсинговых услуг. В 2010 г. объем египетского экспорта услуг ИТ-аутсорсинга оценивался в 1,1 млрд. долл. Мобильной связью в АРЕ охвачено примерно 75% населения (60 млн. абонентов). Рынок услуг широкополосного доступа (как фиксированного, так и мобильного) растет на 25% ежегодно и сейчас насчитывает 1,1 млн. подключенных домохозяйств.

До последнего времени основную часть рынка аутсорсинга в Египте составляли услуги колл-центров и другие услуги поддержки; в этом бизнесе было создано около 40 тыс. рабочих мест. Министерство информационных и коммуникационных технологий АРЕ поддерживало развитие данной отрасли путем возмещения ее затрат на обучение персонала и сертификацию.

В то же время в Египте в последние годы начали уделять внимание развитию информационных услуг более высокого уровня. С этой целью в страну удалось привлечь такие ведущие информационные компании мира, как IBM, Microsoft, Intel и др., которые заинтересованы в расширении своей деятельности на рынках Ближнего Востока и Северной Африки.

Министерство информационных и коммуникационных технологий АРЕ и подчиняющееся ему Information Technology Industry Development Agency (ITIDA) придавали большое значение реализации программы по стимулированию малых и средних предприятий с тем, чтобы они более активно использовали информационно-коммуникационные возможности в своей деятельности.

Развитие программного обеспечения – это еще одна растущая область, которая очень важна для ITIDA. Египет в качестве исторически сложившегося центра книгопечатания и публикаций в арабском мире является естественным центром развития таких форм применения арабского языка, как поисковые системы интернета (internet search engines) и перевод программ.

Другая потенциальная сфера роста – это развитие услуг с более высокой добавленной стоимостью (value added services). Один из видов этих услуг включает продвижение высококачественного ресурса поддержки арабского языка с помощью, например, таких возможностей, как социальные мобильные сети.

В **Иордании** в 1990–2000-е годы были осуществлены важные экономические преобразования, ориентированные на создание современной рыночной экономики. Приватизационные инициативы, поощрение развития частного предпринимательства и повышение транспарентности в сфере бизнеса, облегчение условий торговли, сокращение значительной части субсидий на продовольствие и топливо, инвестиции в образование и, что особенно важно, приверженность правящей элиты реформам – все это способствовало позитивной трансформации иорданской экономики.

Обращают на себя внимание весьма впечатляющие успехи Иордании в последние годы в экспортной сфере, ставшие во многом возможными благодаря либерализации внешнеторгового режима и получению более широкого доступа на ряд рынков. В 2000 г. было заключено соглашение о свободной торговле с США. В результате с 2003 г. Соединенные Штаты стали крупным импортером иорданской продукции: их доля в общем вывозе королевства достигала 28% в докризисный период. Аналогичные документы были подписаны с ЕС, ЕАСТ и Сингапуром.

В Иордании в 2000-е годы повышенная ставка делалась на развитие сектора услуг. Королевству удалось обеспечить его значительную конкурентоспособность в масштабах ближнево-

сточного региона, в частности, благодаря продвижению информационных технологий, совершенствованию системы здравоохранения, образования и туризма.

В последние годы в Иордании был запущен ряд мегапроектов: строительство первого в стране ядерного реактора; «Red Sea project», который преследует цель смягчить проблему нехватки питьевой воды в иорданской столице и остановить обмеление Мертвого моря; сооружение железной дороги протяженностью 1080 км, которая свяжет королевство с железнодорожной сетью Сирии и Ирака.

Руководство страны надеется, что эти проекты окажут не только краткосрочный позитивный эффект на экономику страны, но и заложат фундамент для устойчивого развития на длительную перспективу. В частности, программа ядерной энергетики может уменьшить зависимость иорданской экономики от импорта энергоресурсов, стоимость которых составляет около 3,5 млрд. долл. в год, что эквивалентно 25% расходов национального годового бюджета. Железнодорожный проект позволил бы Иордании занять центральное место на пересечении новых региональных торговых путей.

Наряду с этим правительство королевства оказывает помощь и другим хозяйственным секторам, в том числе промышленности. Трехлетний план на 2009–2011 гг. был нацелен на стимулирование роста промышленности и внешнеэкономических связей, привлечение инвестиций, создание новых рабочих мест.

Перспективы экономического развития **Марокко** определены в плане «Plan d`Emergence», разработанном правительством в 2006 г. В соответствии с этим планом, страна взяла курс на развитие индустриальной базы и повышение конкурентоспособности как в традиционных отраслях промышленности (химической, текстильной, пищевой), так и в новых для страны областях (автомобилестроение, производство электротоваров и комплектующих для авиационной техники, сбор и утилизация отходов, телекоммуникации и информационные технологии). Программой экономического развития королевства предусматривается создание в стране к 2015 г. 550 тыс. новых рабочих мест.

Правительство оказывает поддержку предприятиям по сборке автомобилей посредством предоставления налоговых льгот, устранения бюрократических барьеров, а также путем создания выгодных условий для строительства заводов на территории

страны иностранными компаниями. Например, в королевстве успешно идет строительство завода фирмы «Renault», производительность которого после ввода в эксплуатацию в 2012 г. составит 170 тыс. автомобилей в год, а в 2014 г. – 400 тыс.

Не меньшее внимание уделяется сфере коммуникаций и информационных технологий. Важнейшей целью национальной стратегии является увеличение доступности Интернета и рост удельного веса его пользователей в общей численности населения Марокко (с 1 из 10 человек в 2008 г. до 1 из 3 – в 2013 г.). Для решения этой задачи реализуется проект стоимостью 464 млн. евро, охватывающий компьютеризацию предприятий и учебных заведений.

* * *

Диверсификация экономики, совершенствование и развитие индустриальной базы, включая создание новых современных отраслей, повышение роли частного сектора в модернизационных процессах – все это требует наличия в достаточном количестве трудовых ресурсов более высокой квалификации, что, в свою очередь, подразумевает повышение уровня образования в арабских странах.

Как уже отмечалось, правительства государств Ближнего Востока и Северной Африки в последние два десятилетия заметно увеличили расходы на образование всех ступеней, некоторые из них делали попытки перестроить систему обучения, приблизить ее к современным требованиям (Катар, Саудовская Аравия, ОАЭ и др.). Несмотря на это, добиться кардинальных сдвигов пока не удалось. Все страны региона по-прежнему нуждаются во всеобъемлющей реформе образовательных систем, которая потребует формирования нового баланса между традиционными и современными методами обучения. Такая реформа во многом сопряжена с изменением менталитета, культурных традиций арабского общества, а это достаточно длительный и сложный процесс.

События 2011 г. в арабском мире наглядно продемонстрировали, что реформы и программы развития, уже осуществляемые или намеченные на обозримую перспективу, явно недостаточны, чтобы кардинально решить проблему безработицы и улучшения жизни быстрорастущего населения. В этой связи возникает объективная необходимость не только ускорения реализации давно назревших политических и экономических преобразований, но и их углубления.

Продвижение арабских стран по пути социально-экономической модернизации невозможно без достижения консенсуса как внутри правящих элит, так и в обществе в целом. В то же время политическая нестабильность в регионе может затянуться на неопределенное время, что будет тормозить принятие и реализацию более адекватных программ экономических преобразований, в которых страны Ближнего Востока и Северной Африки крайне нуждаются для поддержания устойчивого роста и решения острых социальных проблем. В условиях сохранения политической напряженности в ряде арабских государств (Ливия, Сирия, Йемен, Египет, Тунис) возможен дальнейший рост бедности и безработицы, уровень которых в них и так слишком высок.

1. Арабские страны Западной Азии и Северной Африки (сборник статей). М., 2007.
2. Middle East Economic Digest (MEED). London.
3. The Arab World in Transition: Assessing the Economic Impact. IIF Regional Overview. Wash., 2011.
4. Мировая экономика и международные отношения. М., 2011, № 7.
5. World Bank. Doing Business 2010. N.Y., 2009.
6. MEED. Special Report Saudi Arabia. London, 2011.
7. MEED. Education Supplement. London, 2011.
8. MEED. Education Quarterly Report. 9–15 September 2011.
9. MEED. Education Survey. London, 2011.
10. Максимов А.А. Развитие отсталых обществ при неограниченных финансовых ресурсах. М., 1989.
11. Арабская Республика Египет. М., 1990.
12. Middle East Economic Review. London, 2010.
13. www.journal-neo.com

В.В.Сергеев

НОВАЯ СТРАТЕГИЯ ПРЕЗИДЕНТА США Б.ОБАМЫ В ВОЕННОЙ КАМПАНИИ В АФГАНИСТАНЕ

До того, как 13 января 2009 г. Б.Обама официально стал президентом США, он планировал кардинально изменить подходы своего правительства к проблеме борьбы с терроризмом. И хотя многие политики из республиканского лагеря утверждали, что его заявления по содержанию не сильно расходятся со словами Дж.Буша, Обама сделал афганскую проблему своим внешнеполитическим приоритетом.

Всеобъемлющая стратегия по Афганистану, озвученная им в конце марта того же года, свела все его предыдущие предложения по данной теме воедино. Во-первых, новоизбранный лидер американского государства открыто и явно признал: положение на афганском театре военных действий становится все более тяжелым[1]. Количество нападений на войска НАТО и национальные афганские вооруженные силы все время возрастает. Обама не преминул заметить: 2008-й год стал наиболее кровопролитным за все время ведения этой войны.

Несмотря на стремление быть оригинальным, Обама повторял многое из того, о чем говорил ранее Дж.Буш, например, что если оставить террористов в Афганистане и Пакистане в покое, эти страны вновь превратятся в рассадник экстремистов, которые захотят убить столько американцев, сколько это возможно[2]. Слова о том, что нельзя позволить врагам Америки чувствовать себя спокойно, дабы они не сотворили новых бед, почти в точности повторяют заявления бывшего президента, – только он говорил об Ираке, а не об Афганистане.

В очередной раз, без всяких двусмысленностей и смягчений, было заявлено о неразрывности безопасности Афганистана и Пакистана. Со времени прихода к власти нового американского лидера понятие «терроризм» уже не связывалось исключительно с Ираком или Афганистаном: вместо термина «афганская война» американские представители стали исполь-

зовать слова «афгано-пакистанский конфликт». По словам Обамы, спустя почти восемь лет после событий 11 сентября 2001 г. «Аль-Каида» и ее союзники распространили свое влияние на слабо охраняемые районы приграничного Пакистана, куда также переместились Усама бен Ладен и Айман аль-Завахири. Они умело использовали труднопроходимую местность приграничья для укрывательства, обучения и налаживания связей с террористами, для подготовки нападений и засылки диверсантов в Афганистан. Однако, по мнению американского президента, это не только проблема США, но и один из важнейших вызовов безопасности для всего человечества. Если где-либо в мире произойдет крупный теракт, то, вероятнее всего, у его организаторов будут иметься связи с «Аль-Каидой» в Пакистане.

По заверениям Белого Дома, американцы находятся в Афганистане не для того, чтобы контролировать и определять его будущее. Цель Вашингтона – борьба с общим врагом, угрожающим как США, так и их союзникам, народам Афганистана и Пакистана, которые более всего пострадали от рук экстремистов.

Президент пытался убедить американский народ в том, что у Белого Дома имеется в Афганистане четкая стратегия – сделать это, по всей видимости, ему было весьма непросто. Ведь и бывшую, и действующую администрацию время от времени обвиняют в том, что у иностранных военных в Афганистане отсутствуют ясно сформулированные задачи. Перспективы урегулирования не видно, Пентагон не в состоянии одержать военную победу, а Америка в целом – упорядочить афганскую экономику. В некоторых аспектах положение дел год от года лишь ухудшается – учащается число нападений на войска и мирных граждан, растут военные потери, побиты все возможные рекорды производства в Афганистане опийного мака. Согласно данным ООН, начиная с 2005 г. в этой стране его производилось до 90% от мирового объема. Больше наркотиков изготовлялось только в XIX веке – в Британской Индии для Китая. Данное обстоятельство, как известно, спровоцировало несколько опиумных войн.

Итак, по словам Барака Обамы, его правительство имело четкую и ясно обозначенную цель – помешать, искоренить и нанести поражение «Аль-Каиде» в Пакистане и в Афганистане (именно в таком порядке) и не позволить ей возродиться в какой-либо из двух стран в будущем.

Очевидно подразумевалось, что в данном аспекте отсутствует необходимое единство. Хотя формально блок Международных

сил содействия безопасности (МССБ) представлял собой единое целое, многие страны либо преследовали собственные цели в Афганистане и не желали идти навстречу Вашингтону, как Германия, или, наоборот, старались создать видимость самого тесного сотрудничества с американской администрацией для получения в будущем определенных преференций от нее. Завуалировано глава государства также отверг идею прямого военного вторжения на территорию Пакистана, несмотря на собственное убеждение, что он не менее опасен, чем Афганистан. Тем не менее Пентагону предписано оказывать Исламабаду материально-техническую помощь и тренировать его солдат.

Очевидно, большинство из более чем 40 союзников США[3], имеющих свои вооруженные контингенты в Афганистане, находились там исходя не из желания помочь кабульским властям, а в силу практических соображений. Более-менее значимыми силами (свыше 1 тыс. человек) располагали Австралия, Великобритания, Германия, Канада, Нидерланды, Польша, Румыния, Франция.

Париж и Берлин располагали крупные силы сообразно со своими масштабами и геополитическим влиянием. Прочие государства не являлись серьезными боевыми союзниками Соединенных Штатов, поскольку они практически не оказывали воздействия на ход боевых действий. Например, Эстония выделила 150 военнослужащих, Албания – 140, Украина – 10, Грузия – 1 человека[4]. Желание присоединиться к ИСАФ/МССБ было вызвано просьбами Вашингтона либо из-за блоковой солидарности с НАТО.

Обама назначил известного американского дипломата Р. Холбрука спецпредставителем по Афганистану и Пакистану: таким образом, тот становился чем-то вроде посла в двух государствах одновременно.

Учреждение должности спецпредставителя по Афганистану и Пакистану ставило целью начало трехстороннего диалога между США, Афганистаном и Пакистаном о пресечении бесконтрольного движения боевиков через афгано-пакистанскую границу. Эта проблема была настолько же стара, сколько ведется афганская кампания; добиться контроля над 2100-километровой труднопроходимой границей почти невозможно. Помимо Р. Холбрука, координировать усилия по обеспечению безопасности приграничья должны были госсекретарь Хилари Клинтон и министр обороны Р. Гейтс. Объединение афгано-пакистанской

проблемы в единое целое было, несомненно, верным решением. В то же время президент четко не разграничил полномочия этих трех высокопоставленных чиновников, так же, как и задачи военных и гражданских американских властей в целом. В более позднее время это породило существенные противоречия и конфликты. Например, отставка командующего силами США и НАТО в Афганистане генерала С.Маккристала в июне 2010 г. была связана, в том числе, с его противоречиями с американским послом К.Айкенберри.

Президент заявил, что в ходе афганской кампании были достигнуты «смешанные результаты» – иными словами, он завуалированно признавал неудачи в ходе ведения войны. Одновременно был подвергнут критике Пакистан, которому Америка ныне отказывается выдавать «открытый чек», то есть поддерживать своего союзника бесконечно долго и независимо от достигаемых результатов в борьбе с экстремистами. Международный валютный фонд, Всемирный банк и другие международные институты должны были оказать Исламабаду поддержку в борьбе с экономическим кризисом. Сами американские власти приняли законопроект, согласно которому планировалось выделять Пакистану 1,5 млрд. долл. ежегодно. Эти средства должны были направляться на строительство школ, дорог, больниц и «укрепление демократии»[5]. Авторами законопроекта стали известные сенаторы Дж. Керри и Р. Лугар.

Следует отметить, что финансовая поддержка южноазиатского союзника не являлась отражением щедрости новых американских властей. На протяжении многих десятилетий Вашингтон поддерживал Исламабад многомиллиардными субсидиями, иногда даже более весомыми. Правда, следует оговориться: столь немалые денежные средства выделял президент, обещавший своим избирателям существенно урезать государственные расходы и сделать бюджет бездефицитным. То есть подтверждается политологический тезис о том, что несмотря на обладание американскими президентами большими полномочиями, они не свободны в выборе действий. Значительная часть их политических инициатив обусловливается не предвыборными обещаниями, а текущей обстановкой. То же самое происходило с Обамой: в отношении афгано-пакистанского узла его стратегия довольно мало отличалась от стратегии Джорджа Буша-младшего. Кардинальное изменение – это перенос акцента Ирака на Афганистан.

Тема недофинансирования афганской кампании из-за событий в Ираке в речах президента обозначалась не раз. В адрес американских властей и властей НАТО иногда звучала критика в связи с нехваткой средств. Порой подобную критику позволяли себе даже высокопоставленные лица, например, бывший глава британской службы MI6 Ричард Дирлав (Richard Dearlove)[6]. Теперь же, как заявил Обама, наконец станет возможно ответить положительно на запрос генерала Маккирнена – командующего вооруженными силами США в Афганистане – на отправку в эту страну дополнительно 17 тыс. солдат и 4 тыс. инструкторов. В то же время американская армия не брала на себя все бремя ведения военных действий – для этого предполагалось планомерно увеличивать численность сил безопасности самого Афганистана, обучать и оснащать их, чтобы затем они полностью взяли на себя ответственность за обеспечение безопасности. С этой целью до 2011 г. была поставлена задача по увеличению Афганской национальной армии до 134 тыс., а затем до 170 тыс. чел[7]. вместо действительных 75 тыс. военнослужащих

Выступление президента перед нацией, которое легло в основу новой стратегии, содержало в себе несколько весьма откровенных выводов, таких, как утверждение о коррумпированности кабульского режима, ненадлежащем исполнении госслужащими своих служебных обязанностей. Не менее громким стало заявление о галопирующей наркоторговле и о том, что она подпитывает незаконные вооруженные формирования и организованную преступность. Каким бы очевидным ни казалось это мнение для всякого специалиста по Афганистану, до прихода Барака Обамы американцы старались замалчивать эту тему. Ведь именно они во многом несут ответственность за эту галопирующую наркоторговлю, т.к. сразу после вторжения в 2001 г., они и их союзники по коалиции эту проблему игнорировали, а затем, на рубеже 2006–2007 гг., осознали, что ничего не могут с ней сделать.

Следует отметить еще одну немаловажную закономерность: стратегия США по Афганистану с течением времени все более напоминала усилия СССР 25-летней давности. Так, Б. Обама признал необходимость привлечения в эту страну преподавателей, инженеров и юристов – так, чтобы ее экономика с течением времени стала способна существовать и без производства опийного мака. Вашингтон призвал союзников изыскать

не только дополнительные пополнения в войска, но и оказать помощь в обеспечении безопасности на предстоящих президентских выборах, в подготовке местных сил безопасности и в гражданском строительстве.

Намного более приближенными к реальности подходы американских властей стали в 2011 г. Начиная с октября администрация Б. Обамы начала рассматривать возможность по передаче ответственности за обеспечение безопасности местным силовым структурам не в 2012, а уже в 2014 году[8]. Фактически это означало, что американцы не желают принимать участия в боевых действиях. Это объяснялось как трудностями с финансированием, так и окончательным осознанием невозможности достижения победы.

Такой шаг означает существенное изменение в афганской стратегии Вашингтона. Всего несколько месяцев назад сама постановка вопроса об установлении окончательной даты вывода войск вызывала критику и непонимание республиканцев, например, сенатора Джона Маккейна, заявившего, что такой шаг придаст боевикам уверенности. Однако в настоящее время настроение изменилось, и будущий вывод войск из Афганистана вопросов не вызывает. Американские войска будут попрежнему осуществлять точечные боевые операции, в то же время фактическое присутствие военнослужащих на театре военных действий сведется к нулю, и у талибов останется мало возможностей устраивать свои засады или закладывать фугасы на дорогах на пути предполагаемого передвижения военной колонны.

Новый подход к военной кампании в Афганистане неоднократно обсуждался на высоком уровне. Следует отметить, что официальных решений пока не принято, возможны изменения. Окончательно решение об ускоренном выводе американских войск, как и войск всего Североатлантического альянса, должно быть принято на встрече НАТО в мае 2012 г.[9] В Америке в это время президентская кампания будет в самом разгаре. Следовательно, практически решенный вопрос об ускоренном выводе войск еще может стать предметом многочисленных спекуляций и ожесточенных дебатов. Можно не сомневаться – такой ход администрации Белого дома вызовет критику республиканцев, особенно их консервативного крыла.

Дав понять союзникам и противникам, что американские войска будут в скором времени выведены из Афганистана,

Пентагон оговорился, что он по-прежнему будет вести военные действия против боевиков. Таким образом, в американском руководстве столкнулись две точки зрения – «голубей» из Белого дома и «ястребов» из оборонного ведомства. Первые готовы оставить Афганистан таким, каков он есть и не пытаться победить в уже проигранной войне. Вторые опасаются повторения вьетнамского сценария и по-прежнему стараются добиться хотя бы небольших успехов.

Принципиальное решение о выводе большей части войск союзников из Афганистана было достигнуто на заседании НАТО в Лиссабоне в 2010 г. Однако детали такого решения, по-видимому, до сих пор не согласованы, и разные ведомства американской власти трактуют данное решение по-разному.

Такая двойственность объяснима: одни понимают, что создать достаточно боеспособные вооруженные силы Афганистана к 2014 г. практически невозможно, а значит, американцам в любом случае придется это делать. Другие осознают: с учетом экономических и иных реалий войска выводить все равно надо будет, причем как можно скорее. В такой ситуации не может быть выигрышного решения. Американским властям необходимо разобраться, что для них важнее – престиж и авторитет их страны или экономические интересы. В первом случае о полном выводе войск речь идти не может, во втором – с точностью до наоборот.

Возможность полного вывода американских войск встревожила властную элиту Афганистана, которая привыкла жить за счет многомиллиардных денежных потоков, поступающих в страну как напрямую в виде помощи, так и опосредованно: в афганские службы безопасности, многочисленные компании, выполняющие транспортные перевозки в интересах НАТО и многие другие структуры. Афганистан – одно из немногих государств, которое не располагает практически никакими конкурентными преимуществами. Даже в наименее развитых странах имеются хотя бы природные ресурсы или относительно квалифицированная дешевая рабочая сила. В Афганистане фактически нет ни того, ни другого. Поэтому после предполагаемого вывода американских войск этой стране грозит остаться один на один с тяжелыми проблемами и без легальных источников дохода.

Поэтому делегаты состоявшееся в ноябре 2011 г. заседания Лойя Джирги[10], посвященного обсуждению возможного нахождения

американских войск в Афганистане после 2014 г. не стали предъявлять больших претензий к американским властям. Они ограничились требованиями по прекращению произвольных задержаний, ночных операций, закрытию неподвластных Кабулу тюрем и согласились на дальнейшее нахождение в стране военных баз США[11].

Решению Лойя Джирги еще предстоит пройти одобрение афганского парламента – Вулыси Джирги. Однако настроение афганской властной элиты, причем не только официальных органов власти, склоняется в пользу дальнейшего сотрудничества с Вашингтоном. Точнее говоря, в пользу комфортного существования на деньги союзников по НАТО. Следует еще раз оговориться, – дело не только в прямых субсидиях, но и вообще денежных средствах Запада, так или иначе поступающих в афганскую экономику до тех пор, пока здесь находятся войска альянса.

25 ноября 2011 г. ошибочный авиаудар американцев по блокпосту пакистанских войск, унесший жизни 24 человек, привел к значительному ухудшению и без того довольно натянутых отношений Вашингтона и Исламабада[12]. Скорее всего, удар стал трагической случайностью и мог бы пройти незамеченным при других обстоятельствах. Однако погибло слишком много военных. Кроме того, за предшествующие до этого инцидента месяцы отношения двух государств итак шли по нисходящей. Напомним, что в сентябре председатель Объединенного комитета начальников штабов Майк Муллен обвинил Исламабад в поддержке боевиков из группировки Хаккани, летом США отказали своему союзнику в выделении 800 млн. долл. военной помощи и были вынуждены сократить свой военный персонал в Пакистане согласно его требованию. Еще ранее пакистанцы критиковали Америку за операцию против Усамы бен Ладена. В целом за последние годы между двумя странами росло взаимное недовольство. США считали, что Пакистан помогает боевикам, последний же в ответ обвинял их во вмешательстве в свои внутренние дела[13].

Немедленной реакцией официального Исламабада на авиаудар стало закрытие своих транспортных коридоров, по которым в Афганистан поступает до 70% военных грузов. Схема таких транспортных путей, а точнее, автомобильных дорог (в Афганистане железные дороги практически отсутствуют, до пакистанского порта Карачи грузы доставляются морем) приведена ниже.

Дальнейшие возможные шаги официального Исламабада пока неясны. Однако, если он полностью перекроет свою территорию для натовских грузов, то вся операция «Несокрушимая свобода» окажется под угрозой срыва, так как помимо России, по которой итак доставляются грузы, иных путей снабжения афганского театра военных действий фактически нет.

Таким образом, и без того непростое положение американских войск в Афганистане усугубляется расхождениями во взглядах органов власти в самих США, а также непростыми отношениями с еще недавно надежным союзником Вашингтона в регионе – Исламской Республикой Пакистан. Поэтому благоприятное завершение военной кампании Соединенных Штатов в Афганистане представляется практически маловероятным в ближнесрочной перспективе.

---

[1] См.: Transcript. Obama Announces New Afghanistan, Pakistan Strategies // CQ Transcripts Wire, 27.03.2009.

[2] Transcript. Obama Announces New Afghanistan, Pakistan Strategies // CQ Transcripts Wire, 27.03.2009.

[3] По состоянию на 23 июля 2009 г. в Афганистане находились войска 42 государств. См.: ISAF placemat. International Security Assistance Force // ISAF Regional Commands & PRT Locations, 23.07.2009. – Прим. авт.

[4] См.: Ibidem.

[5] Transcript. Obama Announces New Afghanistan, Pakistan Strategies // CQ Transcripts Wire, 27.03.2009.

[6] См.: Helen Pidd. Military campaign in Afghanistan mishandled, says ex-MI6 // The Guardian, 26.11.2009.

[7] Samuel Chan. Sentinels of Afghanistan Democracy: The Afghan National Army // Military Review. January – February 2009.

[8] См.: Entous A., Barnes J.E. US Explores Faster Afghan Handover // The Wall Street Journal, 3 November 2011.

[9] Ibidem.

[10] Общенациональное собрание старейшин и религиозных лидеров. В качестве консультативного или законодательного органа страны существует сотни лет. Принимает наиболее важные общегосударственные решения и обладает сравнительно высоким авторитетом. – Прим. авт.

[11] Zohori H. Afghanistan 'loya jirga' sets conditions for new pact with US // The Miami Herald, 19.11.2011.

[12] См.: Pakistan buries 24 troops killed in Nato airstrike // BBC News, 27.11.2011.

[13] См.: Ibidem.

Г.И.Смирнова

РЕСПУБЛИКА СУДАН ПОСЛЕ РАЗДЕЛА: ПРОБЛЕМА НЕФТИ ВО ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ ОБЕИХ СТРАН

Крупнейшее по территории африканское государство – Республика Судан 9 июля 2011 г. перестало существовать, и вместо него на карте мира появились два независимых государства – Республика Судан (РС) и Республика Южный Судан (РЮС).

В течение нескольких десятилетий с момента провозглашения независимости Судана в январе 1956 г. продолжалась гражданская война между мусульманским Севером и придерживающимися традиционных африканских религий племенами Юга. Исключением был период с 1972 г. по 1982 г. Только в январе 2005 г. в Найроби был заключен Всеобъемлющий мирный договор между правительственными войсками и повстанцами Юга. По этому договору был установлен переходный период, в течение которого правительство Судана и руководство Национально-освободительного движения (СНОД) проводили консультативные встречи, в ходе некоторых обсуждались вопросы гражданства, безопасности, соблюдения международных правовых договоров, экономики, в частности, распределения доходов от нефти, раздела внешнего долга, ресурсов, определения границы и т.п. Наконец, 9 июля 2011 г. была провозглашена независимость Южного Судана.

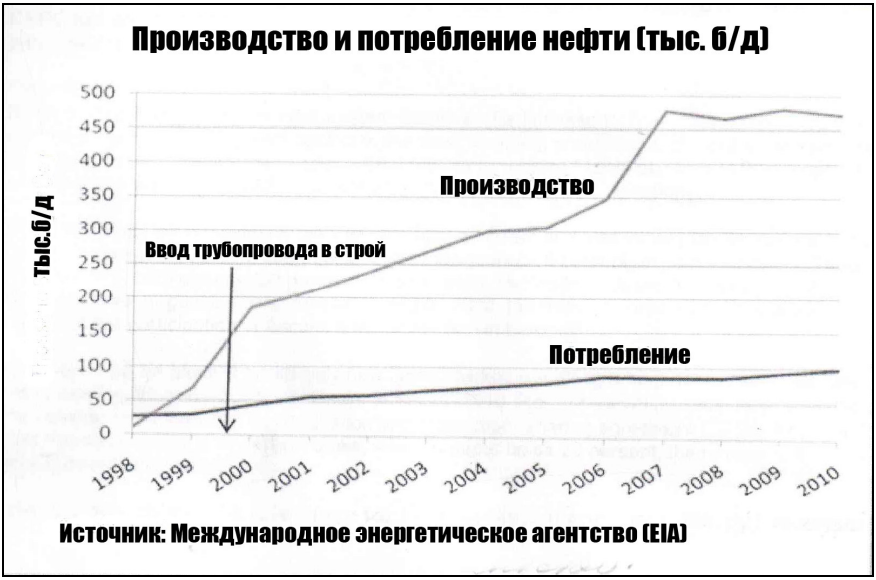
До кризиса 2008 г. экономика единого Судана развивалась довольно динамично. Темпы роста ВВП в отдельные годы достигали 10% в год, что превышало норму в 6%, установленную МВФ по плану социально-экономического развития страны на 1998–2003 гг. К концу первого десятилетия XXI в. темпы экономического роста начали снижаться, составив 6,6% в 2008 г., 6,9% в 2009 г. и 6,07% в 2010 г. (по другим оценкам – 5,2; 4,2, 6,6% соответственно). В этом сказалось влияние падения цен на нефть, экономических санкций, введенных администрацией Дж. Буша в 2007 г., мирового финансово-экономического кризиса. Ос-

новные показатели социально-экономического развития характеризовались следующими цифрами:

Показатели	2008 г.	2009 г.	2010 г.
ВВП (по ППС, млрд. долл.)	89,81	95,18	99,9
ВВП (в текущих ценах, млрд. долл.)	62,1	65,9	68,4
ВВП на душу населения (долл.)	2200	2200	2491
Уровень безработицы (%)	18,7	-	13,7
Уровень инфляции (%)	14,3	-	12,9

Источник: Sudan Economy 2011. CIA World Factbook.

Некоторое повышение темпов роста в отдельные годы было достигнуто в основном благодаря высоким ценам на нефть. Добыча, по оценкам Международного энергетического агентства, составляла в последние годы в среднем 470 тыс. б/д. В первой половине 2011 г. она снизилась до 460 б/д. Добыча и потребление нефти за период с 1998 г по 2000 г. показаны на графике № 1.



Темпы роста в ненефтяных отраслях были ниже. Так, в обрабатывающей промышленности показатель за 2009 г. составил всего 3,5%. В период с 1980 г. по 1990 г. он не превышал 2,5%. Кратковременное повышение – в среднем до 8,3% произошло в 1996–2000 гг. Ненефтяной сектор экономики нуждается в существенной структурной перестройке. Что касается структуры ВВП, то в 2009 г. значительная его часть – 32,1% – создавалась в сельском хозяйстве, 29% – в промышленности и строительстве и 38,9% в сфере услуг. При этом вклад нефтяной отрасли в ВВП достигал 20% (данные 2007 г.). Распределение рабочей силы, численность которой в 2007 г. оценивалась в 11,9 млн. чел., характеризовалась следующими данными: 80% было занято в сельском хозяйстве, 7% – в промышленности и 13% в сфере услуг (оценка 1998г.)[1]. Большая часть рабочей силы занята в неформальном секторе экономики. Таким образом, несмотря на развитие нефтяной промышленности, Судан оставался аграрной страной. Сельское хозяйство, попрежнему играющее важную роль в экономике, страдает от неблагоприятных погодных условий (засух, наводнений), а производство основной экспортной культуры – хлопка зависит еще и от колебаний цен на сырьевые товары на мировом рынке.

Аграрный сектор находится в застое и не обеспечивает продовольственных потребностей страны. Из 5 млрд. долл., выделенных на осуществление программы развития сельского хозяйства на 2008–2011 гг., были израсходованы лишь 1,5 млрд. Длительная гражданская война между Севером и Югом, военные столкновения между правительственными войсками и повстаническими группировками в Дарфуре не способствовали развитию сельскохозяйственного производства. Сбор основной продовольственной культуры – проса увеличился с 643 тыс. т в 1998 г. до 676 тыс. т в 2006 г., пшеницы – сократился с 550 тыс. т до 416 тыс. т за тот же период. Единый Судан тратил около 2 млрд. долл. в год на закупку пшеницы, 100 млн. – пищевых масел для снабжения населения.

Хлопководство, игравшее основную роль в получении иностранной валюты до начала добычи нефти, нуждается в развитии на более современной основе. Урожай хлопка сильно колеблется по годам. В конце 70-х годов он составлял 600 тыс. т, к началу 1980-х сократился в 2 раза. В последние годы, по разным оценкам, он не превышает 200 тыс. т. Под тонковолокнистым хлопком было занято 500 тыс. га. Доля хлопка в общей

стоимости экспорта сократилась с 45% в 1989 г. до 1,5% в 2006 г. Посевы его были сокращены за счет некоторого увеличения посевных площадей под продовольственными культурами, требующими меньше воды для полива, – сорго, земляного ореха.

В период благоприятной конъюнктуры цен на нефть страна могла закупать продовольствие на внешнем рынке. Сейчас, когда доходы от экспорта нефти резко снизились, руководство Судана будет вынуждено увеличивать собственное производство продовольственных культур, но и сокращать посевные площади под хлопком оно не сможет. Хлопководство, несмотря на снижение цен на сельскохозяйственное сырье на мировом рынке, очевидно останется в ближайшем будущем основным источником получения иностранной валюты. Необходимо найти разумный баланс между производством продовольственных и технических культур. Естественно, это потребует значительных капиталовложений в сельское хозяйство, особенно на модернизацию инфраструктуры, учитывая, что некоторые оросительные системы пришли в упадок. Государственные ведомства в результате проведения политики либерализации практически прекратили финансирование ирригационных сооружений. Следует сказать, что вся инфраструктура, обслуживающая основные районы хлопководства Эль-Гезира, Токара, Эр-Рахад, дельты рек Барака, Гаш и др., устарела и требует огромных средств для ее модернизации. Для решения вышеперечисленных задач необходимо увеличить площадь орошаемых земель. В начале 2000-х гг. она составляла около 1,9 млн. га, что не превышало 15% от общей площади обрабатываемых земель[2]. Частично эту проблему может решить ввод в эксплуатацию плотины и ГЭС «Мероэ», сооружаемой по российскому проекту на арабские деньги китайскими и западными фирмами. Появится возможность оросить десятки тысяч гектаров земель, расположенных по берегам р. Нил. Согласно заявлению президента РС О. аль-Башира, правительство намерено сделать сельское хозяйство, в том числе производство продовольственных культур, базой экономического развития.

Республика Судан, лишившись 75% своих нефтяных месторождений, будет вынуждена активизировать проведение поисковых работ на своей территории. До сих пор остается неурегулированным вопрос о чрезвычайно богатом нефтеносном районе – провинции Абьей, что является причиной напряжен-

ности и даже военных столкновений в этом районе. Остается также неурегулированной обстановка в провинции Дарфур. Для проведения геологоразведочных работ правительству Судана придется привлекать иностранные нефтяные компании, но они неохотно идут в страну из-за нестабильной политической ситуации. Иностранные инвестиции в Республику Судан (еще единое государство) сократились с 3,5 млрд. долл. в 2006 г. до 2,9 млрд. долл. в 2009 г.[3] Оказать помощь в решении этих вопросов согласился Китай. И это не случайно, поскольку Китайская национальная нефтегазовая компания (CNNC) вложила в разведку и разработку суданских нефтяных месторождений до 5 млрд. долл., опередив по объему инвестиций в эту отрасль Индию и Малайзию. Китай постоянно увеличивал капиталовложения в экономику Судана, в т.ч. в энергетику инфраструктуру, сельское хозяйство. Вполне возможно, что китайские компании окажут содействие Судану в поиске новых нефтяных месторождений.

Положение в экономике Республики Судан оставалось сложным. Отрицательное сальдо платежного баланса составило в 2009 г. 2,6 млрд. долл. Золотовалютные резервы к началу 2009 г. уменьшились до 2,3 млрд. долл., уровень инфляции вырос с 5,6% в 2005 г. до 12,9% в 2010 г. Внешний долг достиг 38 млрд. долл.[4] На ухудшение экономического положения, помимо мирового экономического кризиса и экономических санкций, в значительной степени повлияла нестабильная политическая обстановка (обострившийся с 2003 г. конфликт в Дарфуре, возобновление военных столкновений в провинциях Абьей, Голубой Нил и Южный Кордофан) после заключения мирного договора.

Экономическое развитие Судана происходило в последние годы на основе разработанного в 2006 г. плана, согласно которому в 2007–2008 гг. предполагалось сохранить среднегодовые темпы роста на довольно высоком уровне – 8–10%. Приоритет отдавался инфраструктуре, сельскому хозяйству, промышленности. В этот период развивались секторы телекоммуникаций, строительства, сооружались, хотя и медленно, новые дороги. По прогнозу МВФ, темпы роста Республике Судан планировались всего лишь в 0,2% в 2011 г. и 0,4% в 2012 г. против 6,7% в среднем в период 2003–2009 гг., уровень потребительских цен должен был возрасти на 20% в 2011 г. и 12,2% в 2012 г. Министр финансов Судана заявил, что стране необходимо получить не менее 1,3 млрд. долл. для покрытия дефицита гос-

бюджета[5]. Поэтому в ближайшем будущем ее правительство намерено провести переговоры с западными странами по вопросу о предоставлении займов. Президент О. аль-Башир, выступая в парламенте, заявил, что разрабатывается новая трехлетняя программа развития, предусматривающая сокращение государственных расходов, в том числе и на социальные нужды. Правительство одобрило пакет мер, предусматривающих отмену субсидий на нефтепродукты и сахар. Все это может вызвать протесты населения и усиление политической напряженности. В связи с отделением Юга новую программу социально-экономического развития придется разрабатывать с учетом сильно сократившихся доходов госбюджета.

Руководство Республики Судан в столь сложной финансовой ситуации будет стремиться привлекать к осуществлению экономических проектов частный национальный и иностранный капитал, но для этого необходимо добиться улучшения внутриполитической обстановки в стране. К сожалению, продолжаются межплеменные вооруженные столкновения в штатах Голубой Нил и Южный Кордофан. В штате Джонглей в январе 2012 г. происходили этнические столкновения между племенами мурле и нуэр. В результате тысячи человек стали внутренне перемещенными лицами. Напряженной остается и обстановка в провинции Дарфур.

Руководство РЮС связывает свои надежды на преодоление экономической отсталости в первую очередь с нефтяным фактором. Однако, несмотря на поступления от экспорта нефти, задача эта чрезвычайно сложная. Правительство единого в прошлом Судана уделяло мало внимания развитию южных районов. В результате здесь почти отсутствует производственная и социальная инфраструктура, более 90% населения живет за чертой бедности. Сказались и последствия многолетней войны с Севером. Сельское хозяйство в ближайшей перспективе не сможет обеспечивать население продовольствием, хотя Южный Судан располагает большим потенциалом пригодных для обработки земель: по разным оценкам, от 8 до 14 млн. га (из-за несовершенства статистики, точных данных нет). К тому же часть земельных угодий занята под посевами конопли. Проблема усугубляется наплывом беженцев с севера из племен, которые сражались в гражданской войне на стороне южан.

В условиях прекращения добычи нефти с января 2012 г. правительство не сможет закупать продовольствие в необхо-

димых количествах, что резко ухудшает снабжение населения продуктами питания и может привести к голоду. По данным гуманитарных организаций, число бедствующих жителей постоянно увеличивается. В срочной помощи нуждается не менее 120 тыс. человек. В декабре 2011 г. эти организации установили «воздушный мост» для оказания помощи примерно 50 тыс. человек. По воздуху помощь должна была перебрасываться из соседней Кении в те районы, куда прибывают беженцы из Республики Судан. В докладе Продовольственной и сельскохозяйственной организации (ФАО) и Всемирной продовольственной программы (ВПП) сообщается, что уровень продовольственной безопасности в государстве резко снизился. Число людей, испытывающих дефицит продовольствия, увеличилось с 3,3 млн. в 2011 г. до 4,7 млн. в 2012 г. (т.е. на 1,3 млн. чел. всего за год). «Это быстро надвигающийся кризис, который мировое сообщество не может позволить себе проигнорировать. Положение дел сейчас катастрофическое, и мы делаем все возможное, чтобы быть готовыми к кризису, но у нас мало времени», – сказал глава регионального отделения ВПП по Южному Судану К. Никой. По прогнозам этой организации, если конфликты, заставляющие людей покидать места жительства, и рост рыночных цен на продовольствие не прекратятся, то число голодающих людей в Южном Судане может удвоиться. И это вполне реальная угроза, поскольку из-за низкого урожая дефицит зерна в 2012 г. превысит 470 тыс. т – это почти половина необходимого объема потребления за год.

Основными причинами ухудшения снабжения населения наряду с низким урожаем являются продолжающиеся вооруженные конфликты, миграция населения, рост цен на продукты питания. Как заявил директор отделения ФАО в Южном Судане Джордж Окс, «необходимо обеспечить домашние хозяйства безопасными продуктами питания и другими предметами первой необходимости, однако, чтобы восстановить и сохранить продовольственную безопасность в Южном Судане, нам необходимо остановить рост голода и нищеты. Но в силу вышеуказанных причин часть населения уже страдает от голода»[6]. Поэтому правительство РЮС срочно пытается найти инвесторов среди нефтедобывающих стран Персидского залива, Африки, а также в Китае и других странах для реализации сельскохозяйственных проектов. Катар, например, в рамках программы по обеспечению своей продовольственной безопасности еще

в 2010 г. создал совместное с Суданом предприятие на площади свыше 100 тыс. га для выращивания пшеницы, кукурузы и сои.

Не лучше ситуация со снабжением населения основными потребительскими товарами. В силу низкого уровня промышленного развития основную часть промышленной продукции придется импортировать. Как известно, 75% месторождений нефти отошло к РЮС, однако отсутствуют нефтеперегонные заводы, и страна будет вынуждена закупать также и нефтепродукты. В 2008 г. Республика Судан произвела 3,94 млрд. кВт ч. электроэнергии при внутреннем потреблении 3,8 млрд., но при этом более 80% электроэнергии вырабатывалось в Центральном районе страны[7]. Основные тепловые электростанции находятся в крупных городах: в гг. Бури, Кассала, Хартум и др. Три гидроэлектростанции в Эр-Росейрес Сеннаре и в Хашм Эль-Гирбе связаны линиями электропередач в единую энергосистему. Однако она покрывает лишь небольшую часть страны. В провинциях Южного Судана электросети практически отсутствуют, а для выработки электроэнергии используются небольшие дизельные электрогенераторы. Таким образом, перед правительством Южного Судана стоит также задача развития электроэнергетики. Не менее актуальной является задача развития транспортной сети. Современные дороги с твердым покрытием имеются только в центральной и северо-восточной частях страны. На юге современные дороги практически отсутствуют. В столице Южного Судана – Джубе есть всего несколько асфальтированных улиц, за пределами города имеются лишь грунтовые дороги, которые в сезон дождей размываются. Встает вопрос о строительстве новой столицы. Слабо развит и речной транспорт.

Система здравоохранения РЮС находится на крайне низком уровне. Показатель детской смертности один из самых высоких в мире. Подавляющее большинство населения живет в антисанитарных условиях. Распространены такие болезни, как холера и малярия, а в 2010 г. наблюдалась вспышка черной лихорадки. По данным ООН, 3,1 млн. взрослых жителей ВИЧ-инфицированы. По данным Детского фонда ООН (ЮНИСЕФ), в настоящее время в Южном Судане от отсутствия медицинских услуг и голода страдают свыше 10 млн. детей. Как сообщила генеральный секретарь Национального совета по защите детства Амар Хабани, за последнее время заметно возросло число беспризорных детей, особенно в штате Голубой Нил.

Дети становятся сиротами и попрошайками, по ее словам, прежде всего из-за вооруженного противостояния взрослых.

В заключение необходимо сказать, что стоящие перед страной грандиозные задачи невозможно решить без подготовки национальных кадров. Уровень квалификации южносуданских рабочих настолько низок, что зачастую они не в состоянии освоить технику и оборудование, закупаемые в рамках государственных инвестиционных программ. Ощущается острая нехватка кадров квалифицированных рабочих, специалистов, а также управленцев. По некоторым оценкам, 80% населения не умеют ни читать, ни писать. Лишь 50% детей посещает начальную школу, а заканчивает ее всего 10% от этого числа. Уровень грамотных среди молодежи в возрасте от 15 до 24 лет составлял в Южном Судане всего 37% против 72% в регионе Африки южнее Сахары и 78% в Северном Судане[8].

Из высших учебных заведений в стране действуют Университет Дружбы, Католический университет Судана, Университет Верхнего Нила и Университет Бахр-эль-Газаля. Из-за гражданской войны три университета (Джубы, Верхнего Нила и Бахр-эль-Газаля) в начале 1990-х годов в целях безопасности переместились на север страны и разместились в столице Судана Хартуме. После окончания войны они планировали открыться в начале мая 2011 г. и вернуться на юг 9 июля 2011 г., в день признания независимости Южного Судана. Однако из-за многочисленных организационных и финансовых проблем этого не случилось. В частности, согласно заявлению представителей правительства Южного Судана, к июлю была выделена только половина из 12 млн. долл., предназначенных для строительства общежитий, лабораторий и лекционных залов, необходимых для полноценного образовательного процесса. При этом выражалась надежда, что минимально необходимые условия для открытия университетов будут созданы в ближайшие три месяца.

После достижения независимости и перехода к мирной жизни руководству страны необходимо решать многие социальные вопросы: трудоустройства, обеспечения продовольствием и жильем, предоставления социальных услуг. Жители южных районов, выступавшие за независимость, ожидают немедленного улучшения их социального положения, уповая на доставшиеся им в результате отделения богатые нефтяные запасы. Однако наличие богатых залежей углеводородов вряд ли

решит в ближайшем будущем проблему отсталости и бедности Юга, хотя и обеспечит высокие доходы для отдельных слоев населения. Уже сейчас возникли серьезные разногласия по поводу распределения нефтедолларов между представителями правящей элиты и племенной верхушки. Это может привести к новому витку напряженности в стране.

Очевидно, что финансово-экономическое положение в стране накануне ее раздела на два государства было довольно сложным. Провозглашение независимости Юга не только не помогло решить неурегулированные старые проблемы, но добавило новые. Главной из них, несомненно, является проблема распределения доходов от добычи и экспорта нефти. Хартум выставил требование о распределении экспортных доходов в равных долях (по соглашению от 2005 г.) с постепенным уменьшением его доли в течение последующих пяти лет. Но, как известно, основная часть нефтяных месторождений осталась в Южном Судане, и он стал претендовать на большую долю в доходах от ее продажи – от 70 до 80%. Власти Южного Судана заявляют, что получают всего 26% от этих поступлений. Северный Судан в одночасье лишился основной части своих валютных доходов (по некоторым оценкам, до 37%)[9]. В 2009 г. сумма этих доходов составляла 13,4 млрд. долл., а экспорт нефти обеспечивал до 98% валютных поступлений. Выступая в Хартуме 10 октября 2011 г., президент Омар аль-Башир признал, что экономика понесла большие потери в результате отделения Южного Судана, и страна переживает большие трудности, связанные со снижением доходов от экспорта нефти[10]. В результате дефицит государственного бюджета увеличивается на 350 млн. долл. в месяц[11]. Правительство Республики Судан вынуждено сокращать расходы, отменять субсидии на самые необходимые товары (сахар, растительное масло, зерновые), девальвировать национальную валюту. Запасы иностранной валюты сокращаются. Уровень инфляции в январе 2012 г. увеличился до 15%[12]. Все это способствует нарастанию в стране социальной напряженности.

Серьезным пунктом противоречий между двумя странами является также цена транспортировки нефти, портовых услуг. Основной нефтепровод до экспортного терминала в Порт-Судане проходит по территории северной части в прошлом единой страны. В декабре 2011 г. в Порт-Судане было задержано судно с 600 тыс. баррелями нефти на борту из-за отсут-

ствия оплаты[13]. А в январе 2011 г. власти Южного Судана подали иск в международные судебные инстанции, обвинив правительство Судана в краже его нефти. В ответ оно заявило, что задолженность Южного Судана за поставки нефти на экспорт через его территорию достигла 1 млрд. долл. с июля 2011 г. Правительство Республики Судан отвергло эти обвинения. Оно объявило, что не будет перекрывать нефтепровод, но присвоит 23% перекачиваемой по нему нефти. Министр Южного Судана Стефан Дьеу Дау, в свою очередь, предупредил, что его страна будет преследовать любую компанию, которая окажется причастной к «краже» южносуданской нефти. Одновременно он уточнил, что его страна уже заплатила своему северному соседу за использование его трубопровода и другой экспортной инфраструктуры, заявив, «что не существует экономических и правовых оправданий для одностороннего изъятия южносуданской нефти»[14]. В ответ на обвинения южан в «краже» нефти из трубопровода северяне назвали это конфискацией части перегоняемой нефти в счет погашения долга за неоплаченный транзит.

Власти Южного Судана претендуют на оплату транзита и портовые услуги в размере 32–36 долл. за барр., однако Хартум с этим не согласен. (Обычная плата за транзит была в пределах от 60 центов до 2 долл. за барр.) Между тем с момента провозглашения независимости было экспортировано более 33 млн. т нефти на сумму около 3,2 млрд. долл.[15] Представитель правительства Южного Судана Денг Алор заявил 24 января 2012 г., что его страна прекратит транзит нефти через Судан и начнет строительство нефтепровода через Кению. 25 января правительство Южного Судана подписало с руководством Кении меморандум о намерениях в отношении строительства нового нефтепровода до кенийского порта Ламу. Решение о его строительстве было принято после отказа в транзите южносуданской нефти по трубопроводу, проходящему по территории Республики Судан. По оценкам экспертов, на сооружение нового трубопровода уйдет не менее трех лет. Подряд на его строительство достанется скорее всего Китаю. Заинтересованность в инвестировании этого проекта проявили американская компания Marathon Oil Corporation и французская Total.

Существует и другой альтернативный проект вывоза нефти из Южного Судана – строительство железной дороги от нефтяных

месторождений до кенийского порта Момбаса длиной 4 тыс. км (2,5 тыс. миль). Участвовать в осуществлении этого проекта изъявила готовность немецкая компания Fhormachlen Schweitechnik. Большой интерес к этому проекту общей стоимостью в 3 млрд. евро проявили также США и Великобритания. Этот проект выгоден и для сопредельных стран – Кении, Уганды, которые получили бы возможность доставлять к портам товары своего традиционного экспорта. В этом случае Хартум лишился бы контроля над транзитом южносуданской нефти по его территории.

Республика Судан, в свою очередь, в этой трудной для нее ситуации пытается активизировать поисковые работы в надежде открыть новые нефтяные месторождения. 19 декабря 2011 г. правительство Судана объявило, что выставит на торги 6 блоков, в т.ч. блоки 14 и 16 на границе с Египтом, 126 в Дарфуре, 15 на шельфе Красного моря и 8 и 10 к югу от Хартума. Руководство страны заявило, что победители тендеров будут объявлены в мае 2012 г. Понятно, что на осуществление всех этих проектов требуются время и значительные иностранные инвестиции.

В январе 2012 г. должны были возобновиться переговоры о разделе доходов от продажи нефти. Предыдущие переговоры в Аддис-Абебе не принесли результатов. Как заявил представитель министерства иностранных дел Республики Судан, РЮС отвергла предварительное решение, предусматривающее выплату за транзит оговоренной минимальной суммы до тех пор, пока не будет достигнуто окончательное решение. В январе 2012 г. правительство Южного Судана объявило о прекращении добычи нефти, хотя она давала 98% доходов.

Руководители обоих государств отдают себе отчет в необходимости ведения дальнейших переговоров. Прекращение добычи нефти Южным Суданом неблагоприятно скажется на экономиках обоих государств, помимо того, что разрыв экономических связей – болезненное для них явление. Северный Судан вынужден отныне искать компенсацию доходам, потерянным от добычи и экспорта значительной части нефти. Альтернативой может стать развитие сельского хозяйства, в первую очередь хлопководства, горнодобывающей промышленности, в т.ч. добыча золота, мрамора, гипса, хромитов. В начале 2000-х гг. Судан получал от экспорта золота около 18 млн. долл., а доля золота в общей стоимости экспорта в 2012 г. составила 5,4%. Перспективной отраслью является туризм, но для этого необходимо развивать соответствующую инфраструктуру. Респуб-

лике Южный Судан необходимо фактически создавать заново инфраструктуру, основные отрасли экономики, системы здравоохранения, образования.

Из всего, сказанного выше, следует, что перед правительствами обоих вновь образованных государств стоят сложные задачи по развитию экономики, решению социальных вопросов. Учитывая масштабность стоящих перед вновь образованными государствами проблем, решение которых потребует огромных средств, их правительствам необходимо возобновить добычу нефти, договориться об условиях ее транспортировки и распределения доходов от экспорта. Пока в ближайшем будущем альтернативы этим доходам от нефти нет. Для финансирования жизненно важных для страны экономических проектов и наращивания социальных расходов руководству обеих стран необходимо привлекать иностранные инвестиции, но для этого надо стабилизировать внутриполитическую обстановку и решить многие спорные вопросы.

[1] Sudan Economy 2011. CIA World Factbook.
[2] Africa South of the Sahara, 2009. 38 Edition. 2009, с. 1132.
[3] Жданов С.И. Судан Большие перемены // Мировое хозяйство, 2011, № 3.
[4] www.theodora.com/wfcurrent/sudan/sudan_economy.html
[5] The Economist, 24.12.2011.
[6] www.un.org, 08.02.2012.
[7] http://www.afri.su/countries/sudan/economy
[8] http://www.inf.org/external/pubs/ft/survey/so/2011/CAR971811/html
[9] БИКИ, 2011, № 77.
[10] www. prime-tass, 10.10.2011.
[11] http:// www. guardian. co.uk/global-development/poverty-matters
[12] http://www.ngv.ru/about/news/news/16080.aspx
[13] Пульс Планеты, ИТАР-ТАСС, 23.01.2012.
[14] Iimes kcell. www.mixzona.ru/news/cat/ussr/

Е.Э.Успенский

ИНВЕСТИЦИОННЫЙ КЛИМАТ В АРАБСКИХ СТРАНАХ В СВЕТЕ СОБЫТИЙ В РЕГИОНЕ

Мощный всплеск нестабильности коренным образом изменил инвестиционный климат в целом ряде арабских стран. Часть из них, ранее обладавшая особой инвестиционной привлекательностью, утратила свои преимущества. В новых условиях арабским странам предстоит решать задачи не только восстановления инвестиционных возможностей, но и реанимации экономики в целом, предотвращения угроз гражданских войн и повторных взрывов. Поэтому важно оценить случившиеся в арабских странах изменения через призму их инвестиционной привлекательности и понять, чего стоит ожидать в этой области в перспективе.

Инвестиционный климат представляет собой совокупность факторов, стимулирующих коммерческие предприятия к осуществлению наиболее удачных финансовых вложений, созданию новых рабочих мест и расширению бизнеса[1]. В свете этого формирование инвестиционного климата оказывает существенное влияние на экономическое положение.

Укоренение благоприятного инвестиционного климата – сложная задача, решение которой сопряжено с немалыми трудностями экономического, политического и организационно-технического порядка. В частности, фундаментальная проблема инвестиционного климата заключается в том, что его создание без государственного вмешательства представляется невозможным. Только государство обладает достаточными средствами для обеспечения баланса между интересами коммерческих предприятий и интересами общества, которые часто не совпадают.

Важнейшей проблемой, связанной с оценкой инвестиционного климата, является его квантификация, поскольку возникает необходимость выражать в цифрах не только инвестиционные потоки, но и факторы, которые воздействуют на них. Если

некоторые из этих факторов (состояние финансовой системы, инфраструктуры, рынка труда) можно оценить более или менее объективно, то другие в значительной степени субъективны, что существенно усложняет их оценку. Речь идет о качестве государственного управления, степени распространения коррупции и т.д. Их воздействие на потенциальных инвесторов крайне важно, так как именно с учетом данного момента держатели капиталов принимают инвестиционные решения.

В силу важности этих обстоятельств оценкой инвестиционного климата занимается значительное число крупных экономических организаций. В частности, на протяжении вот уже 40 лет важнейшие составляющие инвестиционного климата изучает американская исследовательская фирма BERI (Business Environment Risk Intelligence).

BERI оценивает положение инвесторов в странах-экспортерах нефти и газа, так как их экономики представляют собой особый интерес для предпринимателей. Кроме того, специалисты компании характеризуют ситуацию с так называемой финансовой этикой в различных странах (т.е. с соблюдением правительствами этих стран принятых международных обязательств)[2].

Похожие задачи решают и в Институте Азиатского Банка Развития (ИАБР). Эксперты ИАБР публикуют международный справочник по страновым рискам (International Country Risk Guide – ICRG). Справочник содержит как объективные, так и субъективные показатели. В качестве субъективных можно назвать коррупцию и качество государственного управления, а в качестве объективных ICRG использует анализ уровня безработицы и уровня бедности в стране[3].

Подобные комплексные индикаторы активно применяются многими другими международными организациями. Однако их эффективность не всегда оказывается приемлемой. Во-первых, они часто включают излишние компоненты, каждый из которых в сочетании с остальными многократно усложняет процесс оценки, а следовательно, отдаляет его от реальности. Во-вторых, в мире постоянно происходят события разной степени значимости, воздействие которых на экономические и политические процессы едва ли следует преуменьшать.

Ярким примером таких событий стал современный кризис в арабском мире. Часть исследователей, безусловно, говорила о возможных потрясениях на территории арабских стран. Но та-

кие прогнозы, как правило, являлись локальными и относились к конкретным странам, а не ко всему арабскому миру в целом. Можно утверждать, что никто из экспертов всерьез не ожидал столь масштабных и быстрых перемен в регионе. При этом события полностью изменили ситуацию в арабском мире, в том числе и в части его инвестиционной привлекательности.

На современном этапе представляется необходимым провести оценку инвестиционного климата в арабских странах при помощи некоторого количества статистических показателей, пропуская их через призму происходящих на территории арабского мира событий. Такой подход связан с тем, что, с одной стороны, при всей своей фундаментальности нынешние изменения в арабском мире не могут являться достаточным основанием для полной девальвации применявшихся ранее показателей. А, с другой стороны, эти данные уже нельзя считать единственным инструментом для оценки инвестиционного климата.

Для этого (до случившихся в арабском мире событий) были использованы индикаторы государственного управления группы экспертов Всемирного банка, индекс экономической свободы, глобальный индекс конкурентоспособности и показатели проекта «Doing Business»[4]. В настоящее время можно критически оценивать этот рейтинг с учетом произошедших изменений и выстроить новую картину инвестиционной привлекательности данного региона.

Квантификация инвестиционного климата в арабских странах

Для того чтобы оценить связь между предложенными выше индикаторами и реально происходящими в экономике арабских стран[5] процессами был применен корреляционный анализ, в основу которого легли ПИИ (табл. 1).

ПИИ, безусловно, не являются единственным показателем, пригодным для оценки состояния инвестиционного климата. В идеале, проводимые исследования должны учитывать и национальные капиталовложения. Однако в рамках настоящего анализа этот показатель не рассматривается, что связано главным образом с нехваткой качественной статистической информации.

Таблица 1

Приток прямых иностранных инвестиций в арабские страны в 2000–2009 гг.[6]

Страна	Приток прямых иностранных инвестиций (млн. долл.)									
	2000	**2001**	**2002**	**2003**	**2004**	**2005**	**2006**	**2007**	**2008**	**2009**
Алжир	438	1113	1065	634	882	1081	1795	1662	2646	2847
Египет	1235	510	647	237	2157	5376	10043	11578	9495	6712
Ливия	141	-133	145	143	357	1038	2013	4689	4111	2674
Мавритания	40	92	67	102	392	814	155	153	103	-38
Марокко	422	2875	534	2429	895	1653	2450	2803	2388	1331
Судан	392	574	713	1349	1511	2305	3541	2436	2601	3034
Тунис	779	486	821	584	639	782	3312	1618	2761	1688
Бахрейн	364	80	217	517	865	1049	2915	1756	1794	257
Катар	252	296	624	625	1199	2500	3500	4700	6700	8722
Кувейт	16	-111	4	-67	24	234	122	123	56	145
ОАЭ	-506	1184	1307	4256	10004	10900	12806	14187	13700	4003
Оман	83	5	122	494	111	1538	1688	3125	2928	2211
Саудовская Аравия	183	504	453	778	1942	12097	18293	24318	38223	35514
Иордания	815	138	74	436	816	1774	3268	1950	1954	2385
Ирак	-3	-6	-2	0	300	515	383	485	488	1070
Йемен	6	136	102	6	144	-302	1121	917	463	129
Ливан	964	1451	1336	2977	1899	2624	2675	2731	3606	4804
Палестина	62	20	9	18	49	47	19	28	29	33
Сирия	270	110	115	180	320	583	659	1242	2116	1434

Проведение корреляционного анализа между *индикаторами государственного управления*[7] и притоком ПИИ в арабские страны за период с 2000 г. по 2009 г. привело к получению следующих результатов. Не удалось выявить существование значимой статистической связи между притоком ПИИ в арабские страны и индикатором «политическая стабильность и отсутствие насилия/терроризма» (коэффициент корреляции R=0,141 при критическом значении коэффициента корреляции 0,164)[8]. Отсутствие связи между индикатором политической стабильности и притоком иностранных инвестиций в арабские страны легко поддавалось объяснению. До недавнего времени в большинстве арабских стран политическая стабильность была настолько предсказуема, что ее оценка не требовала от предпринимателя применения каких-либо специфических методов анализа.

В остальных пяти случаях удалось выявить статистически значимую связь между притоком ПИИ в арабские страны и:

«подотчетностью властей и соблюдением прав человека» (R= -0,19198, уровень значимости 10%), «эффективностью государственного аппарата» (R=0,187012, уровень значимости 10%), «качеством государственного регулирования рыночной экономики» (R=0,211083, уровень значимости 5%), «соблюдением принципа верховенства закона» (R=0,182064, уровень значимости 10%) и «сдерживанием коррупционных процессов» (R=0,166509, уровень значимости 10%).

Были применены эти 5 индикаторов для того, чтобы составить рейтинг арабских стран по качеству инвестиционного климата за 2009 г. Составление подобного рейтинга представлялось вполне оправданным, так как инвестиционный климат является в целом достаточно инертной конструкцией и в большинстве случаев не может претерпевать существенных быстрых изменений. Для построения рейтинга сложены пять индикаторов, и таким образом получен общий индикатор качества государственного управления (табл. 2).

Таблица 2

Индикатор качества государственного управления в арабских странах в 2009 г.[9]

Страна	Индикатор качества государственного управления
Катар	3,46
ОАЭ	2,18
Оман	1,39
Бахрейн	1,38
Кувейт	0,88
Иордания	0,43
Тунис	-0,52
Марокко	-1,30
Саудовская Аравия	-1,37
Египет	-2,00
Ливан	-2,51
Палестина	-2,81
Алжир	-3,79
Мавритания	-4,07
Сирия	-4,74
Йемен	-5,17
Ливия	-5,86
Ирак	-6,68
Судан	-6,74

Согласно полученным данным, лидирующие позиции по качеству инвестиционного климата в арабском мире занимали шесть стран: Катар, ОАЭ, Оман, Бахрейн, Кувейт и Иордания. В них индикатор качества государственного управления в 2009 г. был выше нулевой отметки. При этом необходимо отметить, что по качеству государственного управления Катар являлся (а фактически и является) безусловным лидером арабского мира. К очевидным аутсайдерам в соответствии с полученными данными отнесены Сирия, Йемен, Ливия, Ирак и Судан.

Корреляционный анализ между составляющими *Индекса экономической свободы*[10] и притоком ПИИ в арабские страны за период с 2000 г. по 2009 г. дал следующие результаты: значимую статистическую связь между притоком ПИИ в арабские страны и пятью составляющими ИЭС: свободой торговли (уровень значимости 5%), фискальной свободой (уровень значимости 1%), размерами государственного аппарата (уровень значимости 10%), свободой инвестиций (уровень значимости 10%) и свободой труда (уровень значимости 5%). При этом связь между свободой инвестиций и притоком ПИИ носила обратный характер.

Не удалось выявить значимой статистической связи между притоком ПИИ в арабские страны и оставшимися пятью составляющими ИЭС: свободой предпринимательства, монетарной свободой, финансовой свободой, защитой прав собственности и свободой от коррупции.

Полученные результаты указывают на нежелательность использования индекса экономической свободы для оценки инвестиционной привлекательности арабских стран. Это объясняется тем, что, во-первых, из 10 составляющих индекса только пять оказались связаны с притоком ПИИ в арабский мир. Во-вторых, среди индикаторов, не имеющих значимой статистической связи с поступлением ПИИ, присутствовали индикаторы, связь которых с притоком инвестиций логически должна была существовать. Речь идет о защите прав собственности и о свободе предпринимательства. Наконец, обратная связь между свободой инвестиций и притоком ПИИ в арабские страны в принципе противоречила здравому смыслу, что следовало из данного экспертами определения «свободы инвестиций».

Корреляционный анализ между *глобальным индексом конкурентоспособности*[11] и притоком ПИИ в арабские страны

за период с 2004 по 2009 гг. указал на существование статистически значимой связи (коэффициент корреляции R=0,316741, уровень значимости 1%). Как и в случае с индикаторами государственного управления, мы воспользовались глобальным индексом конкурентоспособности для построения рейтинга арабских стран по качеству инвестиционного климата за 2009 г.

Таблица 3

Глобальный индекс конкурентоспособности в арабских странах в 2009 г.[12]

Страна	Глобальный индекс конкурентоспособности
Катар	4,95
ОАЭ	4,92
Саудовская Аравия	4,75
Бахрейн	4,54
Кувейт	4,53
Тунис	4,50
Оман	4,49
Иордания	4,30
Египет	4,04
Марокко	4,03
Алжир	3,95
Ливия	3,90
Сирия	3,76
Мавритания	3,25
Судан	нд
Ирак	нд
Йемен	нд
Ливан	нд
Палестина	нд

Сравнение данного рейтинга с рейтингом, в основу которого был положен индикатор качества государственного управления, показал, что из 6 стран-лидеров 4 страны сумели сохранить свое лидерство. Речь идет о Катаре, ОАЭ, Бахрейне и Кувейте. Свои позиции в шестерке лидеров утратили Оман и Иордания. Их места заняли Саудовская Аравия и Тунис. Однако в целом картина, полученная с использованием индикатора качества государственного управления, несущественно отличалась от картины, полученной с использованием глобального индекса конкурентоспособности.

Проведенный корреляционный анализ между *степенью сложности осуществления предпринимательской деятельности*[13] и притоком ПИИ в арабские страны за период с 2004 по 2009 гг. указал на то, что из 36 индикаторов, входящих в состав индекса, 26 индикаторов были связаны с притоком в арабские страны прямых иностранных инвестиций. Иными словами, данный индекс был в значительной степени связан с реально происходящими в арабском мире процессами. Следовательно, его можно было успешно использовать для построения рейтинга арабских стран по качеству инвестиционного климата за 2009 год.

Таблица 4

Рейтинг арабских стран по степени сложности осуществления предпринимательской деятельности в 2009 г.[14]

Страна	Степень сложности осуществления предпринимательской деятельности (позиция в рейтинге)
Саудовская Аравия	13
Бахрейн	20
ОАЭ	33
Катар	39
Кувейт	61
Оман	65
Тунис	69
Йемен[15]	99
Иордания	100
Египет	106
Ливан	108
Марокко	128
Алжир	136
Палестина	139
Сирия	143
Ирак	153
Судан	154
Мавритания	166
Ливия	нд

Сравнение этого рейтинга с рейтингами, в основу которых были положены индикатор качества государственного управления и глобальный индекс конкурентоспособности, показало, что четыре страны занимали лидирующие позиции во всех трех рейтингах. Речь идет о Бахрейне, ОАЭ, Катаре и Кувейте.

Влияние кризиса на инвестиционный климат арабского мира

Очевидно, что происходящие в арабском мире события уже не позволяют характеризовать инвестиционную привлекательность арабских стран, руководствуясь лишь ранее проведенными исследованиями.

Для того чтобы оценить масштаб происходящих и произошедших в арабском мире изменений, необходимо проанализировать обстановку в арабских странах по отдельности. Совместив результаты подобного анализа с результатами ранее проведенного исследования, можно оценить инвестиционную привлекательность арабских стран на современном этапе развития.

Используя оба анализа, можно условно разделить все арабские страны на три группы:

– страны, оценка инвестиционной привлекательности которых в настоящий момент затруднена;
– инвестиционно малопривлекательные страны;
– инвестиционно привлекательные страны.

В группу стран, оценка инвестиционной привлекательности которых в настоящий момент затруднена, входят те страны, где в результате политического кризиса обстановка вышла из-под контроля властей, что привело к смене режима или военным действиям. В группу инвестиционно малопривлекательных входят страны, власти которых хотя и не смогли полностью сдержать выражение народного недовольства, но сумели сохранить относительную стабильность и не допустить серьезного кровопролития. Наконец, к группе инвестиционно привлекательных отнесены страны, для которых кризис прошел наиболее спокойно по сравнению с их соседями.

В рамки данного анализа не вошли такие страны, как Ирак, Ливан, Мавритания, Палестина и Судан. Дело в том, что инвестиционный климат в данных странах еще до случившегося в арабском мире кризиса не поддавался адекватной оценке[16]. Очевидно, что нынешний политический кризис лишь усложняет ситуацию и делает оценку инвестиционной привлекательности в этих странах практически неадекватной.

К группе стран, оценка инвестиционной привлекательности которых в настоящее время затруднена, можно отнести Ливию, Египет, Тунис, Сирию и Йемен. Они попадают в эту группу по принципиально разным причинам. Главной проблемой для Египта и Туниса является то, что в них произошла смена власти. Даже если она не приведет к каким-либо существенным переменам (вероятнее всего, так и будет), бизнесу потребуется время, чтобы наладить связи с новыми чиновниками и сформировать представления о том, стоит ли инвестировать средства в экономику этих стран и, если стоит, то каким именно образом. Что же касается Ливии, Сирии и Йемена, то их отнесение к группе продиктовано тем, что на территории этих стран с разной степенью интенсивности идут военные действия, что не может не сказаться на состоянии инвестиционного климата.

Безусловно, соседство Египта и Туниса, с одной стороны, и Йемена, Ливии и Сирии, с другой, на первый взгляд, выглядит достаточно странным. В период до политического кризиса они принципиально различались, с точки зрения их инвестиционной привлекательности. В частности, Тунис и Египет можно было отнести к группе инвестиционно привлекательных стран, а Ливию, Сирию и Йемен, по разным причинам, к группе инвестиционно малопривлекательных стран. Однако на современном этапе развития их соседство вполне закономерно. Для предпринимателей, которые рискуют собственными деньгами, прошлые «заслуги» стран не являются существенным показателем в отличие от текущего положения дел.

Для того чтобы более точно представить ситуацию в этой группе стран, необходимо рассмотреть их по отдельности. Так, Тунис стал отправной точкой для волнений во всем арабском мире. В конце 2010 г. начале 2011 г. рост цен на продовольственные товары в нем стал поводом для массовых выступлений населения, которые вылились в насилие и погромы. Президент Туниса Зин аль-Абидин Бен Али был вынужден покинуть страну[17].

Подобное обстоятельство стало полной неожиданностью как для Запада, так и для самих арабских стран. Дело в том, что именно политическая стабильность всегда считалась важнейшим активом Туниса, который был примером наиболее решительного выбора в пользу светской формы развития и модернизации общественных структур[18].

Особенно интересным произошедшее становится в свете того, что пока никто не берется сказать, чем именно был вызван всплеск народного недовольства в Тунисе, повлекший за собой цепь трагических событий на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Можно отметить, что по мере осуществления экономической интеграции со странами Европы возрастало конкурентное давление на местных производителей (особенно если речь идет о текстильной промышленности), а также повышалась общая неустойчивость экономического развития. Можно винить во всем коррумпированный режим президента Бен Али и его ближайшего окружения. Можно считать причиной докатившийся до арабских стран с некоторым временным лагом мировой финансовый и продовольственный кризис. Однако ни одна из названных причин и даже все они вместе, вероятнее всего, не являются ключом к полному пониманию происходящих в арабском мире процессов.

Вслед за событиями в Тунисе начались массовые антиправительственные выступления по всему арабскому миру. В результате волнений в Египте президент страны Хосни Мубарак был вынужден покинуть свой пост. Вероятнее всего, он отказался от полномочий не только и не столько под давлением народных масс, сколько из-за отсутствия поддержки в рядах военных, которые всегда являлись реальной правящей силой в Египте. В результате этого Египет из потенциально привлекательной для иностранных инвесторов страны превратился в источник беспокойства для всего мира.

Похожая ситуация складывается в Йемене. При этом он даже в большей степени, чем Египет, рискует превратиться в колоссальный источник нестабильности на Ближнем Востоке. В последнее время экономическая ситуация в стране сильно осложнилась в связи с тем, что и без того небольшие запасы нефти – основного экспортного товара и источника государственных доходов, практически исчерпались[19]. В 2009 г. в связи с падением цен на углеводороды властям Йемена пришлось сократить государственные расходы на 50%. Но даже при этом сокращении происходило постоянное наращивание дефицита государственного бюджета[20]. Кроме того, президент Салех демонстрирует твердое желание остаться у власти любой ценой[21].

Растет напряжение и на территории Сирии. Эксперты полагают, что основными причинами протестов в Сирии стало

появление большого слоя образованной молодежи, который в результате внутренней политики оказался в ситуации невостребованности. При этом в сирийском руководстве нет ясности в плане будущих действий[22].

Замыкает группу стран, оценка инвестиционной привлекательности которых затруднена, Ливия. В результате внешнего вмешательства оценки ливийского инвестиционного климата упали практически до нуля.

Таким образом, можно утверждать, что политический кризис в арабском мире привел к появлению пяти арабских стран, оценка инвестиционного климата которых в настоящий момент практически невозможна.

Другие четыре страны арабского мира (Алжир, Бахрейн, Иордания и Оман), потеряв часть своей инвестиционной привлекательности, все же сумели избежать серьезных последствий кризиса и перешли в группу инвестиционно малопривлекательных стран. Важно понимать, что попадание в эту группу не является приговором. Можно предположить, что восстановление инвестиционной привлекательности в этой группе стран произойдет гораздо быстрее, нежели в группе, оценка инвестиционного климата в которой в настоящий момент затруднена. В этих странах прошли народные волнения, но власти так или иначе сумели удержать ситуацию под контролем.

Так, волнения в Алжире не привели к резким политическим изменениям. Военным удалось удержать власть в своих руках, а попытки алжирской оппозиции «расшатать» ситуацию в стране остались безуспешными. Видимо, алжирские власти и дальше смогут противостоять массовым протестным движениям, если на них не будет оказываться давление извне[23].

В Иордании, несмотря на «глухое ворчание» в адрес короля, речи об уходе Абдаллы пока не идет. Ему пришлось пожертвовать кабинетом министров, что является традиционным способом снятия социальной напряженности[24]. Это позволило ему сдержать протестные настроения и избежать существенных осложнений.

В то же время события в Иордании понизили уровень ее инвестиционной привлекательности. В ее экономике и без того существовало множество проблем, но это была единственная арабская страна Юго-Западной Азии (за исключением арабских стран Персидского залива), которая могла претендовать на место в группе инвестиционно привлекательных стран. Это

было связано с повышенной политической стабильностью государства на фоне других в регионе. Излишне говорить, что случившийся кризис нанес сильный удар по политической стабильности королевства.

Похожая ситуация сложилась в Омане и Бахрейне. Здесь система распределения доходов достаточно сбалансирована, и поэтому волнения носили выраженный локальный характер. Население этих стран волновали не вопросы свободы и демократии. Протесты в них основывались или на дискриминации шиитского населения, или на захвате членами королевской семьи не принадлежащих им объектов собственности[25].

При этом процессы в Омане и Бахрейне в значительной степени отличаются друг от друга. В частности, проблемы Бахрейна практически разрешились. Запад закрыл глаза на использование совместных вооруженных сил стран ССАГПЗ («Щит Полуострова»), что сделало дальнейшее выступление протестующих бесперспективным занятием. Ситуация в Омане оказалась значительно более сложной. В окружении султана Кабуса, по некоторым данным, очень сильны проирански (а следовательно, прошиитски) настроенные фигуры. При этом вводить войска, как на Бахрейне, у стран ССАГПЗ нет никаких оснований, поскольку Маскат не обращается к ним за помощью, хотя при случае силовой вариант решения проблемы не исключен[26].

Если рассматривать этот вопрос с точки зрения инвестиционного климата, то можно сказать, что как Оман, так и Бахрейн в значительной степени утратили инвестиционную привлекательность. Особенно неприятным этот удар стал для Бахрейна, который, как отмечалось, успешно претендовал на лидерство среди арабских стран. Очевидно, что даже если Бахрейн не полностью утратил свою инвестиционную привлекательность, он все равно не может претендовать на лидирующую роль. Что же касается Омана, то по целому ряду причин страна изначально не являлась инвестиционно привлекательной, следовательно, произошедшие события несущественно ухудшили ее положение.

Наконец, к группе инвестиционно привлекательных стран относятся Марокко, а также Катар, Кувейт, Саудовская Аравия и ОАЭ. Все они были в минимальной степени затронуты потрясениями. Кроме того, Катар, Кувейт и ОАЭ изначально входили в группу наиболее инвестиционно привлекательных стран арабского мира, что отмечалось выше.

Власти Марокко сумели удержать страну в стабильном состоянии. В настоящее время это единственная арабская страна Северной Африки, которая не столкнулась с масштабными социальными взрывами. Это дает все основания для того, чтобы причислить Марокко к инвестиционно привлекательным странам, равно как Катар и ОАЭ.

Кувейт и Саудовская Аравия прошли через кризис, но воздействие его было скорее номинальным. Протестные выступления здесь не могут сравниться с аналогичными в других арабских странах ни по масштабу самих выступлений, ни по размерам, ни по ущербу. При этом Кувейт входил, как известно, в группу арабских стран с наиболее высокой инвестиционной привлекательностью и вполне может быть оставлен в этой группе.

КСА, в свою очередь, всегда претендовало на роль лидера в арабском мире. Скорее всего, кризис несколько снизит амбиции королевства, но не нанесет им существенного ущерба. Оно остается значимым не только в региональном, но и в международном контексте, будучи крупнейшим производителем и поставщиком углеводородного сырья, а также участником ведущих международных банковско-финансовых структур и специализированных организаций[27]. Иными словами, инвестиционный климат Саудовской Аравии изначально защищен не только финансовым благополучием, но и заинтересованностью Запада в сохранении стабильности внутри королевства.

Анализ темы позволяет сделать важный вывод. Инвестиционный климат представляет собой чрезвычайно хрупкую «субстанцию». Его разрушение может происходить практически мгновенно. Как показали события в арабском мире, ухудшение инвестиционного климата может быть продуктом не только национальных, но и региональных неурядиц. Крупные предприниматели часто оценивают политические кризисы в качестве «вирусного явления», которое легко может передаваться от страны к стране. Следовательно, кардинальное ухудшение положения одной страны в регионе может вызвать недоверие инвесторов ко всему региону в целом.

Арабские страны могут быть разделены на три группы, согласно качеству их инвестиционного климата. К группе стран, оценка инвестиционной привлекательности которых затруднена, относятся Египет, Йемен, Ливия, Сирия и Тунис. К группе инвестиционно малопривлекательных стран относятся Алжир, Бахрейн, Иордания и Оман. В группу инвестиционно привлека-

тельных стран входят Катар, Кувейт, Марокко, ОАЭ и Саудовская Аравия.

Надо полагать, что события арабской весны не смогли внести существенных корректив в рейтинги арабских государств, практически не затронув те из них, которые и до событий находились на лучших позициях, но ухудшив положение дел с рассматриваемыми показателями в группе капиталодефицитных государств.

---

[1] World Development Report 2005. – Washington DC, 2004. С. 19.

[2] http://www.beri.com/

[3] http://www.adbi.org/3rdpartycdrom/2004/12/01/1359.international.country.risk/

[4] В большинстве случаев оценка производилась по состоянию на 2009 год. Учитывая временной лаг в составлении подобных индикаторов, мы можем считать эти данные последними статистическими данными, полученными перед наступлением мирового финансового кризиса.

[5] Принято считать, что арабский мир включает в себя 23 страны. Однако мы сознательно отказываемся от рассмотрения таких стран-аутсайдеров, как Джибути, Западная Сахара, Коморские острова и Сомали. Таким образом, наш анализ включает в себя 19 арабских стран: Алжир, Бахрейн, Египет, Иордания, Ирак, Йемен, Катар, Кувейт, Ливан, Ливия, Мавритания, Марокко, ОАЭ, Оман, Палестина, Саудовская Аравия, Сирия, Судан, Тунис.

[6] Составлено по: UNCTAD Handbook of Statistics 2006–2007, 2008, 2009 и World Investment Report 2010: Investing in a low-carbon economy. – New-York and Geneva, 2010.

[7] Worldwide Governance Indicators 1996–2009. – http://info.worldbank.org/governance/wgi/index.asp

[8] Здесь и далее используется таблица критических значений коэффициентов корреляции для 10%-, 5%- и 1%-ного уровней значимости. Так, если уровень значимости составляет 1%, то шансы того, что наблюдаемая связь является совпадением, равны 1 из 100 и т.д. То есть, несмотря на то, что значения коэффициентов корреляции сравнительно невелики, можно сказать, что связь между используемыми индикаторами и инвестиционным климатом существует и является статистически значимой.

[9] Worldwide Governance Indicators 1996–2009. – http://info.worldbank.org/governance/wgi/index.asp

[10] Показатель развития экономической свободы, влияющий на положение инвесторов в стране. Расчет показателя производят американ-

ский исследовательский фонд The Heritage Foundation и журнал «The Wall Street Journal».

[11] The Global Competitiveness Report 2004–2010, by World Economic Forum.

[12] The Global Competitiveness Report 2009–2010, by World Economic Forum.

[13] Общий показатель, объединяющий все индикаторы проекта Doing Business.

[14] Doing Business 2010, The international Bank for Reconstruction and Development/The World Bank, 2010.

[15] Столь высокое положение Йемена в рейтинге арабских стран труднообъяснимо и, вероятнее всего, не соответствует действительности.

[16] Этот тезис подтверждается ранее проведенными исследованиями, в которых данные страны постоянно оказывались в группе аутсайдеров.

[17] Куделев В.В. О волнениях в Алжире и Тунисе. – М.: Институт Ближнего Востока, 2011. – http://www.iimes.ru/rus/stat/2011/15-01-11.htm

[18] Видясова М.Ф. Джихад без войны. Тунисский опыт модернизации и политическое наследие Хабиба Бургибы, 1903–2000. – М., 2005, т. 1, кн. 1, с. 5.

[19] Saade Chami, Todd Schneider, Faisal Ahmed, Nabil Ben Ltaifa Yemen: Exchange Rate Policy in the Face of Dwindling Oil Exports // IMF Working Paper, January 2007.

[20] Faisal Darem Oil prices force government to decrease expenditures by 50 percent // Yemen Observer, 03.01.2009.

[21] Рябов П.П. Йемен: накануне критической точки. – М.: Институт Ближнего Востока, 2011. – http://www.iimes.ru/rus/stat/2011/21-04-11b.htm

[22] Ю.Б.Щегловин Размышления о протестном движении в Сирии, Институт Ближнего Востока, 2011. – http://www.iimes.ru/rus/stat/2011/27-04-11a.htm

[23] Куделев В.В. Ситуация в Алжире: март 2011. – М.: Институт Ближнего Востока, 2011. – http://www.iimes.ru/rus/stat/2011/07-04-11a.htm

[24] Берберский С.С. К ситуации в Иордании. – М.: Институт Ближнего Востока, 2011. – http://www.iimes.ru/rus/stat/2011/09-03-11.htm

[25] Рябов П.П. Йемен: накануне критической точки. – М.: Институт Ближнего Востока, 2011. – http://www.iimes.ru/rus/stat/2011/21-04-11b.htm

[26] Быстров А.А. О промежуточных итогах «арабских революций». – М.: Институт Ближнего Востока, 2011. – http://www.iimes.ru/rus/stat/2011/18-03-11.htm

[27] Косач Г.Г. Саудовская Аравия: новая система международных и региональных координат // Ближний Восток и современность. Вып. 30. – М., 2007, с. 76.

А.О.Филоник

ДЕСТАБИЛИЗАЦИЯ В АРАБСКОМ МИРЕ И ЗАПАДНЫЙ ФАКТОР

Крупные события, неожиданно разразившиеся в арабском мире в начале 2011 г., возможно, приобретут для него эпохальное значение в силу размаха и глубины последствий, способных проявиться в обозримой перспективе. Они также могут стать началом новых явлений, которые заложат основу для серьезной корректировки социально-политических процессов в странах Ближнего Востока и Северной Африки. Движение к этому уже обозначилось – реально началось расширение диапазона исламистских требований, возникла тенденция к усилению внутренних сил разлада, что в текущих обстоятельствах неминуемо связано с перераспределением влияния в пользу консервативных идей, вообще с усилением религиозного фактора в качестве весомого средства системной регуляции всей совокупности отношений на Арабском Востоке.

Этот регион едва ли можно считать гомогенным с точки зрения существующих в нем внутриполитических дискурсов, внешнеполитических предпочтений или экономических приоритетов. Такая многогранность в определенной мере обеспечивает сохранение фрагментации арабского мира на частные общности со своими интересами и целями. Подобным он и останется на обозримую перспективу, поскольку велик разрыв между разными государствами по множеству характеристик. И это пресекает возможности их консолидации и слияния в некую суперструктуру, которая могла бы возникнуть на месте схождения и перераспределения к общей пользе мощных финансовых потоков, гигантских природных ресурсов и растущего демографического потенциала.

Тем не менее арабскому миру удалось «сомкнуть ряды» в потоке ставшей общеарабской драмой арабской весны, по крайне мере в том, что касается фактически группового отказа следовать в авторитарном русле, проложенном по следам

режимов времен получения независимости. Ныне же настало время выхода на авансцену пока относительно умеренных исламистских сил. Но их намерения выявлены далеко не полностью из-за короткого срока пребывания у власти и незавершенности самого процесса ее формирования.

Однако показательно, что параллельно с усилением консервативного начала на Арабском Востоке громче зазвучала тема демократизации и гражданских свобод. Она может оказаться предвестником новых событий или, во всяком случае, свидетельством усиления борьбы между светским и религиозным началами и нарастания движения против авторитаризма. Этот последний символизирует в арабском варианте застревание на стадии роста без развития, отражает издержки существования в рамках системы, которая постоянно опаздывает с принятием решений, отвечающих духу новых политических связей и общественных отношений, утверждающихся в современном мире.

Противовесом текущим реалиям Арабского Востока можно считать появление в перспективе нового дискурса, который окажется способным привести к возникновению общности между формирующимися ныне режимами, если они проявят склонность развиваться в едином ключе, т.е. продвигаться к большей прозрачности, гласности, политической корректности.

Конечно, такая именно направленность эволюции предполагает наличие доброй воли у новой власти. Но существование подобных намерений сомнительно ввиду того, что в арабских странах исторически велика склонность не к диалогу между властью и народом, а к силовым действиям и административным рычагам для управления обществом. На этом фоне велик шанс, что совпадение хода мыслей населения с неким общим порывом к единению действий на арабском политическом поприще так и останется эпизодом, не имеющим особого шанса на реализацию в политической действительности.

С этой точки зрения следует, видимо, умерить ожидания позитивной эволюции арабского социума и считать их преждевременными, особенно если принять во внимание, что даже если таковая и начнется сверху, по инициативе тех же исламистов, то вряд ли будет развиваться по нарастающей. Однако народный напор на городских площадях все же показал, что массы способны на многое, когда гнет обстоятельств вынуждает их к решительным шагам, которые действительно оказываются

высокоэффективными в определенных пределах, как то продемонстрировала арабская весна. И это способно заставить властную элиту приглушать или маскировать авторитарную сущность новой политической системы.

Пока арабская весна показала в большей степени разрушительную сторону своего потенциала и, по сути, не особо изменила картину многовариантности арабской действительности. И это подтвердилось, помимо прочего, и тем, например, что протестные движения примерно сходной этиологии, положившие начало серьезным сдвигам в общественном сознании, оказались заметно различимыми по мотивам, по составу оппозиции, длительности и интенсивности борьбы, жесткости ее методов, по степени вовлеченности внешних сил, сопротивляемости режимов и т.п. То есть общее в протестах только в сходстве цели – в свержении власти, что соединило в одну линию народы нескольких стран при том, что из них каждый действовал в конкретных обстоятельствах сам по себе. Да и протестный мотив спонтанно возник только в Тунисе, а в других случаях он стал, видимо, во многом результатом подражания, явления, которое относится к древнейшим механизмам социально-психологического воздействия и широко распространено в массовой психологии. По существу, синхронность могла быть обеспечена в большей степени эмоциональным порывом масс, нежели их реальной готовностью организованно участвовать в действиях, которые многими комментаторами и самими арабами трактуются как революция.

Из этого подражания возник любопытный феномен. Прежде разные подходы у соседей по арабскому миру к его реалиям были причиной хронических межарабских расхождений по разным проблемам. Это не давало возможности в полном объеме решать даже самые насущные из них. В том числе те, что имеют прямое отношение к обеспечению безопасности и жизнеспособности арабского мира, например, к продовольственной, энергетической, экологической проблемам, а равно и к другим, которые легче было бы преодолевать объединенными усилиями. Общими чаще становились решения по вопросам экономического или внешнеполитического содержания.

Протестные выступления ускорили темпы и напряженность политической жизни региона. Здесь возникли новые тенденции, на арену вышли амбициозные силы, выдвигающие жесткие требования и склонные к использованию насилия для дости-

жения своих целей. В результате многие субъекты сменили свои роли, возникли новые амплуа и поменялся фон событий.

Во-первых, в ходе их был достигнут резкий рост политизации населения. Во-вторых, мощно усилилась циркуляция идей радикального ислама и состоялся его выход в официальные сферы. В-третьих, в регионе столкнулись интересы мощных сил, представленных основными мировыми игроками, а также государствами, претендующими на роль региональных держав, и странами, закрепившимися в качестве растущих рынков и обретшими большую экономическую и политическую значимость.

На таком фоне расхождения в арабском мире, пожалуй, впервые в практике межарабского общения вылились в масштабное противостояние с родственным государством, причем такое напряженное, что оно фактически граничит с ведением против него военных действий. Дело касается Сирии, в отношении которой арабский мир выступает чуть ли не единым фронтом. К этому следует добавить зреющий конфликт ряда ведущих мировых игроков с Ираном, что увеличивает взрывоопасность региона и будоражит обстановку в мире. Оба государства превращены в осевые направления текущей геополитики по той причине, что их до какой-то степени связывает шиитское общее, что является отягчающим обстоятельством в глазах арабского мира, где оживились суннитско-шиитские противоречия. Мощные атаки в мировых средствах массовой информации на иранскую ядерную программу и упорство сирийского режима в борьбе с боевиками объединили их в единое целое, объявленное враждебным цивилизованному обществу и подлежащее аннигиляции.

Пока наиболее «горячим» объектом, дающим повод к коллективному преследованию, является сирийский режим, который характеризуется не иначе как авторитарный, негуманный и недемократичный. При этом в процесс травли втягиваются не только основные поборники (пока еще абстрактных для арабских реалий) гражданских свобод в лице США и Европы, фанатично стремящихся смести действующую власть и отдать ее в руки оппозиции неясного генезиса, которая упустит бразды правления, чем и воспользуются радикальные исламисты.

В рамках сложившейся ситуации отмечается не только сплочение на антисирийской почве большинства арабских государств (причем ни одно из них не является неавторитарным

и демократичным), но и переход их на одну позицию с США и Европой, которые намерены создать из Сирии еще один анклав своего влияния на Арабском Востоке, причем руками самих же арабов.

Столь согласная консолидация большей части арабских государств на антисирийской почве и выраженное содействие иностранной политике в регионе составляет, в общем, новое явление в арабском внешнеполитическом и межарабском дискурсах.

При этом в борьбе против сирийского руководства с Западом деятельно соперничают арабские консервативные режимы, развернувшие активную работу на межарабской арене. В последнее время к кампании присоединилась и «Аль-Каида», призывы которой к уничтожению сирийского режима органично смыкаются с планами как либеральных христианских, так и консервативных исламских сил.

Сирия стала неслучайной мишенью как государство, которое, с одной стороны, проводит собственную политику в регионе, что возмущает Запад, а с другой, является примером сосуществования разных конфессий, которые уживаются друг с другом под руководством меньшинства – алавитов, что смущает некоторые суннитские государства. Эти моменты и стали достаточным основанием для того, чтобы с двух направлений инициировать процесс выдавливания из Сирии светского начала и ради этого превращения ее в зону развернутых боевых действий с перспективой выхода конфликта за ее пределы.

При этом жестко игнорируется простой факт, что искусственное нагнетание противоречий во взрывоопасном регионе едва ли оправдано, поскольку и шииты, и сунниты представляют две ветви одной религии и пребывают в историческом соседстве, которому нет альтернативы. В таких обстоятельствах политическая воля должна бы с большей логикой направляться на устранение любого несогласия между ними и на достижение гармонии.

Однако соблазн нанести удар по Сирии, воспользовавшись внутренней борьбой за власть, велик, хотя враждебная суета вокруг нее стала серьезным источником дестабилизации для всего региона с крайне неопределенной будущностью. Ведь очень сомнительно, что в обстановке, ныне созданной непримиримой оппозицией, смогут возникнуть ростки демократии в том виде, в каком она представляется западным политикам.

Тем более не приходится вести речь о демократии, если в стране вспыхнет межконфессиональный конфликт, который надолго снимет вопрос о мирном сосуществовании разных религий.

Вероятно, в сирийском случае ожидаемые бонусы от сокрушения режима в родственной стране намного превышают выгоды от объединения усилий арабских стран для решения созидательных задач. Если это так, то не стоит удивляться выбору субъекта объединения, как и самому этому факту.

Редкое единодушие оказалось достижимым, очевидно, не без влияния конъюнктурных соображений. Они возобладали над другими текущими интересами и подвигли арабский мир на антисирийские действия, которые в долгосрочной перспективе едва ли согласуются с его коренными интересами и особенно неуместны перед лицом испытания глобализацией, кризисами, внутренними неурядицами и другими проблемами, способными внести еще больший разлад в его ряды. Вполне вероятно, что в первую очередь хроническая дефицитность во всем толкает подверженные этой болезни арабские режимы на недружественные действия против суверенного государства в расчете такой ценой получить доступ к финансовым ресурсам богатых арабских монархий и к помощи Запада и тем самым добиться роста и повысить стабильность развития.

Такие упования вполне угадываемы на фоне общих для большей части региона экономических неурядиц. Ведь за весь период новейшей истории арабский мир не смог стать более одномерным и развивался по разным траекториям, сохраняя серьезные расхождения между странами по уровням благосостояния граждан. Давно очевидна экономическая, социальная и политическая дифференциация, которая со временем обретает все более приметные качественные признаки. Соответственно, и пробуждение ряда стран к активному протесту состоялось в разных материальных условиях – от относительно благополучного в макроэкономическом отношении Туниса до замыкающего экономический рейтинг арабских стран Йемена. Но результат оказался одинаковым: практически повсюду обострились хронические болезни экономики, а условия жизни ухудшились. Другими словами, ситуация не стала более стабильной, а переход власти из одних рук в другие скорее всего будет означать лишь новый виток в манипуляции ресурсами в интересах пришедших к власти групп.

На таком фоне Лига арабских государств как наиболее представительная организация арабского мира могла бы стать инструментом гармонизации позиций по вопросам межарабской, региональной и международной жизни и выдвигать конструктивные инициативы, которые были бы способны притушить воинственность в ее рядах и консолидировать Арабский Восток перед лицом разнообразных угроз. Но это ее назначение – служить целям умиротворения региона, сотканного из противоречий, в последнее время фактически деформировано ходом событий в арабских пределах. А на текущем этапе Лига и вовсе превратилась в прямое оружие Запада в борьбе с режимами в арабской части мира, которые не соответствуют его планам и стандартам.

Это и другие свидетельства подтверждают непреложный факт резкого усложнения и обострения обстановки в БВСА. И такое развитие событий стало самым близким следствием смены парадигмы мирового развития, затронувшей, в том числе, и арабскую нишу, где все вылилось первоначально в борьбу с авторитарными режимами, а затем смешалось с действиями западных претендентов на роль «модераторов» во вспыхнувших конфликтах. А эти последние могут элементарно просто выйти из своего основного русла вследствие неосторожных силовых маневров Запада и Лиги, которые делают Арабский Восток еще более нестабильным.

Сообразно с этим располагаются и силовые линии, которые здесь проходят через конфессиональные несходства, противоречия между богатыми и бедными странами, между демократическими тенденциями и авторитаризмом, монархическими и светскими режимами. Очевидно, что Арабский Восток является сгустком самых разнообразных проблем, которые различаются степенью выраженности, мощно пересекаются и образуют крайне сложные, но рыхлые сплетения в политической ткани, прочность которой вызывает большие сомнения. Протестные же движения прошлого года внесли еще большую неопределенность в динамику общественно-политических и социально-экономических процессов, не освободившихся от старых антагонизмов.

* * *

Вопрос масштабной дестабилизации в регионе имеет довольно много измерений. Но они сходны в том, что действуют

в одном направлении и могут при накоплении противоречий и дисбалансов привести в той или иной степени к хаотизации процессов социально-экономического и политического развития общества. Такое возможно потому, что регион далеко не во всех своих частях способен безболезненно «переварить» изменения, которые связаны с глобальными явлениями – от распада системы мирового социализма до наступления эпохи мирового рынка, от мощной интернационализации всемирного экономического пространства до резкого обострения мировых валютно-финансовых проблем. Тем более, что эти явления сопрягаются с процессами, которые зреют внутри региона и обрекают его на положение периферийной зоны мировой цивилизации. Жизнеспособность Арабского Востока подрывается тем, что местный капитализм никак не может обрести нужной динамики. Внутренняя неустроенность не дает ему возможности обрести статус цельной социально-институциональной модели капитализма, которая способна нивелировать все арабское пространство и придать ему характер типичности. Вместо этого происходит формирование местных капитализмов, которые образуют разрозненное множество и не стыкуются друг с другом даже по основным параметрам, не говоря уже об обилии отличающихся деталей. Их несходство проступает в разнотемповости роста, в капиталоизбыточности и капиталодефицитности развития, в разной обеспеченности ресурсами, проявляется в больших различиях по таким параметрам, как открытость рынку, интенсивность реформ и т.п. Эти явления сопровождаются затянувшимся структурным кризисом в экономике, неэффективным использованием средств и ресурсов, нерациональными схемами функционирования хозяйственной сферы и т.п.

Такие дисбалансы влияют не только на экономические условия развития, но и усиливают разноголосицу в общественно-политической жизни арабских стран и способствуют появлению отличающихся точек зрения на окружающие реалии. Плюрализм восприятия и оценок политической ситуации самым непосредственным образом ведет к обострению борьбы. В ходе ее довольно остро сталкиваются мнения разных групп и течений, отражающих интересы и устремления либерально-демократического меньшинства (представителей разночинных кругов, образованной молодежи, средних городских слоев) и консервативного большинства (имеющего частично ту же социальную базу, но дополненную истинно верующими, «посадскими»

слоями, сельским населением, разделяющими, так или иначе, взгляды радикально настроенных участников исламистских движений разной степени жесткости).

Из процесса, разворачивающегося ныне в арабском мире, нельзя исключать и малые государства Персидского залива, где складываются подобные же настроения, хотя и приглушенные гораздо более высоким уровнем жизни. Тем не менее и они прорываются на поверхность под напором протестов и общей политической динамики в разных концах арабского мира и при непосредственном участии наиболее решительно настроенных агитаторов и активистов из местной среды.

На этом фоне довольно сложная внутренняя палитра политических симпатий и предпочтений на арабском пространстве еще более усложнилась упоминавшимся суннитско-шиитским конфликтом. Он реально поднял градус неприязни в межарабских отношений, поделив арабский мир на две неравные части, фактически враждующие между собой. При этом конфессиональные столкновения надвинулись и, по существу, «оседлали» конфликт социально-политический, что отчетливо видно на примере удушения Сирии при активном содействии других арабских стран, ставших орудием влиятельных сил одновременно и в арабском, и в западном мире.

Помимо чисто внутренних причин, социально-политический протест в нефтеимпортирующих странах Арабского Востока подогревается тем обстоятельством, что население обделенных минеральными ресурсами государств не может не сравнивать свое положение с завидными образцами и близкого, и не столь удаленного зарубежья. Арабские нефтеэкспортеры давно и далеко ушли от общеарабских жизненных стандартов, сумев создать стабильность материальных условий для коренных жителей и, в меньшей степени, для значительной части иммигрантов. Еще более разителен контраст в сравнении с европейскими странами, с которыми большая и менее обеспеченная часть арабского мира связана через Средиземное море и, некоторым образом, через программы одноименного сотрудничества.

Демонстрационный эффект западного образа жизни и его технические достижения вызывают в отстающих арабских странах потребность сократить разрыв и приблизиться к современным стандартам потребления. Такое настроение находит растущее число сторонников и утверждается в довольно обширных группах населения, осознающих свое реальное по-

ложение и усматривающих причины ущемленности в неэффективности воспроизводственных систем и в авторитаризме власти. Именно неполадки в первых и замкнутость на себя вторых мотивировали рост протестных настроений.

В условиях зажима демократизационных процессов и угнетения оппозиционной деятельности в допротестный период политизация населения достигалась за счет его мобилизации под лозунгами правящих сил. При этом народ не получал реальных импульсов, побуждающих к активности, а видел лишь некие квазицели, достижение которых постоянно откладывалось. Гражданская же деятельность только теплилась и строилась на индивидуальной основе, носила спорадический характер и не могла конкурировать с властными структурами в деле организации масс.

Даже когда в арабских обществах накопился взрывной потенциал, он не получил организационного оформления и возник как реактивный порыв, главная цель которого заключалась в устранении одиозных лидеров или опостылевших режимов. Исподволь зревшее недовольство вылилось в стихийные выступления молодых поколений, имеющих более широкий кругозор и глубже других осознавших невозможность жизни без прав и перспектив.

Ограниченность этих выступлений кроется в том, что они были жестко ориентированы только на ближайшие задачи, т.е. устранение власти, но не представляли себе дальнейшего развития событий. Другими словами, на взлете недовольства надежды на лучшее основывались на том убеждении, что изменений можно добиться посредством своего рода технических мер, связанных с демонтажом видимых элементов изживших себя политических конструкций. Такой подход порождал определенную наивность ожиданий, которые питались мифом, что революционный наскок сразу откроет путь преобразовательным процессам, в ходе которых будут успешно преодолеваться глубинные расхождения между миром информационных технологий на Западе и обществом незрелой индустриализации в арабских пределах. Но уже первые результаты засвидетельствовали факт, что, даже будучи достигнутой, победа над режимами имеет все же локальное значение. Она не дает возможности добиться улучшения даже на отдельных направлениях без связи с комплексными преобразованиями на многих других, но, напротив, может ухудшить и дестабилизировать ситуацию.

Городская молодежь стала движущей силой революций, но на последующем этапе уступила инициативу более зрелым и структурированным силам в лице исламской оппозиции, которая воспользовалась ситуацией, получив доступ во власть. Однако политический успех для нее не означает такого же на других направлениях, и экономическое обеспечение процессов развития останется осевой проблемой для новых режимов любой окраски.

События последнего года отчетливо выявили слабые места в политической и экономической системах арабского мира. Ни та, ни другая не выдерживают напора масс, уставших от успокаивающей риторики и несбыточности надежд. Тем самым ширятся угрозы и вызовы, которые, так или иначе, имеют отношение к самой актуальной проблематике региона, связанной с жизнеобеспечением масс и жизнеспособностью обществ, и одновременно «завязаны» на самые чувствительные – производственные, финансовые, коммерческие и иные – интересы ближневосточных партнеров, конкурентов и противников. Все эти моменты можно с полным основанием рассматривать как несущие в себе серьезный потенциал дестабилизации обстановки.

Анализируя причины и последствия кризиса власти, нельзя замыкаться на каком-то одном факторе. Они образуют целый комплекс, где каждый сыграл свою роль. И здесь наибольшая принадлежит социально-экономической сфере, состояние которой самым непосредственным образом влияет на условия жизни населения, о качестве которых оно судит через зарплаты, цены, наполненность рынка и т.п.

Экономическая политика в менее развитых арабских странах даже при определенной подвижности в течение долгого времени выглядела реактивной. Это привело к тому, что стало все более обнаруживаться отставание Арабского Востока не только от мировых индустриальных центров, но и от ряда государств Востока и Юга, которые больше продвинулись по пути структурных преобразований и внешнеэкономической открытости.

Необходимость принимать меры для противодействия копившимся трудностям привела к тому, что в 80–90-е годы прошлого века в арабском мире в той или иной форме начался переход к рыночной экономике. В основу преобразований были положены принципы экономической либерализации в виде макроэкономической стабилизации и структурные реформы.

Но их последствия не были сплошь позитивными. Там, где они проведены, экономический рост замедлялся, хотя и стано-

вился более устойчивым. Это во-первых. Во-вторых, рыночные меры необязательно сопровождались ростом инвестиций и накоплений. Это же относится и к решению проблем с торговым и платежным балансами. Причиной таких последствий было очевидное несоответствие между макроэкономическими догмами и реальными экономическими процессами, которые развертывались в регионе.

Проведенные мероприятия и реформы в нефтеимпортирующих арабских государствах были лишь ограниченно успешными и не могли при всех обстоятельствах удовлетворять потребностям устойчивого развития. Показатели свободы ведения бизнеса в них в целом оставались на уровнях ниже среднего. Здесь сказывались не только чисто экономические факторы, но и коррупция, бюрократизм, инертность, другие субъективные моменты. Большой дефицит бюджета провоцировал кризисные явления в платежном балансе, вызывал финансовую нестабильность, генерировал инфляцию. Вместе с низким уровнем процентных ставок для финансирования госдолга это приводило к снижению накоплений у населения и ослаблению притока местных инвестиций в мелкое и среднее производство. Наряду с другими явлениями их дефицит влиял на экономический рост и состояние отраслей, в частности, на положение в обрабатывающей отрасли, слабая развитость которой мешала активной торговой и промышленной политике, должной в идеале поддерживать экспорт и защищать национальных производителей от наплыва импорта.

Движущей силой в этой отрасли производства является мелкий и средний частный капитал, деятельность которого, и без того неустойчивая, испытывает конкуренцию со стороны привилегированных экономических агентов. Ущемление интересов большой, но неокрепшей группы предпринимателей активизировало недовольство в их среде и в близких им слоях населения. Это недовольство, «подпертое» протестом постепенно люмпенизирующихся и разуверившихся в рыночной идеологии людей, обеспечило общую эффективность усилий по слому старой власти.

В целом стихийная мобилизация протестных настроений, возникших на базе ширившейся неудовлетворенности реформенной политикой правящих режимов, мощно подпитывалась нараставшим противоречием между заявленным курсом на укрепление средних слоев и его реальными результатами. Задачам либеральных реформ соответствовало повышение образова-

тельного уровня немалой части населения и поощрение предпринимательских инстинктов в этой среде. Однако реально этот процесс был откорректирован таким образом, что собственнические настроения среднего класса удовлетворялись непропорционально динамике его роста, а значительная доля внимания была сосредоточена на создании условий наращивания крупного капитала и концентрации масштабных активов в руках военной и иных элит, что и стало фактическим следствием структурных реформ.

Едва ли такой отход от стратегической линии либеральных преобразований был случаен. Хотя процессы формирования среднего класса и элит шли одновременно, но с разной интенсивностью и с явным креном в пользу последних при большой недооценке значения среднего класса, расширявшегося количественно, но лишенного возможности достичь требуемых для реальной предпринимательской деятельности кондиций.

* * *

Нынешние правящие режимы довольно далеко отстоят от тех, что в свое время пришли к власти на волне национальных революций и затем переродились в чисто бюрократические структуры, воспитавшие поколения госбюрокартии, которая обросла серьезными активами, втянулась в торговую деятельность и финансовые операции, фактически мутировав в крупную буржуазию. Именно она и стала опорой режимов, которые явочным порядком превратились в выразителей идеологии этого класса, а не средних слоев. По этой причине снижение эффективности реформ применительно к мелкой и средней буржуазии, видимо, не следует считать случайным явлением, но рассчитанной акцией, которая должна была вывести на вершину социальной пирамиды именно крупный капитал.

Негативные для авторитарных режимов факторы накапливались исподволь, не нарушая до поры привычной канвы развития. Однако момент их слияния до критической массы незамедлительно превратился в социальный взрыв на части арабских территорий. В итоге возникла ситуация, при которой мирное приспосабливание принципов рыночной экономики к арабским институтам и социальным ожиданиям стало пройденным этапом, а главный импульс социального негодования сфокусировался, как отмечалось, на сломе систем государственного устройства и устоявшихся политических отношений.

Неблагоприятные обстоятельства усилились еще больше тем, что арабская весна очень быстро последовала за глобальным кризисом. Наслоение одного явления на другое только сгустило проблемы в неустойчивой части арабского мира и не позволило его экономике к моменту начала протестных движений в достаточной степени оправиться после удара. В результате был запущен механизм новых событий. Фактически они стали началом иного прочтения арабской действительности, которая накопила противоречия, способные взорвать не только отдельные страны, но и весь регион с протуберанцами и в другие части мира.

Текущие события в арабском мире свидетельствуют о том, что там стихийно пытаются найти баланс стабильности и перемен в надежде, что возможен некий компромисс между желаниями и возможностями обрести новое качество. Но упорядоченный поиск затруднен в условиях, когда общество находится в состоянии брожения и поделено на неравные сегменты. В них прокламируются свои ценности и каждый пребывает в уверенности, что изменения должны соответствовать именно его представлениям о предпочтительном варианте развития. Борьба между расходящимися течениями – либеральной модернизацией и традиционалистами – вносит большую напряженность в арабское общество, разлад в котором активно подрывает его созидательные способности.

Большая опасность дестабилизации на Арабском Востоке кроется в ослаблении экономических основ его существования. Одна из причин этого – потери от глобального финансового кризиса, которые уже в начальной его фазе оценивались в 2,5 трлн. долл. Ущерб же от арабской весны, по самым предварительным подсчетам, составляет 55 млрд. долл. (1) Но это далеко не конечный результат. Даже если судить о потерях только по относительным цифрам, то падение темпов роста ВВП с 5–6% до 1–2,5% по разным странам уже дает представление о размахе ущерба – ведь в масштабах стран снижение относительных показателей роста трансформируется в абсолютные цифры со многими нулями.

Не следует забывать, что эта динамика разворачивается не в богатых странах арабского мира. Компенсировать потери им удастся явно с трудом и только со временем. Ведь США в нынешней экономической ситуации не имеют возможности создать нечто, подобное плану Маршалла для Арабского Вос-

тока, ЕС стоит на грани собственного кризиса, а арабские монархии в смысле оказания финансовой помощи будут действовать крайне избирательно.

Таким образом, внешние источники накопления для арабского мира существенно ослаблены, по крайней мере, на ближайшие годы. И перспективы выхода из затруднительного положения для менее устойчивой его части с учетом этого обстоятельства не выглядят обнадеживающими. В свете последних изменений обстановки естественнее предполагать, что экономические показатели станут снижаться, и ситуация будет меняться в двух плоскостях – по горизонтали в смысле сжатия масштабов хозяйственной деятельности и по вертикали – по линии сокращения эффективности производства и ухудшения качества работы воспроизводственных механизмов. Подобное неизбежно из-за ухудшения мировой конъюнктуры и сокращения притока инвестиций, а равно и внутренних причин, которые создаются в результате сужения экспорта, разрастания безработицы и т.п. К тому же, если революционная составляющая протестных движений получит дальнейшее развитие, то может встать вопрос о судьбе собственности и других активов политически обанкротившейся части предпринимательского капитала, что также может негативно отразиться на экономике стран региона, где подобный вопрос выдвинется в повестку дня. Но в то же время значение таких последствий, по всей видимости, не следует преувеличивать, хотя если они состоятся, то, безусловно, внесут свою долю неопределенности в ситуацию и вызовут дополнительные напряжения в обществе.

Сейчас, однако, арабское общество живет в условиях не эвентуальных, а реальных обстоятельств. И эти обстоятельства, созданные возмущением массового сознания, как и неуверенностью в будущем и противоречиями внутри арабского социума, создают соблазн для внешних сил воздействовать на ход событий в регионе в собственных интересах, несмотря на трудности текущего периода, которые даже для ведущих экономик мира не проходят бесследно.

Опыт арабов в общении с Западом на протяжении новейшего времени многогранен. Но со стороны последнего всегда особое внимание уделялось стратегической и ресурсной составляющим взаимоотношений, которые были исключительно важны с точки зрения военно-политического и экономического господства метрополий. На протяжении новейшей истории

приоритеты последовательно отдавались продукции сельского хозяйства, в которой главные места принадлежали шелку, табаку, хлопку и некоторым другим видам сырья. С середины прошлого века центр тяжести резко сместился в область добывающей промышленности, особенно к нефти и газу, которые стали в первую очередь определять ценность тех или иных территорий. Тогда же все больше места стало уделяться финансовым контактам и техническому сотрудничеству в разных его видах.

В ходе длительного освоения природных богатств Арабского Востока западные государства создали в наиболее перспективной его части анклавы экономического и финансового влияния, подкрепленного политическим проникновением. Эти анклавы сыграли значительную роль в экономическом развитии региона в том смысле, что заложенные ранее немногочисленные новые отрасли послужили базой для развития производительных сил и определили тенденции становления национальных экономик на перспективу.

Действительно, в рамках хозяйственной деятельности тех времен и в более поздние периоды в арабском мире возникали и совершенствовались экономические институты, которые усваивали методы работы западного капитала, копировали управленческие техники, его формы организации. В равной мере проникновение Запада связывалось с появлением крупного национального предпринимательства, закреплением элементов корпоративного сознания, со становлением новых элит, встраивавшихся в систему прогрессирующего на региональном уровне капитализма.

Этот процесс значительно ускорился в последней трети прошлого века, когда арабские страны, пройдя через реформы собственности в начальный период независимости, создали национальные воспроизводственные структуры, расширили базу материального производства и уже скоро встали перед необходимостью совершенствования экономических механизмов, вытеснения ресурсоемких технологий, создания более эффективных моделей роста и социального устройства. В силу сложившегося положения вещей все эти процессы оформлялись движением в русле догоняющего развития.

Заимствование новых технологических решений и методов управления развитием протекает в условиях большого отставания от Запада по многим параметрам. Модернизация в арабском

мире не набирает необходимых темпов, чтобы заметным образом уменьшить отрыв от промышленно развитых государств. Множество показателей соответствия современным требованиям экономического роста так и не достигнуто в большинстве арабских государств. Остаются огромные разрывы в техническом оснащении предприятий, в масштабах ресурсосбережения, в энергозатратности, по уровню квалификации рабочей силы, инвестиционного обеспечения и т.п. как между западными и арабскими странами, так и между этими последними. Причем разнотемповость процессов развития на Арабском Востоке, видимо, можно рассматривать как явление хотя и второго плана по сравнению с физическим отставанием от Запада, но не менее значимое. Ведь такие моменты, как несходство стартовых уровней развития, параметров ресурсной базы, характера производительных сил или существенное несовпадение по моделям роста, по капиталовооруженности труда, по культуре отношения к труду и т.п., ярко отражаются на течении социальных и экономических процессов.

Они ускоряются там, где выше восприимчивость к заимствованным новшествам и замедляются в тех случаях, когда спрос на них диктуется не системными соображениями, а чаще определяется сиюминутными обстоятельствами и точечными потребностями. К тому же нередко случается именно механическое заимствование элементов западной модели капитализма. Они, конечно, встраиваются в институциональную базу арабского хозяйства. Но, как перешедшие из функционирующего в иных обстоятельствах и более высокого технологического уклада, надолго остаются инородными вкраплениями в арабскую практику производства и управления. Отсюда особенно необходимо приведение арабской производственной культуры как условия экономического подъема и технологического скачка в соответствие с меняющейся парадигмой развития, которая разными своими гранями проникает в арабскую среду. Иначе продвинутые механизмы экономического роста окажутся блокированными.

С ними, конечно, соотносятся некие людские сообщества, которые их обслуживают и обретают навыки, отвечающие их положению при этих «новообразованиях». Но вес таких сообществ в целом невелик, и они вряд ли способны при очаговом существовании заметно влиять, по крайней мере, в короткой перспективе, на весомые составляющие развития – и экономического, и социального, и политического в своих странах. Хотя

едва ли подлежит сомнению факт, что при росте числа институтов и структур, представляющих западный образ действия в арабском мире, их значение будет увеличиваться. Проводниками же этого влияния будут со временем становиться все более крупные контингенты преимущественно городского населения. Именно они интенсивно соприкасаются с крупной и средней частной собственностью, с либертарианской идеологией и с идеями рыночного капитализма, привлекательного свободой выбора и открывающего перспективы, непохожие на маячащие перед большей частью нынешнего поколения арабов.

Вообще же идеологическое присутствие Запада в жизни арабских стран представлено ощутимо. Оно, видимо, не образует мощного потока, но его разнообразие компенсирует этот недостаток. Проникновение осуществляется по множественным направлениям и охватывает сообщества разной профессиональной ориентации. Показателен пример воздействия на образованные круги, которым предлагаются разнообразные концепции и теории, содействующие становлению гражданского общества и пробуждающие интерес к насущным проблемам. Одна из них – охрана окружающей среды, которая, действительно, активно разрушается в процессе экономического строительства. Основной посыл таких концепций, как например, good governance или inclusive growth, – сосредоточить внимание на хозяйственном развитии, экологии, других наболевших темах и побудить представителей городских слоев, предпринимательского класса, групп активистов и сторонников гражданского действия настойчиво отстаивать право на участие в принятии решений по этим и многим другим вопросам. То есть общественное движение направляется таким образом, чтобы плавно перейти от экономической проблематики к политической, где выработка решений отличается наибольшей злободневностью.

Именно природоохранение образует важную составляющую устойчивого развития для большинства арабских стран и является наболевшей темой для населения, подвергающегося в растущих масштабах вредному воздействию загрязненной экосферы. Недостаточное внимание правительств к этой области наиболее заметно рядовым гражданам и вызывает у них беспокойство и протест. В связи с этим муссирование этих аспектов проблемы как исключительно негативных весьма продуктивно с политической точки зрения, и предлагаемые кон-

цепции навязчиво акцентируют внимание арабских интеллектуалов и общественных деятелей преимущественно на неэффективности принимаемых властью мер перед лицом экосистемного кризиса.

Между тем причины живучести проблемы значительно шире, чем простое ее игнорирование, и связаны во многом с объективными факторами, заставляющими приглушать значение природоохранных вопросов. Но наращиванию негативизма в отношении к власти на экологическом поле с перспективой распространения его и на другие объекты это не мешает. Подобные моменты составляют суть и других действий, направленных на возбуждение недовольства по самым разным поводам.

Естественным образом такие процессы сопрягаются с последовательным внедрением в арабские экономические представления элементов западной философии прагматизма и активизма, которые связаны с индивидуалистическими устремлениями и противоречат арабскому образу мышления, арабской традиции видения мира и методов общения с ним. Наверное, не следует полагать, что все привносимые веяния активно укореняются в арабском общественном сознании. Но отдельные заимствования вживляются быстро. Например, логическим следствием цифровой революции на Западе можно считать положение дел в области современных технологий массовой социальной коммуникации и связи, которые быстро проросли на арабской почве и дали возможность не только расширить информационное поле в пропагандистских целях, но и ускорить мобилизацию и эффективное управление энергией улицы силами неформалов.

Можно считать естественными в эпоху глобализации процессы интернационализации международного пространства и прогресс в транслировании идеологий на разные этносы. Но, как оказалось, совокупным результатом применения таких новаций в принимающих странах становится обострение многочисленных противоречий и появление дополнительных очагов напряженности в отношениях между народом и властью. Такой очаг и возник на Арабском Востоке как ответ властям на их политику рыночных преобразований. Народ категорически не принял национальные проекты экономического переустройства, поскольку в их основу был положен экономический прагматизм, в жертву которому приносились социальные аспекты. Их игнорирование плохо «вяжется» с идеологией арабского

социума, который тяготеет к социальной справедливости, но не может ее добиться из-за непрекращающегося роста неравенства, бедности и перенаселенности.

Эти явления копились десятилетиями, но даже в период резкого нарастания их критической массы правящие режимы не замечали усиливавшейся угрозы, а Запад продолжал считать, что арабские страны созрели для подражательной модернизации и не отказывался от замысла побуждать их двигаться в русле либеральных ценностей и рыночных стратегий и дальше.

Откровенно рыночная модернизация не спасла арабское общество от застарелых болезней и от мощного сотрясения политических основ правящих режимов. Реформы показали свою эффективность с неожиданной стороны тем, что смогли поднять волну активных действий против власти и инициировать в обществе взрывной протестный процесс. И развитие реформ пошло вопреки расчетам на мирное и бесконечное выжидание народом того момента, когда экономические меры смогут повлиять на условия жизни. Ведь переход к демократии предполагался именно как естественное продолжение реформ, которые должны были поднять благосостояние народа и подвести массовое сознание к принятию либеральной идеи и гражданской формы организации общества. Но процесс возник как результат ухудшения положения народа, а не его улучшения в ходе структурных реформ и отражал стремление к демократии постольку, поскольку был нацелен против авторитаризма.

Обратный результат стал неожиданным для западного сознания, которое обманулось в своем видении рутинного характера политической мутации региона, поскольку структурные реформы не предусматривали возможности быстрой смены парадигмы развития арабского общества. По этой причине лидеры индустриального мира не смогли сразу сориентироваться в сложившейся обстановке и обратить ее к собственной пользе.

Поэтому, когда непредсказуемо взорвался Тунис, это событие первоначально не вышло за рамки понимания этого явления как локального конфликта между низами и верхами в одной стране. Но уже на последнем этапе египетской драмы Запад сделал соответствующие выводы и присоединился к антиправительственной кампании и осуждению режима. А в Ливии Запад уже полностью овладел инициативой и развязал гражданскую войну, которая кончилась полным крушением ре-

жима Каддафи, олицетворявшего в глазах западных политиков наиболее одиозную форму правления.

В течение длительного времени Запад не афишировал своего прямого воздействия на обстановку в арабском мире, и только сейчас сменил эту тактику на непосредственное вмешательство во внутриарабские дела. Именно ему принадлежит ведущая роль в нынешней дестабилизации арабского региона.

Пользуясь ситуацией, западный мир спешит утвердить порядок на арабском пространстве по своим меркам и прибегает для этого к разным формам давления. Помимо военных инструментов, доказавших свою эффективность в Ливии, но тем и исчерпавших свою легитимность, Запад делает ставку на экономические механизмы принуждения к демократизации, не теряя из виду и военные.

Поле для опробования этих мер может считаться уже подготовленным в ходе предшествующих событий, которые в короткие сроки преобразили арабский политический ландшафт. По крайней мере, представляется, что именно так воспринял их Запад, и это побуждает его к ускоренным действиям для окончательного отстранения от власти режимов, вышедших из эпохи арабских национально-освободительных движений. По существу, это наступление можно считать завершением этапа тотальной борьбы против социалистической идеи на Арабском Востоке и решительным переходом к переустройству арабского экономического пространства, на котором государство все еще играет ведущую роль. В этом плане демократизация и расширение основ гражданского общества должны сопрягаться с более активными мерами по сжатию сферы государственного предпринимательства и расширению зоны действия частной инициативы как абсолютного символа господства рыночных отношений. С этой целью и ведется своего рода зачистка остатков тех режимов на арабской территории, где сохраняются отличные от Запада представления о роли государства, о характере функционирования местных социально-экономических институтов и политическом устройстве общества.

Такие режимы, естественно, и сами способны к мутации в направлении к рыночным моделям и общегуманитарным ценностям. Но замедленность прохождения ими контрольных этапов раздражает Запад, порождает в его глазах опасность рецидивов и мешает унификации мира на основе западной модели.

Уличный протест в ряде арабских стран стал весьма подходящим поводом для активизации усилий, необходимых для устранения последних оплотов арабской национально-освободительной идеологии и развала урубы как символа арабской солидарности. Тем более, что местные программы экономического роста и социального прогресса, даже отошедшие от социалистической направленности, не смогли составить конкуренцию рыночному пути решения этих проблем, и западный подход здесь возобладал. По существу же, именно западные рецепты преодоления экономической отсталости заложили мощную базу потрясений в арабском обществе, неожиданно резко увеличив в начале нового десятилетия текущего века скорость и интенсивность внутренних изменений.

Но не только структурные реформы и макроэкономическая стабилизация способствовали нарастанию антагонизмов в арабской среде. Резко обострило борьбу, как отмечалось, внешнее вмешательство. За короткое время, как оказалось, очень многое было сделано для превращения рыночной эволюции арабского мира в спонтанную политическую революцию. Хотя не Запад спровоцировал ее возникновение, но именно с его подачи она оформилась в целенаправленные антиправительственные выступления.

Протестные движения, генерируемые изнутри и подогреваемые извне, оказались способными в кратчайшие сроки подвергнуть Арабский Восток кардинальной трансформации. Они изменили состав сил, определяющих характер политического развития и социальную сущность ряда государств, и играют непоследнюю роль в ускоренной эволюции ближневосточного сегмента мировой политики.

Ситуация в регионе продолжает расшатываться, и масштабность событий показывает, что Запад добился большой свободы и почти беспрепятственно реализует свою стратегическую инициативу, активно участвуя в нагнетании напряженности вокруг очагов нестабильности, которыми стали отдельные страны. В современных условиях, когда понятие национальный суверенитет на Арабском Востоке резко обесценивается, они лишаются воли к сопротивлению под угрозой разрушения институтов национальной государственности. Их маневренность минимизируется, и от правительств требуют полной сдачи позиций силам, которые рвутся к власти, но едва ли способны предложить более конструктивные решения проблем. Тем бо-

лее, если в пылу борьбы за власть подрывается экономический потенциал и без того обделенных государств, которые страдают от дисбалансов и дефицитов и заведомо не располагают ресурсами, чтобы уверенно восстанавливать расшатанную экономику в постреволюционный период.

Максимальная дестабилизация обстановки призвана стать весьма действенным инструментом преобразования Арабского Востока, целому ряду стран которого навязываются лозунги свободы, демократии и гражданских прав при полном пренебрежении к реальным судьбам населения, которому предлагается гуманитарная помощь, способная лишь слабо компенсировать развал продовольственных отраслей сельского хозяйства, промышленности и потребительского рынка.

Другими словами, на фоне того, что военное подавление законных правительств все-таки вредит имиджу ведущих европейских держав и Запада как такового, они, как отмечалось, обратились к методам экономического удушения. Расчет делается на то, что мировым сообществом эти способы будут восприняты как более гуманные. А для Запада еще и как более дешевые по сравнению с военными рецептами. В Ливии, например, решительная фаза операции по свержению режима, по предварительным расчетам, оценивалась в 8 млрд. долл., а на деле, видимо, стоила значительно дороже, учитывая длительность сопротивления ливийского режима. (2)

Однако в обоих случаях западная политика носит разрушительный характер и во многом опирается на механистический подход. Ведь явно предполагается, что дальнейшие события будут развиваться по логике уже апробированных методов борьбы с законной властью. Действительно, на этом этапе Западу сопутствует удача, поскольку ему помогают активные противники авторитарного правления в конкретных арабских странах, готовые действовать по западным лекалам.

На этом фоне можно еще раз отметить (и это кажется невероятным), что западный мир действует спонтанно, сообразуясь только с текущей обстановкой и не утруждая себя соображениями относительно даже недалекого будущего, которое ждет Арабский Восток и соседние регионы. Под влиянием нарастающих событий мозаика действий западных партнеров в регионе слилась в единое полотно. А все это, видимо, материализуется в некоем плане, согласно которому арабский мир должен пережить серьезную трансформацию и обрести новое

качество. Оно должно появиться в результате фактически полного разрыва с тем, что символизирует нынешние ценности арабского сознания и связывает его с экономической и социальной архаикой уходящей эпохи. Действительно, почти общим местом стали утверждения, что арабская весна обозначает кризис традиционных структур в арабо-мусульманском мире. (3) И Запад активно участвует в разгонной фазе процесса, чтобы вернее довести его до конца.

На текущем этапе, похоже, выполняется некая программа-минимум в отношении Арабского Востока в виде разрушения экономических и социальных основ авторитарной фазы его исторического бытия. И только в отношении этой цели сохраняется определенная ясность. Запад, оказавшийся ныне практически главной направляющей силой арабского перестроечного процесса, ограничивает свои шаги лишь текущими задачами политического переустройства отдельных арабских государств. Движущие же силы начальной фазы протестного движения, например, в Египте, по сути, оттеснены с политической арены и лишены возможности официально высказывать свое мнение по всему спектру вопросов. А в другом случае, как в Сирии до этого момента, еще и не дошли.

Программа-максимум, или то, что станет представлять собой арабский мир на выходе из нынешних пертурбаций, остается абсолютно туманной и непредсказуемой. Западная мысль мало обеспокоена тем, что означают мощные катаклизмы для всех арабов и для мирового сообщества, как это отразится на экономических и социальных процессах, на жизнеспособности арабских политических и иных институтов и структур. Между тем нетрудно предположить, что в худшем случае вяло двигавшаяся модернизация застопорится и перерастет в депрессию или будет протекать в русле все того же догоняющего развития, что в условиях нестабильности еще больше привяжет арабский мир со всеми его богатствами к западной цивилизации. Не исключено, что со временем возникнет ситуация, при которой этот регион вообще превратится из равноправного субъекта международных отношений, взаимодействующего с Западом, в субъекта, подпавшего во всех смыслах под прямое его воздействие.

Независимо от того, что составляет основу действий Запада применительно к Арабскому Востоку, генеральная задача момента – не дать угаснуть зонам турбулентности как месту

рождения новой арабской демократии, способной когда-то уподобиться западному стандарту. По существу же, просматривается задача глубокой трансформации той части региона, которая десятилетиями оставляла за собой возможность самостоятельных действий, не укладывающихся в рамки западных критериев.

В связи с этим арабскому миру явно обеспечивается перспектива жить в постоянной озабоченности ситуацией, которая может сложиться в регионе после того, как там будут свергнуты прежние правительства. Этот вопрос остается сугубо важным, учитывая взрывоопасный характер региона и деструктивный потенциал радикальных исламистов, который легко может простереться за пределы их ареала. Надежды на то, что они не будут рваться к власти, а законодательная инициатива автоматически перейдет в руки умеренных лидеров, едва ли можно считать достаточно обоснованными. Идеи, которыми руководствуются радикалы, требуют простора, и уже разделяются большими массами населения. Все необходимое для их развернутого наступления есть, нужен только повод, который приведет механизм в действие. Поэтому в возможной радикальной мутации новых режимов едва ли приходится сомневаться. А начинающийся после переворотов второй акт арабской драмы, в котором просматривается тенденция к политическому возвышению исламского радикализма, едва ли будет для Запада столь же легким, как первый.

Несмотря на такой поворот, Запад делает ставку на приведение к власти неких разночинных групп прозападной ориентации с неясными установками (от либеральных до клерикальных) и пестрых в социальном отношении. Фактически же, тем самым открывается будущее перед группами, остающимися «вещью в себе», чье поведение непредсказуемо даже в отношении нынешних союзников, с которыми их связывают тактические цели. Невнимание к столь важному моменту, возможно, свидетельствует о том, что западный мир еще не нащупал нужной линии поведения и следует ситуации, которая складывается под влиянием обстоятельств. Между тем опыт Египта уже показывает, что расчеты относительно идейной ориентации и политического устройства общества далеко не всегда оправдываются и могут завершиться неожиданными результатами, например, большим влиянием радикальных групп, пришедших в органы представительной власти. В Египте

они уже проявляют строптивость и намекают на дальнейшую неуступчивость.

Такой поворот должен насторожить: с подобного рода партнерами сложно находить понимание, сам же процесс поиска принимает затяжные формы и не обязательно гарантирует нужный результат. А это явно не совпадает с намерениями Запада, который в перспективе не хочет оставить Арабскому Востоку никакой альтернативы и стремится превратить его в своего подконтрольного партнера. Во всем этом заложен элемент противоречивости и конфликта, поскольку исламистские режимы при экономической необходимости как-то соотноситься с западным видением проблем и ситуаций не будут слепо следовать за его инициативами из-за больших претензий на собственную оценку ситуации и опасения потерять лицо.

Даже внешняя умиротворенность, которую демонстрирует, например, нынешний тунисский режим, не должна бы вводить в заблуждение относительно возможностей его мутации под влиянием неожиданных факторов. Ведь мало кто предполагал, что в «левом» Тунисе у власти окажутся умеренные исламисты. А это, тем не менее, произошло и наталкивает на вполне определенные размышления о новом режиме. Он в свою очередь может быть заменен более энергичными силами, которые станут выстраивать иную модель отношений с внешним миром. Это тем более возможно потому, что Арабский Восток явно вступил в переломный этап внутриполитической эволюции, что сопровождается насыщением жизни общества новыми понятиями и реалиями, будоражущими массовое сознание и не исключающими новых социальных и политических конфликтов разной интенсивности.

Тем не менее вся картина происходящего на просторах БВСА еще не настолько устоялась, чтобы делать определенные выводы относительно конфигурации отношений между западным истеблишментом и нарождающимся новым правящим классом и этим последним и его оппонентами внутри стран и региона. Неопределенность ситуации на этом направлении весьма велика и распространяется и на другие аспекты.

В условиях возникшей дестабилизации восстановление общественного покоя будет сильно затруднено еще минимум по нескольким причинам. Главная из них состоит в том, что арабская весна не достигла своих основных целей. В частности, страны, как отмечалось, развивались в русле рыночной

экономики, которая требовала напряжения всех ресурсов в ходе макроэкономических мероприятий и структурного преобразования хозяйства. Протестные движения, да и те политические силы, которые поднялись на поверхность, едва ли смогут предложить курс, альтернативный рыночному. Поэтому новые режимы будут вынуждены проводить ту же политику в социально-экономической сфере со схожими результатами. Это означает, что населению придется вновь затягивать пояса и вернуться в то же состояние, в каком оно существовало до начала арабской весны, а то и в худшее. А это важнейший повод для деструктивных выступлений толпы.

Негативную в сложившихся обстоятельствах роль выполняют информационные сообщества и гуманитарные институты, работающие от имени Запада в развивающихся странах, в том числе и на Арабском Востоке. Основной результат их деятельности, в конечном итоге, проявляется в создании общественных групп, во многих отношениях подготовленных для продвижения западных представлений в местную среду.

В общем плане вся деятельность этого рода связана с прощупыванием обстановки, с подготовкой кадров, которые могли бы стать агентами влияния в странах региона. Она позволяет адресно проникать в интеллектуальную арабскую среду, мобилизовывать молодежь, вообще собирать в сообщества по интересам разночинную интеллигенцию и представителей среднего класса. Эти последние особо болезненно ощущают ущербность своего положения, поскольку, относясь к наиболее продуктивной части населения, способной к креативной деятельности, не имеют к ней доступа. Они страдают от невнимания властей, например, хронически испытывают острую нехватку оборотных средств для реализации предпринимательских амбиций. Всяческое будирование недовольства среднего класса составляет, среди многого прочего, важную часть деятельности пропагандистских органов европейских стран и США. Фактически их действия можно трактовать как подстрекательские, особенно разрушительные на переломном моменте истории, который ныне переживает ряд арабских стран.

Арабские режимы, независимо от их ориентации, плохо защищены от проникновения внешних идей и подвержены активному давлению Запада. При его явно преобладающих возможностях в области информационных технологий, по мощи пропагандистского аппарата и по глубине воздействия Запад

остается вне конкуренции, обрекая арабские страны на проигрыш по всем направлениям, где сходятся их интересы и претензии Запада.

Такое неравенство активно используется им для достижения собственных целей и создания соответствующего имиджа режимам в зависимости от того, какую роль им надлежит играть в каждый текущий момент. Едва ли можно сомневаться в том, что формирование в глобальном масштабе неблагоприятного образа той или иной страны превращает ее в изгоя и провоцирует дестабилизацию.

Действенным орудием антиправительственной деятельности, а следовательно, и угрозой внутренней стабильности остается зарубежная оппозиция (как в случае с Сирией, а прежде с Ливией), которая берет на себя часть функций соответствующих западных институтов и активно работает с целью укрепления собственных позиций путем раскола населения на противоборствующие группы, через демонстрацию силы, возмущение общественных настроений и т.п.

* * *

Арсенал средств для дестабилизации в странах региона у Запада необычайно развит – от военного давления до экономического удушения. Но имеются и другие причины создания нестабильности. Их следует искать, например, в возникновении внутриполитической лихорадки, которая охватывает общество во время серьезных потрясений и накануне принятия важных решений, определяющих судьбы государства. Формирование органов законодательной и исполнительной власти на новом этапе в странах, где массовые волнения привели к резким переменам в политике, с необходимостью превращается в мощный катализатор народной активности, способной выплескиваться за рамки законности. Закулисные маневры разных групп в эшелонах власти с целью сбалансирования интересов и налаживания собственных отношений редко бывают прозрачными. Но в преимущественно небольших арабских странах они не всегда могут быть укрыты от внимания масс, а манипуляции еще больше нагнетают недоверие и подозрительность. Разоблачения сговоров или коррупционных проектов электризуют общество и толкают наиболее политизированную его часть на протест, что лишь усиливает неустойчивость настроений улицы.

Свободные выборы создают благоприятные предпосылки для реального волеизъявления народных масс. При этом растет заинтересованность в итогах выборов, группируются народные интересы, выдвигаются на поверхность силы, наиболее полно отвечающие запросам масс. В Египте это вылилось в приход во власть «братьев-мусульман» и саляфитов, которые едва ли смогут удержаться от навязывания своих взглядов всему населению страны. Рано или поздно это вызовет реакцию несогласных с новым курсом, что неминуемо приведет к возникновению сопротивления и к еще большей дестабилизации. К тому же не сказала своего слова армия, которая является серьезным фактором политической жизни Египта, и пока неизвестно, как она распорядится в новых условиях своим потенциалом гаранта общественного порядка и национальной безопасности.

Но в любом случае египетский опыт доказал, что в потоке недовольства слились разные слои населения, усилилась его политизированность и возросло число избирателей за счет провинций в отличие от прошедшей эпохи заорганизованных кампаний. Но главным стал выход на поверхность радикальных оппозиционных сил, и их поведение едва ли будет таким же предсказуемым, как у прежних правящих сил, сумевших адаптироваться к обстоятельствам и находивших способы соотносить национальные интересы с реалиями региональной и мировой политики.

Но если относительно существования на региональном пространстве еще можно предполагать, что созданная мировым сообществом система сдержек сможет удержать новые политические силы от опрометчивых шагов, то во внутренней жизни своих стран они вполне могут проявить свою самобытность продвижением к теократическому устройству и шариатским нормам. В их глазах они в гораздо большей мере соотносятся с арабской идентичностью, чем привнесенные извне институты. И это обстоятельство может стать весомой угрозой для стабильности практически в любой пережившей весну арабской стране, где реально противостояние светского и религиозного начал.

Этот аспект может быть многократно усилен закрепившимся в обществе пониманием социальной значимости массовых действий. Результативные сами по себе, они, при наложении на другие обстоятельства, могут резко дестабилизировать си-

туацию. Не для всех стран такая опасность одинакова. Это зависит от длительности и напряженности борьбы, от характера пришедших к власти групп, от состояния экономики, интенсивности внеэкономических факторов и т.п. Но в любом случае следует исходить из того, что нынешние реалии в переживших народные бунты и вооруженные мятежи странах не сбалансированы и чреваты дестабилизацией при малейшем нарушении внутреннего равновесия.

А такое может случиться прежде всего в результате сбоев в экономике и роста социальных неурядиц. И улица готова на жертвы ради того, чтобы добиться улучшения условий жизни.

В этом заключается своего рода парадокс арабской весны. Ее целью было свержение надоевших режимов, признанных единственно повинными в народных бедах. А на самом деле обнажены куда более глубокие корни общего экономического расстройства, обусловленного слишком прямолинейно истолкованной стратегией рыночного развития в условиях огромного дефицита ресурсов и множественных дисбалансов в экономике. Это и есть и причина, и серьезный повод для новых витков дестабилизации, особенно в государствах, пребывающих в состоянии серьезных раздоров или недавно вышедших из них.

Вся сегодняшняя действительность подтверждает факт снижения уровня жизни и нарастание социального разлада. Помимо бедствовавшей армии безработных, не находивших себе применения, дополнительно образовались многочисленные склонные к анархии группы незанятых производительным трудом. К тому же у населения оказались целые арсеналы незарегистрированного оружия. И сейчас оно представляет мощнейшую угрозу безопасности, превратившись в еще один, и весьма серьезный, дестабилизирующий фактор, имеющий совершенно отчетливые социальные корни.

Арабские страны традиционно не являются криминогенными, и преступность в них – довольно редкое явление. Но в последнее время они не смогли предотвратить существенных изменений к худшему. Этому способствовали многие обстоятельства, которые в итоге и привели к утрате ограничителей, сдерживавших использование оружия. Многолетнее пребывание в состоянии войны с Израилем, постоянное нагнетание напряженности в регионе, тесное соприкосновение сотен тысяч людей с военными реалиями в обыденной жизни, агрессивная подача

конфронтационной тематики в средствах массовой информации и т.п. сделали привычной мысль о насилии.

Ожесточенное противостояние властям со стороны протестующих масс в ходе арабской весны лишь ускорило приближение общества к черте, за которой начинается разгул насилия. Причем всплеск противоправной деятельности пропорционален количеству оружия, попавшему в руки толпы, с одной стороны, и способности власти пресекать нарушения закона, с другой.

До того правящие режимы повсеместно жестко контролировали внутренний оборот оружия и гасили попытки незаконного его получения, опасаясь скорее не столько того, что оно попадет в руки преступных групп, сколько будет использовано в политических целях.

Особую роль в обострении конфликта народа и власти сыграло вмешательство в него извне, которое, как отмечалось выше, становится тем значительнее и масштабнее, чем серьезнее проявляют себя события арабской весны, переросшие в известных случаях в фазу вооруженной борьбы. Такая динамика усиливает разрушительные последствия протестов и сужает действенность законов в ряде стран, где в силу общей взвинченности криминалитет неизбежно превращается в постоянного спутника оппозиции в ее борьбе с правящими режимами. Существенное значение при этом имеет фактор времени, которое необходимо для мобилизации преступных группировок на активные и организованные действия.

В Тунисе, например, события развивались в ускоренном темпе, и поэтому острая фаза противостояния власти и народа завершилась в короткие сроки, не успев подогреть противоправные действия.

В Египте события шли по нарастающей и отличались большим упорством и ожесточенностью столкновений. В ходе их основным орудием служили подручные средства, часто холодное оружие, поскольку доступ населения к более серьезным его видам был практически перекрыт, а внешние каналы поставок отсутствовали. И тем не менее это не помешало заметному росту преступной деятельности, в которую втянулись не только собственно злонамеренные элементы. Им противостояли быстро организовавшиеся самодеятельные группы *виджилянтов*, возникшие для предотвращения разбоя в своих кварталах, но и сами не брезговавшие разного рода преступ-

лениями в округах по соседству. Серьезный криминалитет – *бальтаджийя*, составляющий своего рода организованную группу с серьезной экономической составляющей, насколько известно, не проявлял себя, видимо, не заинтересованный в разрушении хозяйственной среды, в которой он прижился и рассчитывает функционировать и далее.

В Ливии сложилась совершенно иная ситуация, поскольку она обрела форму гражданской войны. Здесь повстанцы сразу захватили обширные запасы оружия и техники на складах, но применяли их практически для того, чтобы стрельбой поддержать боевой настрой, а также чтобы третировать мирное население, мародерствуя, сводя счеты и пр. Боевое применение захваченного в арсеналах оружия было ничтожно, поскольку основная задача выполнялась с воздуха силами западной коалиции. Именно в ходе ее налетов и довершения их на заключительных этапах на земле силами вооруженных боевиков в Ливии счет жертвам шел на десятки тысяч, а грабежи приняли повальный характер. Текущая обстановка в этой стране характеризуется образованием многочисленных групп, отказывающихся от сдачи оружия и использующих его не только для самообороны, но и для нападения с целью захвата заложников, третирования населения и других противоправных действий. Здесь ситуация дестабилизирована глубоко и прочно, а перспективы ее урегулирования предстают как крайне неопределенные, поскольку разоружение отрядов полевых командиров едва ли возможно из-за слабости власти.

В Сирии всегда существовали жесткие правила хранения огнестрельного оружия, которые соблюдаются и в ходе текущих беспорядков. Но усилия власти нейтрализуются масштабной контрабандой оружия, которое получает не только оппозиция, но и случайные лица, вооружающиеся впрок или для совершения преступных действий. Непримиримая оппозиция сразу использовала вооруженный террор как испытанное средство борьбы за власть по примеру событий 1978–1982 гг. С этой целью широко применяется насилие и запугивание населения, владельцев магазинов и лавочников жестко третируют и принуждают к закрытию торговых точек, работа производственных предприятий парализована. Создается дефицит продуктов и товаров первой необходимости, что возбуждает недовольство властями. Мобильные группы боевиков в городах сеют страх и панику, организуют нападения на партийных функционеров,

представителей интеллигенции, военных. Несколько позже под огонь стали попадать лица из числа религиозных меньшинств – алавитов и христиан, под угрозой оказываются и те, кто просто сохраняет лояльность правящему режиму. Ослабление центральной власти провоцирует неустойчивые элементы на противоправные акции, вандализм и разбой. Появляются самозванные группы – *шабиха*, присваивающие себе полномочия на досмотр людей, средств транспорта и реквизицию багажа и грузов, которые представляют интерес для таких формирований.

В ходе внутриполитического конфликта число вооруженных групп быстро растет в связи с необходимостью налаживания самообороны в условиях конфессиональной пестроты. Совершенно очевидно, что с неизбежным увеличением числа вооруженных гражданских формирований насилие может охватить практически все районы страны, а в многоконфессиональных по населению городах типа Хомса, где соседствуют суннитская, алавитская и друзская общины, антагонизм вообще грозит оказаться запредельным. Здесь уже сейчас происходят убийства по религиозному признаку среди белого дня и в людных местах. Отсюда уже совсем недалеко до религиозных конфликтов, которые способны легко перерасти в массовые эксцессы. И это вовсе не умозрительное допущение.

За последнее, по крайней мере, столетие в Сирии не регистрировались случаи розни религиозного генеза, хотя политическая активность конфессий всегда была заметной, но не направленной против инаковерующих. Восстание середины 20-х годов прошлого века под руководством друзского вождя Султана аль-Атраша против французского мандата остается знаменательным событием в новейшей истории Сирии. Оно показало, что население, поделенное не только по социальному, но и по конфессиональному признаку, вполне способно сплачиваться в период опасности или особых притеснений для оказания сопротивления даже серьезному противнику, каким были французские войска, несмотря даже на предрешенность конца такого рода выступлений.

В недавней истории Сирии есть национального значения события, которые ставили страну и ее народ на грань жесткого выбора. Это, как минимум, военные перевороты конца-начала 40–50-х годов, объединение с Египтом, перегибы левых баасистов во второй половине 60-х годов. Тем не менее, кроме рубежа 70–80-х годов прошлого века, конфессиональный момент

ярко не акцентировался. Однако нынешний вызов отличается особой драматичностью, он созрел под влиянием многих серьезных факторов и несет в себе реальную возможность раскола сирийского народа, разведения его по конфессиональным квартирам и даже угрозу войны. Опасность заключается в том, что в арабских странах в заметной степени сохраняются элементы традиционного общества. На этом фоне дестабилизация внутриполитической обстановки и усиление притеснений личности могут заметно оживить племенные и иные связи подобного рода.

Такой поворот событий не исключен. Даже в ограниченных масштабах он способен подстегнуть дестабилизационные процессы и будет означать, что они зашли далеко. Это особо относится к южному Средиземноморью, в том числе к Египту, где существует крупная коптская община, состоящая в напряженных отношениях с арабским большинством. Но главным источником опасности предстает зона Леванта, где проживает многокомпонентное население. В своем худшем варианте противоречия на религиозной почве могут привести здесь к войне всех против всех и распространиться на широком фронте, охватывая и другие территории. Ядром зарождения такого вектора в региональных отношениях способна стать именно Сирия, а за ней с большой долей вероятности и рядом расположенный Ливан, где только два десятилетия назад закончилась разрушительная война, ведшаяся на такой же почве.

Эта война показала, насколько велика роль кланов, конфессий и территорий в жизни вполне современного арабского общества и как быстро конфликт между этими институтами приводит к резкому ослаблению демократических методов управления и сужению понятия легитимности суверенного государства. В Ливане это, помимо всего прочего, серьезно подорвало внутренний рынок, нарушило межхозяйственные связи, автономизировало целые районы, что нанесло мощный ущерб экономике и социальной сфере. Трудности их восстановления вплоть до настоящего времени ограничивают возможности хозяйственного подъема ливанского государства, а религиозные противоречия мешают восстановлению порядка и демократии во всей их полноте.

В Сирии последствия конфессиональной розни могут быть еще более драматичными. Надо полагать, что стране, в лучшем случае удастся избежать раскола по конфессиональному

признаку. Но даже при этом ряду территорий будут угрожать обособление, беспорядочные и разной степени интенсивности перемещения населения и обострение ситуации на рынке труда, ухудшение качества производительных сил, другие неурядицы, способные надолго вывести из строя весь воспроизводственный комплекс и реально подорвать материальное положение масс. По существу такой процесс, если он начнется, можно будет охарактеризовать как масштабную дезорганизацию основ жизнеобеспечения крупного по региональным меркам государства, которое минимум за пять лет до событий начало продвигаться по пути реформ производственных отношений и поиска моделей стабилизации роста. В худшем же случае страну может ждать развал, раздел на конфессиональные анклавы, жесткая борьба за выживание разных групп населения и вмешательство иностранных сил. Конкретные пути перерастания процесса в национальную катастрофу уже просматриваются. Но пока неясно, какие силы и меры могли бы затормозить такое развитие в масштабах страны и в рамках отдельных ареалов или вовсе предотвратить его.

Во всяком случае, действия вооруженной оппозиции, при которых с большой долей вероятности власть может перейти в руки радикальных сил, четко ориентированы на ликвидацию режима любой ценой. Провоцирование межконфессиональных столкновений для решения этой задачи уже включено в тактику антиправительственных сил и используется в качестве эффективного средства дестабилизации порядка. Это резко повышает шансы на то, чтобы столкнуть в вооруженном противоборстве разные группы и тем максимально расшатать власть. При этом ее противниками игнорируется факт, что конфессиональный конфликт значительно легче инициировать, чем погасить, и нет понимания, что провоцирование столкновения не может оправдать цель, ради которой оно замышляется.

Часть экспертного сообщества питает надежду, что дисперсное распределение населения разных конфессий по территории страны и немногочисленность мест их компактного проживания сделают невозможными массовые репрессии на религиозной почве. Между тем именно это обстоятельство и будет способствовать распространению насилия, поскольку обеспечивать безопасность мелких общин значительно труднее, чем это представляется.

В таких обстоятельствах масштабное нарушение работы институтов, ответственных за общественное спокойствие, социальную защиту, поддержание производства, в условиях деморализации общества и утраты доверия между разными его сегментами по определению приведет к крушению правопорядка и гарантированно обострит беды населения.

Если ситуация возникнет, реально можно будет полагаться только на родственные связи, но они, естественно, не смогут конкурировать с той защитой, которую может предоставить государство. В этом случае роль клановых, племенных организаций, как замещающих государственные институты, может резко возрасти. Появление такой тенденции можно расценить как свидетельство определенной архаизации общественных отношений, как возврат к прошлому, когда в племенном обществе основной его функцией была защита соплеменников от опасности.

Угнетение позитивных институтов в условиях внутренней розни, тем более усугубленной внешним вмешательством, превращает упорядоченный прежде социум в некую совокупность разделенных групп и группировок. Возможно, и поодиночке они смогут самоорганизоваться, но их способность выживать будет зависеть в большой мере от сплоченности и имеющихся средств самозащиты. А условия не могут быть одинаковыми для всех и задаются случайными обстоятельствами, которые могут благоприятствовать одной общине, но быть враждебными по отношению к другой, что, собственно, и ведет к криминальному перераспределению собственности и к жертвам.

В любом случае развал суверенного, но многоконфессионального государства с единым экономическим пространством естественно порождает крайне негативные последствия, которые находят выражение в дезорганизации, архаизации и хаотизации общественных отношений, и в целом ведут к деградации государственности. Подобный процесс тем более драматичен, когда речь идет о таком относительно благополучном светском государстве, как Сирия, которому под влиянием собственных ошибок и просчетов, а равно и внешних обстоятельств не хватило времени для модернизации внутреннего устройства по меркам современных представлений о характере взаимодействия власти и общества.

В принципе, нынешнюю ситуацию в арабском мире, которая спровоцирована мировым финансовым кризисом и арабской

весной, можно рассматривать с разных точек зрения. Но главное состоит в том, что текущий этап конфликта между народом и властью несет в себе задатки перехода к иному качеству в политической и экономической жизни стран и региона. А такая новизна с необходимостью породит и новый круг противоречий.

Во всяком случае, не приходится сомневаться, что арабский мир вступил в следующую фазу развития. Опыт Запада во взаимоотношениях с ним показал, что процесс вживления в регион принципов демократии западного типа оказался весьма капитало- и ресурсоемким, и не настолько результативным, чтобы такой опыт распространять и далее по Арабскому Востоку. Очевидно, что высокая трудозатратность усилий, предпринимаемых для приведения арабских народов к некоему усредненному показателю модернизации и приобщения к органичным для западного сознания образцам политической организации, не отвечает по полученным параметрам критерию, измеряемому соотношением цена-качество.

В связи с этим на Западе осознали, что необходимо найти более эффективный путь, который смог бы обеспечить равноценный результат, но с меньшими собственными издержками. Очевидно, что поиски таких возможностей велись, и, возможно, уже были подготовлены некие наработки, которые могли бы резко «оптимизировать» деятельность, связанную с трансформацией режимов, как минимум, в отдельных странах. Однако постановка задач задерживалась в связи с казавшимися фантасмагоричными объемами работы.

Неожиданно разразившееся восстание в Тунисе подсказало решение вопроса. Видимо, именно в этот момент и было установлено, что арабский мир может подвергнуться уверенной гомогенизации путем разрушения взрывом изнутри, который гарантированно сокрушит авторитарную власть и уверенно развалит все свойственные ей управленческие структуры, по крайней мере, в этом отношении унифицировав большую часть Арабского Востока. Мгновенное подключение Запада к начавшемуся процессу лишний раз подтверждает, что он был практически готов к этому шагу и нуждался только в толчке, который подчеркнул бы низкую степень дееспособности и сопротивляемости перезревшей и дискредитировавшей себя власти, вызвавшей негодование народа.

Удачное начало процесса в Тунисе и еще больший успех Египта (учитывая его размеры и авторитет в арабском мире)

помогли резко ускорить практическое осуществление западных замыслов в БВСА. При этом совершенно очевидно, что основной упор делался на целенаправленное разрушение сложившихся надстроечных структур, вообще институтов политической власти в надежде на то, что окрепший за годы реформ экономический базис сам по себе подготовит условия, в которых может зародиться и вызреть новый тип государственного устройства, альтернативный фасадной демократии авторитарных арабских режимов.

Между тем подобные упования не имеют под собой почвы, поскольку именно экономика, действительно добившаяся в своей макроэкономической нише заметных успехов, оказалась абсолютно неспособной улучшить существование огромных арабских масс. И в своем нынешнем виде, т.е. после протестных движений, она не обрела никаких дополнительных стимулов, чтобы служить именно общенациональным интересам.

Истекшие минимум два десятилетия и особенно события последнего года в этом смысле можно рассматривать как весьма иллюстративные. Они показывают, что западный мир очень мало озабочен последствиями такой методики перестройки системы функционирования власти в арабских пределах, которая опирается главным образом не на созидательные усилия, а на разрушительное воздействие, направленное на подрыв основ жизнеспособности и на взрывную дезорганизацию не только политического, но и экономического пространства арабских государств.

В этом смысле навязывание со стороны МВФ рецептов стабилизации экономики и структурных реформ хозяйственных систем допустимо рассматривать в ретроспективе как своего рода инициирующую народный протест акцию. Эта последняя создала непосредственные предпосылки для такого взрыва. Она наверняка не задумывалась как таковая изначально, но в принципе и без того было ясно, что рано или поздно даже без применения других инструментов несоответствие между рыночной моделью экономического роста и консервативной системой подходов к хозяйствованию породит конфликт, который затронет саму суть отношений между обществом и властью. Хотя, видя вялое развитие арабского мира, мало кто предполагал, что конфликт сможет перерасти в мощный кризис и возыметь столь динамичные и серьезные последствия для политической системы целого ряда государств.

На этом фоне непреложным остается факт, что в арабском мире появились анклавы хаоса и нестабильности, что представляет опасность для непосредственно подвергшихся испытаниям государств и является угрозой для богатых стран региона, но допустимо для Запада. Здесь понимают, что монолитные государства труднее держать под контролем, чем те, что сгорают в междоусобной борьбе, конфессиональной вражде или в социальных беспорядках.

По существу арабский мир стоит ныне перед серьезнейшей проблемой поиска путей дальнейшего развития. Он оказался в тупике, поскольку испробовал разные способы модернизации, чтобы преодолеть отсталость, но не получил однозначно положительного результата.

Социалистическая ориентация, или, вернее, усеченный капитализм, не смог обеспечить качественного рывка, хотя и позволил заложить основы индустриализации и интенсификации сельского хозяйства. Попытки перехода на рыночные рельсы в странах, ориентировавшихся на капитализм, принесли пользу лишь части общества. Последовавший в тех и других государствах протестный взрыв также ничего не дал с точки зрения оптимизации потребления – ни одна из возможных формул не действует к всеобщему благу. Исключением стал капитализм в монархиях Персидского залива, который продемонстрировал результат только потому, что доходы от нефти позволили минимизировать проблемы с инвестициями и не допустить дисбалансов в материальной сфере.

Хронические дисбалансы в других арабских странах всегда сужали зону успеха в разных нишах, меньше затронув социальную область как наиболее выгодную с точки зрения демонстрации достижений, которые действительно наблюдались в здравоохранении и образовании. Однако и здесь перекос привел к возникновению дисбаланса, оказавшегося самым опасным. Безработная молодежь стала тем своего рода «призывным контингентом», который смог отмобилизоваться лучше других политических сил и нанести сокрушительный удар по политической системе авторитаризма.

Однако этот момент, видимо, не следует рассматривать в качестве завершающего эпоху авторитарного управления на Арабском Востоке. Для этого регион пока не прошел еще необходимую эволюцию, хранит в себе огромный потенциал бюрократизированного централизованного управления и должен

преодолеть длительный период размывания соответствующих структур, чтобы изжить черты авторитарной «девиантности» и стать частью демократически унифицированного мира.

Процесс создания в этих условиях иной системы связей, которая, так или иначе, должна будет учитывать появление новой ударной силы в лице молодежи, еще только начинается. Перспективы симбиоза политического ислама с демократией и молодежным энтузиазмом для арабского мира пока неясны. Многое будет зависеть от того, насколько мощной будет общая дестабилизация положения на Ближнем Востоке и в Северной Африке и вокруг региона в целом после смены режимов. Первостепенное значение здесь имеет вопрос о том, какие силы в итоге придут к власти в потерпевших арабских странах, насколько сменившееся руководство будет расположено принимать во внимание западные ценности и будут ли адекватны установки новых лидеров потребностям национального строительства, задачам реального улучшения жизни масс и достижения общественного согласия.

1. www.thedailynewsegypt.com/economy/Cost-of-Arab-Spring-more-than-$55-billion:-report-dp2.html
2. Агенда аль-яум. BBC. 24.02.2011.
3. Международная жизнь, февраль 2012, с. 51.

Владимир (Зеэв) Ханин

ИЗРАИЛЬ И «ХАМАССТАН» В СЕКТОРЕ ГАЗЫ: АСПЕКТЫ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ

Обострение летом 2011 года конфликта вокруг сектора Газы нарушило неформальное перемирие между Израилем и контролирующим сектор палестинским движением радикальных исламистов ХАМАС. Это «затишье», которое базирующиеся в Газе террористические организации предпочитали, с теми или иными нарушениями, соблюдать с начала 2009 года, стало итогом проведенных ЦАХАЛом (Армией обороны Израиля) двух антитеррористических операций. Первой, носившей более ограниченный характер, была операция «Летние дожди» в июне-ноябре 2006 г., второй, намного более масштабной, была прошедшая в декабре 2008 – январе 2009 годов операция «Литой свинец».

Новый виток вооруженного противостояния в очередной раз поставил перед военным и политическим руководством Израиля вопрос об оптимальной политике по отношению к сектору, власть в котором с июля 2007 г. реально принадлежит террористической исламистской организации ХАМАС. Вопрос тем более существенный, что в отличие от организации «светских националистов» ФАТХ/ООП, формально возглавляющей официальные структуры палестинских территорий, распавшихся на два анклава (на Западном берегу р. Иордан и в секторе Газа), и по крайней мере на словах признающей идею мирного урегулирования с Израилем по модели «два государства для двух народов», ХАМАС в принципе не признает право Израиля на существование в каких бы то ни было статусе и границах.

Военно-политический фон

События развивались следующим образом. В четверг 18 августа 2011 года в районе израильского курортного города

Эйлат произошла серия терактов, ответственность за которые взяло на себя военное крыло базирующейся в секторе Газы палестинской террористической организации «Комитеты народного сопротивления». (Речь идет о сравнительно небольшой группировке – около тысячи человек, – отколовшейся от ФАТХ/ООП после подписания ее лидерами с Израилем «соглашений Осло»).

Террористы проникли из сектора через подземные туннели на Синайский полуостров, а оттуда на юг Израиля через слабо защищенную границу с Египтом. Они обстреляли два пассажирских автобуса, а выехавший на место обстрела армейский джип подорвался на заложенном фугасе. Восемь израильтян погибли, десятки получили ранения. Семеро из двенадцати террористов были уничтожены израильскими спецслужбами на месте, остальные – ударом с воздуха на египетской территории, где они пытались скрыться после теракта. (Как минимум, трое боевиков оказались египетскими гражданами, один из которых был осужден в Египте, но, как и многие другие египетские исламисты, во время свержения режима Хосни Мубарака бежал из тюрьмы в сектор Газы). Что касается пославших их на «дело» членов верхушки КНС (которые, кроме всего прочего, были причастны к похищению израильского военнослужащего Гилада Шалита летом 2006 года), то они были ликвидированы в секторе Газы израильской авиацией в течение следующих нескольких часов.

В ответ боевики этой и других действующих в Газе террористических группировок в течение последующих трех дней проводили интенсивный обстрел городов и поселков израильского юга, включая Беэр-Шеву, Ашкелон и Ашдод, выпустив в общей сложности более ста минометных снарядов и ракет, которые в основном разорвались на открытой местности, не причинив особого вреда (некоторые ракеты упали в самом секторе Газы, еще несколько разорвались на территории Египта). Что же касается тех, которые достигли обозначенной палестинскими террористами цели – жилые кварталы городов северного и западного Негева, то большинство из них (по данным пресс-службы ЦАХАЛа, порядка 90%) были перехвачены новой израильской системой ПРО «Железный купол», позволившей минимизировать потери среди гражданского населения Израиля и доказавшей, таким образом, свою сравнительно высокую эффективность.

Со своей стороны, ВВС ЦАХАЛа провели ряд успешных операций возмездия, уничтожив с воздуха большинство звеньев ракетчиков до, во время или непосредственно после запусков ими «Касамов» и «Градов». Кроме того, был «распечатан» первый «банк целей», включающий места концентрации и штабы оперативных группировок боевых подразделений террористов, их тренировочные базы, склады и мастерские вооружений, а также некоторые из туннелей, по которым из Синайского полуострова в Газу осуществляется контрабанда оружия. Тем не менее, вопреки ожиданиям немалой части израильтян и настояниям ряда политиков и военных, повторения масштабной наземной операции по модели «Литого свинца» не произошло. Ночное заседание военно-политического кабинета 22–23 августа 2011 г. завершилось решением правительства Израиля «воздержаться от любых действий, которые могут привести к эскалации насилия на юге страны».

Собственно, перемирия вновь запросил ХАМАС, руководство которого вполне отдавало себе отчет в точности картины, которую уже в конце второго дня военных действий нарисовал министр обороны Израиля Эхуд Барак. По его словам, к тому моменту лидеры боевиков КНС и выразивших с ними «солидарность делом» других террористических группировок «уже находились либо в земле, либо под землей». (То есть они либо уничтожены, либо спрятались в глубоких бункерах и, по словам журналистов, «недоступны для комментариев»). Потому глава ХАМАСа в Газе И. Хания и члены его правительства, наполняя эфир многослойными цветистыми угрозами в адрес «сионистского врага», принялись энергично упрашивать Каир, глав ЛАГ, Анкару и вообще всех, кто готов был их слушать, немедленно вмешаться и остановить израильские атаки.

Показательно, что среди адресатов этих обращений на этот раз не было не только американцев и большинства европейцев, но и россиян. Последние, насколько можно судить, были явно раздражены тем, как окопавшиеся в Газе исламисты, почти не задумываясь, проигнорировали обязательства, взятые ими на себя в ходе организованной российским МИДом подмосковной «примирительной» встречи палестинских организаций (включая ФАТХ и ХАМАС), полностью ликвидировав тем самым одно из немногих самостоятельных достижений российской дипломатии на палестинском поле. Не случайно, спецпредставитель президента РФ по сотрудничеству со стра-

нами Африки, глава Комитета Совета Федерации по международным делам Михаил Маргелов, жестко осудивший в интервью ИА ИТАР-ТАСС «подлый теракт» под Эйлатом, не нашел иных определений для ХАМАСа кроме как «политическое убожество», действия которого лишают его прав считать себя политическим движением.

В конечном итоге, очередные «неформальные договоренности» были достигнуты с помощью Египта, временное военное руководство которого было более других заинтересовано в разрядке напряженности на границе Синайского полуострова, Израиля и Газы. Уже 22 августа пресс-секретарь ХАМАСа Тахер Нуну сообщил о «неформальном перемирии» с Израилем, к которому якобы присоединились и другие действующие в секторе террористические группировки. В свою очередь представители Израиля подчеркнули, что правительство страны «не вело ни прямых, ни через египетское посредничество, переговоров с ХАМАС по поводу прекращения огня, и палестинские террористы решили прекратить огонь в одностороннем порядке». При этом ЦАХАЛ готов в том случае, если «заявления террористов о прекращении обстрелов из Газы будут подкреплены действиями», также завершить на этом «точечные ликвидации» и иные акции возмездия.

Тактические аспекты

В Израиле данный шаг военно-политического руководства страны вызвал немалое общественное недовольство, особенно среди жителей пострадавшего от обстрелов из Газы израильского юга, и упреки со стороны оппозиции, причем не только правой, но и левой. С резкой критикой решения премьер-министра Биньямина Нетаньяху и министра обороны Эхуда Барака выступила Ципи Ливни, глава ведущей оппозиционной партии Кадима, обычно позиционирующей себя левее правящего правоцентристского Ликуда. А член той же партии и председатель комиссии Кнессета по иностранным делам и обороне Шауль Мофаз обвинил правительство в «неоправданной умеренности» и потребовал от него физической ликвидации лидеров ХАМАСа (чего, кстати, по данным опроса института «Панельс» для телеканала Кнессета, желали и 86% израильтян),

чтобы положить конец власти этой террористической группировки в секторе Газы.

Впрочем, поскольку тот же Мофаз еще за несколько недель до этого критиковал Нетаньяху за «неспособность взглянуть в лицо реальности», требующей, по мнению парламентария, прямых переговоров Израиля с правительством ХАМАСа в Газе, его новая сентенция не произвела особого впечатления. Намного большее воздействие имело то обстоятельство, что объявленное ХАМАСом прекращение огня было сорвано в тот же вечер боевиками из «Исламского джихада» и Народного фронта освобождения Палестины. В течение ночи ЦАХАЛ воздерживался от ответных действий, но поскольку на территорию Израиля продолжали падать ракеты из сектора, с рассветом 23 августа он возобновил точечные ликвидации звеньев ракетчиков и полевых командиров палестинских боевиков, вновь «подвигнув» лидеров ХАМАСа срочно обратиться к посредникам с целью возобновления режима прекращения огня.

Очевидно, что на том этапе и израильская сторона была заинтересована пойти навстречу желанию ХАМАСа в минимизации конфликта и восстановлении «неформального перемирия». Однако такой вывод не снимает действительно кардинальный вопрос том, какими же стратегическими и тактическими соображениями руководствовалась команда Нетаньяху, выстраивая линию правительства в отношении «Хамасстана» в Газе, как в оперативном плане, так и в более долгосрочной перспективе.

В израильской прессе циркулировали несколько версий, объясняющих выбор военно-политического руководства страны. Согласно первому мнению, израильское правительство было в наибольшей степени озабочено стабильностью «постреволюционного» правительства маршала Мохаммеда Тантауи в Египте, в случае падения которого сохранение Кемп-Дэвидского мирного договора между двумя странами может оказаться под угрозой. А это может случиться тем скорее, чем явственнее станет факт почти полной потери Каиром контроля над Синайским полуостровом вообще и его границей с Израилем и Газой, в частности.

С момента падения правительства Х. Мубарака и прихода в Египте к власти «временного революционного правительства» Синай фактически перешел под контроль кочующих там бедуинских племен, действия которых уже становятся явной угрозой базовым стратегическим интересам Египта. Так, уго-

ловно-террористические банды (сложно сказать, какой из мотивов там доминировал) многократно взрывали трубопроводы, обеспечивающие экспорт египетского газа в Израиль, Иорданию и Сирию, являющийся вторым по значению (после туризма, существенная часть которого тоже связана с курортами Синая) источником внешних доходов страны. На полуострове с беспрецедентной скоростью развивается сеть нелегальной транспортировки оружия, а также людей, наркотиков, и массы других видов контрабанды. Излишне упоминать, что адресом едва ли не львиной доли этих вооружений и иной контрабанды является сектор Газы.

Существенная часть этого потока оружия берет начало в Ливии, где горы оказавшихся «бесхозными» в ходе гражданской войны вооружений попали в руки исламистских структур и массово переправляются через практически неохраняемую границу с Египтом на Синай и оттуда в Газу. Причем египтяне, несмотря на несколько «показательных операций», предпринимают даже меньше усилий, чем ранее предпринимало правительство Мубарака, по прекращению этой контрабанды. Информация, распространенная пресс-службой правительства Израиля, о том, в руки ХАМАСа попали ранее находившиеся в Ливии противовоздушные и противотанковые ракеты, в том числе ПЗРК «Стрела-2», отражает, судя по всему, лишь видимую часть айсберга. (Всего, по оценкам НАТО, за время военного противостояния в Ливии с армейских складов было похищено порядка 10 тысяч таких комплексов).

За время, прошедшее после событий на площади Ат-Тахрир, управляющие сектором радикальные исламисты успели при поддержке египетских «Братьев-мусульман» (палестинским филиалом которых и является ХАМАС) и международных террористических сетей завершить процесс превращения северной части полуострова в «задний двор» своего режима. А тот, по имеющимся данным, буквально напичкан складами оружия и боеприпасов, перевалочными, тренировочными и транспортными базами и иными объектами террористической инфраструктуры. Иными словами, задача полного уничтожения «Хамасстана» в Газе сегодня уже может потребовать не только проведения операции «Литой свинец-2» в самом секторе, но и в известном смысле, «второй синайской кампании».

Одним из последствий такой операции ЦАХАЛа по зачистке Синая может стать ненужное Израилю столкновение с руко-

водством Египта, которое, при всех сложностях израильско-египетских отношений, вполне осознает критическое значение сохранения мира с Израилем как для собственного выживания, так и предотвращения экономического и политического коллапса Египта в целом. Если следовать подобной точке зрения, то в этих условиях Израилю было рациональней выждать, пока египетское правительство наведет хотя бы минимальный порядок в этой своей провинции и восстановит контроль над ситуацией на границе Синая и сектора Газа, со своей стороны, не делая «резких движений» и максимально способствуя этому процессу. 26 августа 2011 года стало известно, что министр обороны Израиля Эхуд Барак, полагая, что «стратегические интересы иногда нужно подчинить тактическим», разрешил дислоцировать в Синае тысячи египетских солдат, которые будут там действовать под прикрытием вертолетов ВВС Египта, причем этот шаг получил поддержку премьер-министра Биньямина Нетаньяху.

В этой связи отметим заявление посла Египта в Израиле Ясера Отмана, чуть было не отозванного сгоряча Каиром после египетско-израильского инцидента в северной части Синая. Речь идет о гибели от огня израильтян, преследовавших исполнителей терактов возле Эйлата, нескольких египетских военнослужащих (или одетых в египетскую форму террористов), что и вызвало в Египте антиизраильскою истерию. В интервью палестинскому информационному агентству МААН Ясер Отман заявил, что именно его страна «предотвратила масштабную зачистку Газы». Учитывая, что сказанное предназначалось арабской, прежде всего – египетской публике, трудно утверждать, сколько было в этом заявлении правды, а сколько – желания египтян получить от ситуации хоть какие-то политические дивиденды.

Второй популярной версией является стремление руководства Израиля не ввязываться в многодневную, а то и многонедельную сухопутную военную операцию в секторе без соответствующей дипломатической подготовки кампании. Это могло быть чревато новой делигитимизацией Израиля, особенно неприятной для него в контексте усилий, которые тогда предпринимал израильский МИД для противодействия стремлению ПНА провести через ООН требование о признании независимого палестинского государства вне контекста переговоров с Израилем и на неприемлемых для него условиях.

Возможные сценарии

Обе эти вполне резонные версии более относятся к политической тактике, чем к ответу на все тот же вопрос, как решить – если не «раз и навсегда», то «всерьез и надолго» – проблемы, проистекающие из наличия в Газе террористического анклава радикальных исламистов. В том, что тянуть с решением этой проблемы невозможно, в Израиле ни у кого уже сомнений нет. Боевое крыло ХАМАСа и других террористических организаций в значительной степени восстановило свои сильно расстроенные операцией «Литой свинец» ряды, а в сектор, как отмечалось, нескончаемым потоком идут разнообразные, в том числе ранее не имевшиеся там вооружения.

Кроме того, Газа превращается в одно из крупнейших в мире «охраняемых убежищ» для членов ранее запрещенных «Братьев-мусульман» и активистов других радикальных исламских движений и филиалов международных террористических сетей. (Многие из которых оказались на свободе после того, как массовые выступления привели к падению ряда «прозападных» арабских режимов).

Поэтому выбор израильским правительством стратегической линии в отношении «Хамасстана» явно перешел из долгосрочных в категорию оперативных решений. Обсуждаемые сегодня в этой связи в военно-политическом, дипломатическом, информационном и экспертном сообществах идеи мало отличаются от сценариев, циркулировавших в этих кругах все последние годы, разница (существенная!) имеется лишь в акцентах.

К числу наименее реалистичных сценариев, видимо, сегодня следует отнести некогда популярную в левой части израильского политического спектра идею решения проблемы ХАМАСа и Газы в контексте урегулирования между Израилем и Палестинской национальной администрацией (ПНА). Причем некоторые из израильских «левых» были даже готовы «купить» предложенную в свое время Абу Мазеном схему: «вывести ХАМАС за скобки» и вести переговоры не с ПНА, а с ООП – организацией, с которой Израиль, собственно, и подписывал «соглашения Осло». Сторонники этой идеи строили свои расчеты на том, что промежуточное, а затем по-

стоянное соглашение с этой организацией на основе «принципов Осло», создаст динамику, в которую будут втянуты и исламские радикалы из движения ХАМАС. А та, в свою очередь, приведет к его «нормализации», даже если официально лидеры ХАМАСа будут заявлять, что они все еще не готовы признать Израиль и ранее заключенные с ним ООП соглашения. Очевидно, что все эти идеи в свете последних событий выглядят наименее реалистичными, чем когда бы то ни было.

Большинству израильтян, причастных к принятию решений, сегодня очевидна бесперспективность поиска единой линии по отношению к ПНА в свете окончательного распада управляемых ею территорий на «Фатхленд» на Западном берегу и «Хамасстан» в Газе и необходимость выстраивания самостоятельной политики по отношению к каждому из них.

Водоразделом стало упомянутое одностороннее обращение лидеров ПНА в ООН, которые, с точки зрения нынешнего политического руководства Израиля, практически означало отказ (причем по инициативе лидеров ПНА/ООП) от парадигмы отношений с Израилем в «формате Осло».

Что же касается «Хамасстана» в Газе, то речь в данном случае идет о четырех возможных стратегических альтернативах.

Наименьшее число сторонников имеет все еще циркулирующая в ультралевых кругах Израиля идея признать и установить официальные контакты с правительством ХАМАСа и вступить с ним в переговоры «без предварительных условий». (То есть без согласия исламистов на ультимативные требования международного сообщества – признание Израиля и всех ранее заключенных израильско-палестинских соглашений и отказ от террористической деятельности). Есть крайне немного шансов на то, что представители этого лагеря, которые сегодня находятся «в глубокой» (как блок МЕРЕЦ) или даже «несистемной» (как лидеры ряда израильских арабских партий) оппозиции, получат доступ к реализации национальной стратегии в обозримом будущем. Поэтому их концепция на сегодняшний день носит сугубо отвлеченный характер.

Больше шансов на переход в оперативную плоскость у двух других сценариев, связанных с силовым демонтажем режима радикальных исламистов в Газе. Согласно первому – «зачистить и остаться», – ЦАХАЛу следует провести в секторе

широкомасштабную военную операцию, физически ликвидировав там все действующие террористические организации, равно как и условия для их восстановления в будущем. А правительство Израиля, в свою очередь, должно обеспечить этот процесс восстановлением долгосрочного прямого административного контроля над Газой. Сторонники этого сценария, которых особенно много в аналитических кругах близких к правому флангу крупнейших коалиционных партий Ликуд и НДИ, а также правооппозиционного блока «Национальное единство», отдают себе отчет в его возможных дипломатических последствиях. И потому полагают желательным заручиться официальным или неформальным согласием США, а также «ближневосточной четверки посредников» и/или «умеренных арабских режимов». Но при этом они считают, что и при отсутствии такого понимания, позитивный эффект для экономики и безопасности Израиля от реализации предлагаемого ими сценария значительно перекроет дипломатические издержки.

Второй сценарий – «зачистить и уйти» – предполагает, как и в первом случае, силовое уничтожение в Газе военной и «гражданской» инфраструктуры местных и международных террористических сетей. Израилю при этом не следует формально вновь оккупировать Газу, а передать ее после завершения необходимых антитеррористических мероприятий «ответственной внешней силе» (возможно, оставив под контролем ЦАХАЛа «филадельфийский коридор» вдоль границы с Египтом и зоны безопасности на севере и западе сектора). Мнения о возможных кандидатах на роль этой силы расходятся. Понятно, что менее всего в этом смысле подходит администрация в Рамалле. Это потребует от Абу-Мазена административно-силовых ресурсов, которых он не имеет и каковых ни от кого не получит, если не примет израильскую схему урегулирования палестино-израильского конфликта в целом, на что у него сегодня нет политической воли, и вряд ли она у него появится в будущем.

Не больше шансов и на то, что в этой функции, как многие надеялись в прошлом, сможет или захочет выступить Египет. Нынешнее «революционное правительство» Египта почти не справляется, как было показано выше, с контролем над стратегически важными для него районами малонаселенного Синайского полуострова, и тем более сомнительна его спо-

собность взять под контроль ситуацию в перенаселенном секторе Газы. Даже если египтяне и пойдут на этот вариант (например, в ответ на «предложения, от которых нельзя отказаться»), он потребует массированного египетского военного присутствия на Синае и, следовательно, пересмотра Кемп-Дэвидского мирного договора между Израилем и Египтом. А это уже кардинально меняет стратегическое положение в регионе, что закономерно вызывает резкое возражение израильских военных и многих политиков. Наконец, весь этот проект будет совсем уже контрпродуктивным для Израиля в случае, если «переходное» военное правительство Египта рано или поздно уступит власть не «светским националистам» или коалиционному правительству, худо-бедно заинтересованному сохранить с Израилем прежние отношения «холодного мира», а радикальным исламистам, например, египетским «Братьям-мусульманам», филиалом которых и является ХАМАС.

Коль скоро «египетский вариант» возвращения Газы к ситуации до войны 1967 года не выглядит перспективным, на поверхности в качестве возможной альтернативы вновь появился так называемый «чеченский вариант». Последний, как и во всех предыдущих силовых сценариях, предполагает израильскую зачистку Газы, с последующей передачей контроля и власти в секторе предварительно найденным там местным партнерам, с которыми можно будет иметь дело. Выбор в этом смысле, надо сказать, весьма небогатый. Ибо речь, учитывая структуру местного общества, может лишь идти о лидерах семейно-общинных кланов, вождях «осевших» в Газе бедуинских племен, либо шейхах мусульманских сект и местных филиалов исламских духовных орденов (тарикатов). Проблема заключается в том, что как многие структурные подразделения ХАМАСа, так и ряд других военизированных групп в секторе являются ничем иным, как боевыми фракциями вышеуказанных родоплеменных и религиозных сообществ, часть из которых придерживается еще более радикальных, чем «Братья-мусульмане», салафитских версий ислама и нередко связана с «Аль-Каидой». (Наиболее известный пример такого рода – «Армия Ислама», она же «Бригады джихада» – военизированное крыло клана Дугмуш). Сложно предположить, что Израиль может не только по моральным, но и по практическим соображениям пойти на долгосрочное партнерство с ка-

кой-то из этих сил, даже в случае заинтересованности этих последних.

Потому есть и те, кто предлагает не ограничивать арабским миром поиск субъекта, который был бы в состоянии как взять на себя управление сектором и решение его социально-экономических проблем, так и предложить эффективный механизм его демилитаризации и твердых мер безопасности. Так, в последнее время в экспертных кругах стали говорить о возможности еще раз взвесить старую идею нынешнего главы МИДа Израиля Авигдора Либермана о привлечении на эту роль, соответственно, Евросоюза и НАТО, «уговорить» которых будет тоже совсем не просто.

Экзамен ХАМАСа

Четвертой из предлагаемых стратегий является тоже достаточно старая идея «управления кризисом в Газе без управления Газой». Этот подход, которым в последний период своего существования руководствовалось прежнее правительство Эхуда Ольмерта-Ципи Ливни, активно критиковал, будучи лидером оппозиции, нынешний премьер-министр Биньямин Нетаньяху, который сегодня, похоже, склоняется к его «модернизированному варианту» – даже если речь идет о временном решении. На практике это означает сочетание более эффективных, чем ранее, методов экономического, политического и дипломатического давления на правительство ХАМАСа в Газе, с проведением, в нужных случаях, интенсивных ограниченных операций и точечных ликвидаций лидеров террористов. Данный подход, с одной стороны, позволяет отказаться как от «правой», так и «ультралевой» стратегий, то есть не оккупировать вновь Газу, но и не вести с ХАМАСом прямых переговоров на его условиях. И он же, с другой стороны, оставляя правительство ХАМАСа ответственным за ситуацию в секторе, делает его «легитимным объектом возмездия» в случае перехода террористами неофициально установленной, но от этого не менее четко очерченной «красной черты».

Реализация такого сценария зависит сегодня в большей степени от ХАМАСа, чем от израильского руководства. То есть, от наличия у правительства Хании желания в намного

большей степени, чем ранее, придерживаться, по сути, навязанных ему правил игры и его реальной способности достаточно жестко контролировать многочисленные боевые фракции упомянутых выше общинно-родовых и этноконфессиональных сообществ Газы.

Схема, которой лидеры ХАМАСа придерживались примерно до конца лета 2009 года, базировалась на, так сказать, «конкурентном сотрудничестве» (несмотря на разногласия и даже нередкие боевые столкновения) с соперничающими с ним террористическими организациями. Этот порядок вполне отвечал цели правительства Исмаила Хании создать в глазах Запада иллюзию о ХАМАСе как единственной силе, способной после эпохи «войны всех против всех» вернуть порядок и безопасность на улицы Газы. ХАМАС мог позволить себе предпринять некоторые действия, направленные на формирование имиджа сравнительно «умеренной» структуры, с которой силы, заинтересованные в том, чтобы не допустить «гуманитарной катастрофы» в секторе, могут иметь дело. А это – шаг к фактической легитимации правительства Хании, ибо «если разговаривают – значит признают». Что никак не мешало ХАМАСу продолжать боевую активность под вывеской своих «конкурентов-союзников» из «Исламского джихада», Комитетов народного сопротивления, Народного фронта освобождения Палестины, Демократического фронта освобождения Палестины и т.д., оставаясь, таким образом, в глазах палестинских арабов организацией, которая, несмотря на внешнее давление, «не поступилась идеологическими принципами».

В основе этой схемы лежали предоставленные ХАМАСом его партнерам своего рода «гарантии безопасности», исходившие из представления о том, что ЦАХАЛ в любом случае не пойдет на широкомасштабную зачистку сектора. Ибо она, как считалось, потребует многонедельного, а то и многомесячного штурма расположенных в густонаселенных кварталах эшелонированных укрепрайонов, занятых примерно 10 000 боевиков террористических структур. Причем на протяжении всего этого времени на города и поселки израильского юга будут сыпаться сотни, если не тысячи ракет. Жертвы гражданского населения, которое террористы будут широко использовать в качестве «живого щита», будут чудовищными, соответственно, моральные и дипломатические издержки для Израиля –

колоссальными, а неизмеримо меньшие (по понятиям ХАМАСа – просто ничтожные) потери израильтян создадут совершенно невыносимую ситуацию в глазах израильского общественного мнения, которое немедленно потребует от своего руководства остановить операцию.

Все эти представления не выдержали испытания практикой. Вопреки расчетам лидеров исламских террористов, зимой 2008–09 годов правительство Ольмерта дало указание ЦАХАЛу провести в секторе масштабную операцию «Литой свинец». Военная инфраструктура ХАМАСа и прочих террористических фракций развалилась очень быстро, причем массовых жертв непричастного к боевым организациям арабского населения удалось избежать (поток дезинформации в арабских и ряде мировых СМИ по этому поводу не имел ни малейшего отношения к реальности). Далее, потери среди бойцов ЦАХАЛа и гражданского населения Израиля были несопоставимо ниже самых оптимистичных прогнозов, а общество демонстрировало стойкость, полную поддержку действий армии и понимание ситуации. Иными словами, операция оказалась высокоэффективной в военном отношении и была остановлена «за двадцать минут» до полного уничтожения ХАМАСа по сугубо политическим причинам. Тем не менее она ознаменовала стремление израильского военно-политического руководства к установлению фундаментально новых правил игры. Эта тенденция уже после прихода к власти в марте 2009 правительства Биньямина Нетаньяху была подкреплена концепцией «нулевой толерантности» (то есть немедленного и «диспропорционального» реагирования) на каждую вылазку боевиков из Газы, примером чего была антитеррористическая операция ВВС Израиля летом 2011 года.

Итак, сегодня руководству ХАМАСа уже должно быть ясно, что релевантность его старой поведенческой модели нынешним условиям находится под большим вопросом. Тем более, что альтернативные ресурсы – попытки получить «зонтик безопасности», договорившись о «перемирии» с Абу-Мазеном, или задействовать агентуру ХАМАСа в среде израильских арабов и европейских «правозащитников», устроивших несколько шумных, но малоэффективных антиизраильских провокаций (типа заплывов «газских флотилий»), были крайне незначительны и быстро себя исчерпали. Однако является ли это для лидеров ХАМАСа ультимативной причиной принять

предлагаемую им новую (точнее, модернизированную старую) поведенческую схему?

С одной стороны, команда Хании демонстрирует некоторую готовность к этому. В частности, движение ХАМАС отвергло причастность к августовскому теракту возле Эйлата, его боевики были последними, кто начал запускать ракеты по израильской территории, и первыми, кто прекратил огонь. А главы ХАМАСа почти смирились на этом этапе со статусом «дежурных мальчиков для битья» и даже на протяжении всей второй половины 2011 года предпринимали определенные попытки убедить остальные вооруженные палестинские группировки прекратить ракетные обстрелы израильского юга. (Сопровождая, разумеется, эти шаги звонкими исламистскими лозунгами и цветистыми угрозами в адрес Израиля). Согласно сообщениям египетских СМИ, лидеры ХАМАСа также якобы достигли договоренности с Египтом, который попал в сложную ситуацию, вызванную неоднократными попытками взорвать трубопровод, поставляющий природный газ в Иорданию и Израиль, и другими актами саботажа на Синайском полуострове. Если верить этим данным, выработанное соглашение предполагает «активную совместную работу властей Египта и ХАМАСа по предотвращению контрабанды вооружений в сектор Газы». Эта же договоренность, по тем же источникам, уже позволила силам безопасности Египта ужесточить контроль над границей в районе КПП Рафиах и подготовить операцию по уничтожению части контрабандных тоннелей, соединяющих сектор с Синайский полуостровом.

С другой стороны, лидеры ХАМАСа не могут не понимать, что их фактическое согласие на предлагаемый Израилем режим отношений и поддержание этого режима в стратегической перспективе может нанести урон авторитету их движения, лишив его статуса «патриотической альтернативы соглашателям из ФАТХ/ООП». Соответственно, такой шаг обессмыслил бы претензии лидеров ХАМАСа на монопольную власть в секторе, не говоря уже о резком снижении в этом случае ценности группировки в глазах ее иранских и прочих внешних спонсоров. Не случайно, «Исламский джихад», Комитеты народного сопротивления и прочие организации уже довольно давно демонстрируют свое желание стать основными партнерами Тегерана вместо «недостаточно антиизраильского», как они утверждают, ХАМАСа.

Заключение

Учитывая, что шансы на договоренность с ПНА и ООП после одностороннего демарша их вождей в ООН, по мнению большинства израильских экспертов, в современной ситуации «стремятся к нулю», израильское руководство вполне может считать для себя возможным ограничить формат отношений с ПНА неким «квазипереговорным процессом на медленном огне» (что, собственно, и происходит под эгидой короля Иордании в начале 2012 года). Это, в свою очередь, позволяет выстраивать самостоятельную линию по отношению к «Хамасстану» в секторе Газы вне отношений с доменом Абу-Мазена на Западном берегу р. Иордан и вне позиций и интересов его лидеров.

Своего рода «лакмусовой бумагой» стратегии израильских элит в отношении террористического анклава исламских фундаменталистов в Газе стала сделка по освобождению из многолетнего плена в Газе израильского военнослужащего Гилада Шалита. Цена за его освобождение (1027 палестинских террористов) была уплачена высокая, причем израильское руководство долгое время воздерживалось от этого шага. Причиной были не только соображения безопасности и протесты тех израильтян, которые не считали возможным пойти на нарушение традиционного израильского принципа – ни при каких обстоятельствах не выпускать террористов «с кровью на руках», но и решительные возражения лидеров ООП.

Со своей стороны, до тех пор, пока у израильского руководства оставалась надежда достичь сначала рамочного, а потом и окончательного урегулирования с Палестинской национальной администрацией, и в этом контексте решить проблемы Газы, к мнению Махмуда Аббаса по различным поводам прислушивались и воздерживались от шагов, которые могли бы ослабить «умеренные» палестинские круги и усилить их радикальных оппонентов. Ситуация, по мнению израильских лидеров, изменилась после того, как сами «светские националисты» из команды Абу-Мазена прямо объявили о невозможности найти устраивающую всех модель соглашения, в силу чего позиция Махмуда Аббаса больше не является

ультимативным фактором для правительства Израиля при принятии решений. С другой стороны, и ХАМАС проявляет некоторое желание играть по предлагаемым правилам в обмен на то, что с ним разговаривают – ибо если разговаривают, значит, признают.

С точки зрения руководства Израиля, способность ХАМАСа, не переходя зафиксированные ЦАХАЛом «красные линии», контролировать ситуацию в секторе Газы, и является критерием принятия на вооружение модели «управления кризисом в Газе без управления Газой» в среднесрочной, а возможно, и долгосрочной перспективе. Хотя бы потому, что это освобождает его время и внимание, необходимые для действий на других «фронтах».

Очевидно, тем не менее, что большинство израильтян ждет от своего правительства иного: полного демонтажа хамасовского режима в Газе и ликвидации «южного фронта». Всем понятно, что единственный реальный способ достичь этой цели заключается в проведении масштабной и окончательной зачистки сектора Газы по образцу осуществленной в 2002 г. ЦАХАЛом операции «Защитная стена», радикально подорвавшей инфраструктуру арабского террора на Западном берегу реки Иордан.

Израильское руководство долгое время не решалось на подобный шаг, и не военные соображения были тому первопричиной. Главными были политические факторы: противоречивое наследие инициированного в 90-х гг. левым лагерем «процесса ближневосточного урегулирования», а также последствия стратегии «одностороннего размежевания с палестинскими арабами», под флагом которой была проведена серьезная реструктуризация властно-собственнических структур в Израиле. Радикальный силовой сценарий вполне способен создать динамику, ставящую последнюю точку на уже исчерпавшей себя, по мнению многих в Израиле, концепции Осло. А с ней – на политических карьерах немалого числа израильских политиков из разных фракций политического спектра.

Односторонний демарш Абу-Мазена в ООН, по мнению многих экспертов, вполне способен запустить механизм окончательного демонтажа «норвежских соглашений» – причем по арабской инициативе. И если это так, то прежних политических самоограничений вроде бы уже нет, и дело только в обеспечении необходимых дипломатических условий и на-

дежного информационного фона. Вещь непростая и весьма ресурсоемкая, но при наличии политической воли не являющаяся для Израиля и его союзников чем-то из категории невозможных. Однако пока непонятно, насколько израильское правительство готово воспользоваться этим новым шансом.

1. Синайская кампания («Операция Кадеш», или Вторая арабо-израильская война) была осуществлена 29 октября – 5 ноября 1956 г. израильской армией на Синае и в секторе Газы. Среди ее целей была ликвидация действовавших там баз *фидаийун* (террористов), совершавших регулярные нападения на Израиль с юга.

Владимир (Зеэв) Ханин

ИЗРАИЛЬ И ПУТИ РЕШЕНИЯ ИРАНСКОЙ ЯДЕРНОЙ ПРОБЛЕМЫ

По общему мнению, именно текущий 2012 год обещает быть критичным для отношений мирового сообщества и Исламской Республики Иран. Стороны, активно вовлеченные в разрешение сложного клубка международных противоречий, возникших в связи с ускоренным развитием ИРИ военной компоненты своей ядерной программы, в первую очередь «шестерка стран-посредников» (пяти постоянных членов Совбеза ООН плюс Германия), а также Турция и некоторые арабские страны пытаются сформулировать Тегерану «предложения, от которых он не сможет отказаться», однако мало кто верит в то, что иранские аятоллы добровольно откажутся от возможности получить в свои руки ядерный потенциал.

Стамбульский казус

Это подтвердили и состоявшиеся 14 апреля с.г. в Стамбуле переговоры представителей «шестерки стран-посредников» с иранской делегацией, которые были объявлены «судьбоносными для мира на всем Ближнем Востоке» задолго до их начала. Эта встреча состоялась более чем через год после введения Советом Безопасности ООН жестких санкций в отношении экономической и финансовой сфер деятельности Ирана, не соблюдающего свои международные договоренности по развитию ядерных программ. Целью этих санкций, введённых по инициативе стран Запада, является побудить исламистское руководство ИРИ ограничить работы по обогащению урана и допустить международных наблюдателей на свои ядерные объекты.

Вашингтон и Брюссель долгое время соглашались с позицией РФ и Китая, категорически отвергавших «военный сценарий»,

на этот раз в Госдепе США и внешнеполитических ведомствах стран «евротройки» (Великобритании, Германии и Франции) высказались в том плане, что стамбульский раунд переговоров дает «последний шанс» выйти из иранского кризиса дипломатическими средствами. А их провал, соответственно, легитимизирует попытки решения проблемы силовыми методами.

Однако, столь решительно начавшись, стамбульская встреча завершилась на весьма минорном уровне. Судя по всему, стратегия иранского руководства, направленная на затягивание переговоров с тем, чтобы выиграть время для создания атомной бомбы, по крайней мере, на том этапе, принесла результаты. Так, главный переговорщик со стороны Ирана Саид Джалили отметил «достижения прогресса в переговорах» с шестью мировыми державами «по спорным вопросам» ядерной программы Тегерана и призвал к принятию мер по укреплению доверия к тому времени, когда возобновятся переговоры, которые должны состояться 23 мая в столице Ирака Багдаде.

Иранская делегация также выразила готовность сотрудничать с участниками переговоров, если Запад не будет оспаривать право Ирана на обогащение урана до 20%. А Высокий представитель Европейского союза по вопросам внешних связей и безопасности Кэтрин Эштон заявила по окончании встречи, что «переговоры в Стамбуле были полезными и конструктивными» и, несмотря на «низкие ожидания конкретных результатов от этой встречи», стороны «сдвинулись с мертвой точки». А случилось это, по мнению Эштон и ее помощника Майкла Манна, потому, что иранская сторона «продемонстрировала стремление к сотрудничеству желание добиться значительного прогресса».

Не вызвало удивления и то, что результатами раунда оказалась удовлетворена и Россия. РФ, как известно, сыграла немалую роль в развитии иранской ядерной программы, и потому, как отмечалось, наряду с Китаем не только решительно возражала против силового сценария обуздания военных ядерных амбиций Тегерана, но и против применения к Ирану экономических санкций. Во всяком случае, Москва настаивала на их снятии немедленно или «поэтапно», после появления первых признаков «конструктивного подхода» со стороны Тегерана. Именно эти признаки, судя по заявлению замминистра иностранных дел РФ Сергея Рябкова, рос-

сийская сторона и усмотрела в поведении иранской делегации в Стамбуле.

Однако были и те, кто был весьма разочарован подобным итогом нынешнего витка переговоров по иранской ядерной программе, и едва ли не в наибольшей степени это относится к руководству Государства Израиль. Именно его проблема ядерных вооружений Ирана, возглавляемого «пещерным» антисемитом и отрицателем Катастрофы Махмудом Ахмадинежадом, неоднократно грозившимся «стереть Израиль с политической карты мира», касается самым непосредственным образом. В Израиле, в принципе, весьма скептически оценивают перспективы договоренностей международного сообщества с Ираном, полагая, что последний, участвуя в бесконечных раундах переговоров с представителями стран «шестерки», МАГАТЭ или ООН и умело используя поддержку Москвы и Пекина, лишь тянет время в ожидании момента, когда его ядерный проект вступит в «зону безнаказанности».

Что же касается отношения израильтян к стамбульским декларациям, то о нем можно судить хотя бы по газетным заголовкам, которые в массе своей были вариациями на тему «Иран вновь обманул Запад». Большинство комментаторов с иронией отреагировали на заявление участвовавших в переговорах дипломатов о том, что стороны «наметили принципы ведения будущих переговоров и готовы перейти к нормальному диалогу». Так, с точки зрения премьер-министра Израиля Биньямина Нетаньяху, вместо того, чтобы ультимативно потребовать от Ирана немедленно прекратить процесс обогащения урана, извлечь обогащенный материал и разобрать установки в Куме, члены группы 5+1 фактически дали ему возможность на протяжении еще пяти недель беспрепятственно продолжать обогащать уран.

Региональный контекст

Заметим, что многочисленные обсуждения этой темы в мировых СМИ в большинстве случаев сводились к тому, что операция по ликвидации иранской военно-ядерной инфраструктуры будет предпринята Армией обороны Израиля, коль скоро именно еврейское государство, на первый взгляд, должно

быть в первую очередь заинтересовано в том, чтобы у режима аятолл не появилось атомное оружие.

Однако в Иерусалиме далеко не все убеждены, что именно Израиль станет единственной или даже главной из стран, чья безопасность может пострадать в случае если иранский военный ядерный проект будет доведен до конца. Многие израильские эксперты полагают, что в этом случае в той же «очереди» – и не факт, что позади Израиля, – будут стоять ближайшие ядерные соседи Ирана. А именно, Индия, возможно, Пакистан и, парадоксальным образом, Россия. Но главную угрозу ядерный Иран будет представлять «прозападным» суннитским арабским монархиям стран Персидского залива, являющимся непосредственным объектом «джихадистских» устремлений иранских шиитских радикалов.

Далеко не случайно, что Саудовская Аравия, по сообщениям прессы, уже озвучила угрозы приступить к разработке собственной военной ядерной программы, если Иран создаст ядерную бомбу. Показательно, что саудиты, несмотря на заявления разной степени громкости, на практике никогда не видели для себя угрозы в том, что подобным оружием, как считают на Западе и в арабском мире, уже более 40 лет якобы обладает Израиль, но считают, по словам высокопоставленного источника в Эр-Рияде, «совершенно неприемлемым, чтобы Иран имел ядерный потенциал, а Саудовское королевство его бы не имело»[1]. В таком же духе до своего свержения в начале прошлого года неоднократно высказывался и бывший президент Египта Хосни Мубарак, и не факт, что новое руководство этой страны, кто бы ни утвердился там у власти, в свете усиливающегося противостояния с Ираном готово полностью отказаться от этой доктрины своих предшественников.

Тем не менее в Израиле также не склонны преуменьшать возможную угрозу своей безопасности в случае, если в руках нынешних иранских лидеров окажется ядерное оружие и средства его доставки. В политическом и экспертном сообществе Израиля мало кто готов прогнозировать модели поведения правящих в Иране исламских фундаменталистов в рациональных категориях – намного больше тех, кто готов поверить, что «в случае, если у Ахмадинежада появится атомная бомба, есть высокая вероятность того, что он ею воспользуется»[2]. Кроме того, даже если крайний вариант этого сценария и не состоится, «ядерный зонтик», который Иран будет в состоянии пре-

доставить своим союзникам из числа действующих в Ливане, Сирии и ПНА террористических организаций, может серьезно расширить их оперативные возможности, – не говоря уже о перспективах получения ими, в том или ином виде, иранских ядерных боеприпасов. Наконец, Израиль (понятно, что не он один) явно не выиграет и от геостратегической, социально-экономической и экологической дестабилизации ближневосточного региона.

Именно поэтому нынешнее военно-политическое руководство Израиля считает деятельность по недопущению появления у Тегерана ядерных вооружений в качестве приоритетного аспекта стратегии обеспечения национальной безопасности страны. В этой связи премьер-министр Израиля Биньямин Нетаньяху и другие израильские политики, непосредственно вовлеченные в процесс принятия стратегических решений на «иранском треке», неоднократно заявляли, что достижение этой цели делает «легитимными и открытыми» все опции, включая силовую.

Именно в таком духе, в частности, высказался по итогам переговоров в Стамбуле министр иностранных дел Израиля Авигдор Либерман, который, как и его коллеги, не увидел в заявлении Кэтрин Эштон и ее единомышленников ничего, кроме стремления не только Тегерана, но и некоторых из членов «шестерки» к явному затягиванию переговоров. По мнению главы израильского МИДа, не исключено, что мотивом поведения указанных деятелей является их ощущение, что пока переговоры идут, Израиль не сможет нанести удар по иранским ядерным объектам с тем, чтобы решить проблему силовым путем.

Потому Либерман, как и Нетаньяху, рекомендовали иранским лидерам «не обольщаться по поводу того, что Запад может гарантировать им нечто подобное», коль скоро «Израиль является независимым государством, и не намерен перекладывать решение проблем своей безопасности ни на чьи плечи». Примерно в том же духе высказался и министр обороны Израиля Эхуд Барак. В интервью радиостанции «Галей-ЦАХАЛ» он заявил, что не верит в возможность добиться замораживания иранского ядерного проекта путем переговоров и что «Израиль не обещал США не атаковать Иран в период переговоров, которые ведут западные державы с Исламской Республикой». Наконец, четвертый член из-

раильского правительственного «стратегического квартета» – вице-премьер и министр стратегического планирования Моше (Буги) Яалон, заявил, что если речь идет о необходимости остановить ядерную программу Исламской Республики, международная изоляция, экономические санкции и помощь оппозиции – это верные средства, но они будут малоэффективны, если на заднем плане не будет возможности военной операции[3].

Итак, у израильтян, чем дальше, тем больше крепнет убеждение, что уклончивые действия «шестерки» могут в конечном итоге привести к наименее благоприятному для безопасности еврейского государства сценарию. А именно, к ситуации, когда он один на один окажется с обладающим ядерным оружием «главным источником террора в мире», каковым в Израиле считают исламо-фундаменталистский режим в Иране. Потому с точки зрения израильского политического руководства, хотя Израиль не возражает против переговоров, которые ведут шесть сверхдержав с Ираном, «все опции [в том числе силовая] по-прежнему находятся на столе». Хотя, как заметил тот же Эхуд Барак, в Израиле не намерены пока принимать скоропалительные решения, коль скоро «речь идет о проблеме всего мира, а не только Израиля».

Подобную готовность израильских лидеров к действиям такого рода, однако, не следует рассматривать вне контекста двух существенных внешнеполитических обстоятельств. Первым является возможная реакция «региональных сверхдержав», таких как Турция, Египет и особенно Саудовская Аравия. Хотя правители стран Персидского залива неоднократно давали понять Израилю, что они с восторгом примут удар ВВС ЦАХАЛа по ядерным объектам Ирана и даже готовы тайно этому содействовать, в Иерусалиме не сомневаются в том, что буквально на следующий день после того, как проблема будет решена, по инициативе Эр-Рияда и прочих арабских столиц (а с их подачи – и в среде европейских «левых») будет развернута бурная кампания по обвинению Израиля в военных преступлениях. Потому немало представителей израильских кругов, причастных к выработке военно-стратегических и политических решений, полагают, что решать за саудитов их проблемы следует не раньше, чем «заливники» оплатят свою «часть акций», причем не только на иранском, но и на палестинском поле.

Иранская тема в контексте отношений Израиля и США

Еще одним важным обстоятельством является то, что при планировании действий на иранском треке израильское руководство должно учитывать не только позицию России, Китая или арабского мира, но и, в еще большей степени, западных союзников еврейского государства, в первую очередь своего главного стратегического партнера – США. С момента прихода в 2008 году к власти администрации Барака Обамы в Белом Доме и Гос. департаменте было озвучено множество разноплановых, не всегда согласующихся заявлений по иранской проблеме, большую часть которых можно свести к двум моментам. Первый: США полностью осознают угрозу, которую несет региональной и мировой стабильности иранская ядерная программа, и полны решимости не дать аятоллам обзавестись атомным оружием. И во-вторых, США рассматривают «военную опцию» в качестве крайней меры, и хотя не исключают ее в принципе, при любом варианте развития событий отдают приоритет комбинации методов дипломатического давления на Иран с применением к нему экономических санкций, что, как считают в Вашингтоне, в конечном итоге должно привести к «добровольному отказу» аятолл от развития военной компоненты своей ядерной программы.

Надо сказать, что отношение Израиля к подобной схеме в целом можно определить как достаточно скептическое. Там полагают, что финансово-экономические санкции, особенно в том случае, если они действительно будут носить «парализующий характер», принесут некоторый эффект, но без давления на режим исламских фундаменталистов изнутри вряд ли смогут решить вопрос кардинально. И потому военная альтернатива должна занимать, как минимум, такое же место в рейтинге приоритетов, даже если Израилю придется в этом смысле «проявить инициативу». Одна из причин, по которой позиция руководства Израиля расходится с подходом нынешней администрации США, является разница в оценках возможной даты, когда в руках у иранских фундаменталистов окажется полностью снаряженный ядерный заряд и средства его доставки. В то время как в Белом доме и Госдепе США полагают, что до этого момента осталось не менее полутора лет, в Иеруса-

лиме уверены, что режим аятолл может получить все это уже в течение девяти месяцев.

Этим объясняются и отмеченные выше различия в предлагаемых путях решения проблемы: американцы считают необходимым дать шанс дипломатии и действию введенных против ряда организаций, учреждений и компаний ИРИ экономических санкций. Израильское правительство, не отвергая с порога потенциал дипломатического и экономического давления на Иран, считает эти меры явно недостаточными и призывает своих союзников к намного более решительным действиям, одновременно заявляя о готовности, если этот призыв не будет услышан, взять инициативу обеспечения собственной и региональной безопасности в свои руки.

В этом пункте среди членов «узкого кабинета по вопросам государственной политики и безопасности», куда помимо премьер-министра, входят вице-премьер и министр стратегического планирования Моше (Буги) Яалон, министр обороны Эхуд Барак, глава МИД Авигдор Либерман, глава МВД Эли Ишай, министр по делам спецслужб Дан Меридор, политический советник Нетаньяху в ранге «министра без портфеля» Бени Бегин и секретарь Совета национальной безопасности Яков Амидрор, имеются определенные разногласия.

Часть из них полагает, что Израиль не сможет реализовать военную опцию ликвидации или приостановки иранской ядерной программы без всесторонней поддержки США – от дипломатического прикрытия до поставок Израилю бункерных бомб повышенной проникающей способности и дополнительных средств дозаправки самолетов в воздухе. Другие считают, что в крайнем случае ЦАХАЛ и сам справится с задачей уничтожения 20-25 целей на территории Ирана, которые должны быть поражены в случае, если будет принято решение остановить силовым путем иранскую ядерную программу. Причем даже если у Ирана появятся новые средства ПВО, например, российские С-300 и С-400, это не станет непреодолимой технической проблемой для ВВС еврейского государства.

В любом случае, и те и другие согласны, что военная атака, если решение о ней будет принято, должна быть в той или иной мере согласована с американцами. Именно эту цель, по мнению комментаторов, преследовал недавний визит в Израиль министра обороны США Леона Панетты и ответный визит в Вашингтон Эхуда Барака. Впрочем, эти контакты, судя по всему,

имели ограниченный эффект, поскольку и после них в позиции США все еще сохранялась разочаровывающая израильтян неопределенность.

Довольно яркой иллюстрацией этого явления стала история о роли администрации США в срыве, в версии освещавших это событие изданий, планов Израиля в случае необходимости атаковать Иран, используя «брошенные советские авиабазы» на территории Азербайджана, о чем было якобы достигнуто межправительственное соглашение. Публикацию об этом со ссылкой на источники в администрации США поместил 28 марта с.г. солидный американский журнал «Foreign Policy»[4].

Эта информация, которую почти немедленно опровергли официальные лица и Израиля, и Азербайджана, вызвала, тем не менее, бурный поток комментариев в прессе. Резче всех, как всегда, высказался известный своими консервативными республиканскими настроениями бывший представитель США в ООН Джон Болтон. В интервью телеканалу FoxNews он обвинил администрацию Барака Обамы в «предательстве ближайшего союзника США» путем преднамеренной огласки секретной информации с тем, чтобы не дать возможности Израилю нанести удар по Ирану[5]. Подобного же мнения придерживался и ряд израильских комментаторов, заметивших, что Белый дом фактически ведет кампанию в американских, британских и израильских СМИ, намеренно «сливая» информацию иранскому руководству с целью предотвратить атаку на его ядерные объекты, равно как и нейтрализовать те аспекты политики Израиля в сфере безопасности, которые не вписываются в нынешнюю ближневосточную доктрину администрации Обамы[6].

Подтверждением подобного взгляда на ситуацию стал и опубликованный информационным агенством «Дебка» факт резкого, хотя и не ставшего достоянием широкой общественности столкновения, произошедшего через день после стамбульской встречи, т.е. 16 апреля, между Нетаньяху и Обамой. По данным, как правило, хорошо информированных источников «Дебки», высокопоставленные приближенные премьер-министра Израиля прямо обвинили президента США в нарушении договоренностей и пониманий, которых два лидера достигли по поводу иранской ядерной программы в преддверии стамбульского раунда переговоров (т.н. «Формула 1000»)[7]. Согласно источникам в администрации США, эта формула позволяет Ирану сохранять 1000 рабочих центрифуг для

производства низкообогащенного до 3,5% урана, но не сможет держать запас обогащенного до 20% урана, наличие которого, по мнению специалистов, даст Ирану возможность быстро и дешево произвести в нужный момент любое число оружейного плутония.

Иными словами, Израиль пошел на беспрецедентные уступки администрации США в обмен на «жесткие гарантии» последней и впервые согласился на легализацию иранской атомной программы в каком-либо виде. Тем не менее, по заявлению этих деятелей, вместо представления предусмотренных планом предложений и требований иранцам на переговорах в Стамбуле, Обама, в нарушение принятых в американо-израильском сотрудничестве в сфере безопасности правил игры, предпочел секретные контакты с представителями тегеранского режима в Париже и Вене[8].

Причины, по которым советники президента США пошли на этот нетривиальный шаг, остаются предметом дискуссий. Чисто умозрительно можно предположить наличие некой тактико-дипломатической комбинации, призванной, переводя внимание на якобы идущие израильские приготовления к удару по иранским ядерным объектам, создать информационную «дымовую завесу» над совсем иным планом нейтрализации ядерных амбиций Ирана. То есть планом, в котором роль США будет значительно больше, а Израиля – существенно скромнее. Однако такая версия пока имеет весьма небольшое число сторонников.

Несколько более популярна среди экспертов идея о том, что администрация Обамы в принципе выступает против вооруженного сценария решения иранской ядерной проблемы, и потому не только не собирается помогать Израилю это сделать, но и всячески «вставляет ему палки в колеса». Причем есть аналитики, которые подобно Джиму Филлипсу из Heritage Foundation (своего рода «придворного аналитического центра» Республиканской партии США) считают это обстоятельство «главной причиной напряженности между Обамой и Нетаньяху», побуждающей последнего все чаще озвучивать угрозу осуществления необходимых действий в одиночку. [9]

Впрочем, не исключено, что правы и те обозреватели в Израиле и США, которые полагают, что за этим плохо вписывающимся в исторический контекст американо-израильского стратегического партнерства шагом Белого дома стоит не столько

попытка продвижения на иранском направлении некоего американского плана, противоречащего израильскому видению ситуации, сколько отсутствие такого плана в принципе. Если это так, то причиной следует, скорее всего, считать нежелание команды Барака Обамы, пришедшей в Белый дом, среди прочих идей, с ныне уже явно исчерпанной доктриной «перезагрузки» отношений с арабо-исламским миром, ввязываться в предвыборный год в очередную ближневосточную военную кампанию. И неважно, по своей ли инициативе, или по инициативе Израиля (все понимают, что и в этом случае США также не смогут остаться в стороне).

С этой точки зрения, в «сливе» (если он действительно имел место) стратегической информации о возможном использовании ВВС ЦАХАЛа территории «третьих стран» для удара по ядерной инфраструктуре персов содержится «двойное послание». Одно – в адрес правительства Израиля – просьба не предпринимать никаких самостоятельных активных действий на иранском треке без согласования с США, по крайней мере до запланированных в этой стране на ноябрь с.г. президентских выборов. Другое – настоятельная рекомендация руководству Исламской Республики пойти навстречу требованиям международного сообщества в контексте отказа от военной компоненты их ядерной программы, с явным намеком на то, что США, всецело признающие право Израиля на самооборону, не смогут «бесконечно удерживать» Израиль от шагов, которые кажутся его руководству оптимальными в плане обеспечения национальной безопасности еврейского государства.

Иранский атом как фактор внутриполитического размежевания в Израиле

Отношение граждан Государства Израиль к проблеме иранского «военного атома» стало в последнее десятилетие тестом их политико-идеологических предпочтений. Таким же, каким в 90-е годы был конфликт по поводу признания ООП и создания к западу от реки Иордан еще одного (в дополнение к 23 уже имеющимся) арабского государства, или противоречия между сторонниками урегулирования с «устойчивыми арабскими режимами» по модели «мир в обмен на мир» или «мир в обмен на территории» в предыдущие годы. В этом

смысле в израильском внешнеполитическом, дипломатическом, военном, и информационном истеблишменте, а также в широких общественных слоях долгое время существовали две фракции, назовем их «ирано-оптимистами» и «ирано-пессимистами».

Первые полагали, что даже в случае, если Иран получит ядерное оружие, он, исходя из своей «джихадистской» идеологии, будет представлять угрозу Саудовской Аравии и иным арабским монархическим и президентским диктатурам, а также своим ядерным соседям – Индии, Пакистану и России – в большей степени, чем Израилю. И не исключено, что в случае, если Израиль официально или неофициально признает наличие у Ирана «легитимных оборонных нужд», две страны смогут договориться. Некоторые члены этой группы также не видели особой проблемы в получении Ираном доступа к ядерным технологиям, коль скоро при отсутствии средств доставки ядерных зарядов воспользоваться ими иранцам будет весьма затруднительно, и пока у Ирана таких средств нет, можно «не делать резких движений».

Наконец, отдельные «ирано-оптимисты» шли еще дальше, полагая что обладание Ираном ядерным оружием позволит выстроить систему «стратегического равновесия» на Ближнем Востоке, похожую на советско-американские отношения времен «холодной» войны. То есть исходили из того, что сегодня США со своими союзниками и Иран будут друг друга сдерживать в регионе таким же образом, как США и Советский Союз некогда сдерживали друг друга в мировом масштабе. Наконец, были и те, кто рассчитывал на успех движения за демократизацию и либерализацию в самом Иране, которое сделало бы проблему противостояния этой страны с Израилем нерелевантной.

Нетрудно заключить, что подобные настроения были в большей мере распространены среди сторонников левого политического лагеря. То есть среди тех же групп, которые ранее настаивали на отказе ради заключения мира с Египтом, Иорданией и Сирией, от всех территорий, занятых ЦАХАЛом в ходе Шестидневной войны, равно как и на максимальных территориальных уступках ООП/ПНА в рамках «процесса Осло», а в последние годы также настаивали на ведении переговоров «без предварительных условий» со всеми палестинскими движениями, включая радикально-исламистский ХАМАС.

Впрочем, сегодня «ирано-оптимистов» в Израиле практически не осталось. В израильском обществе и его истеблишменте сегодня доминируют «ирано-пессимисты», в массе своей представленные сторонниками правого лагеря и различных фракций «умеренного центра». «Ирано-пессимисты» исходят из того, что Иран делает все, чтобы получить ядерное оружие, и если у Тегерана это оружие появится, он найдет способ им воспользоваться. Поэтому в целом можно говорить о том, что опция силовых действий рассматривается большинством израильских военно-политических элит как приоритетная.

Другой вопрос – это конкретная реализация этого сценария, и именно здесь проходит водораздел между сторонниками упомянутых выше политических фракций «от центра и правее». В этом смысле среди «ирано-пессимистов» выделяется радикальная фракция, члены которой полагают, что в полном смысле слова военному варианту силовых действий, включая бомбардировку центрифуг по обогащению урана, исследовательских центрах, занимающихся плутонием, и иных ядерных объектов в Натанзе, Исфахане, Фордо, Араке и некоторых других местах нет альтернативы возможностей. Представители же более «умеренной» фракции «ирано-пессимистов» готовы дать шанс более эффективным («парализующим») экономическим и дипломатическим санкциям, равно как и иным действиям, которые можно рассматривать как силовые, но которые не являются открыто военными в полном смысле слова.

Глас народа

Понятно, что решение военно-политического руководства страны по поводу действий на иранском треке будет принято не только под влиянием США, Евросоюза, России и иных ближневосточных игроков, но и, не в меньшей степени, под влиянием общественного мнения страны. В какой степени израильтяне всерьез воспринимают цветистые угрозы, несущиеся из Тегерана (где обещают Израилю всяческие кары, в случае если ЦАХАЛ атакует иранские ядерные объекты), и действительно готовы к возможным физическим, дипломатическим, экономическим и экологическим издержкам, если в этих угрозах есть хоть доля правды?

Общественные настроения в Израиле, как и в иных либерально-демократических странах, во многом формируются под влиянием СМИ. А они не жалеют ни газетной площади, ни эфирного времени на подробное изложение, среди прочих и тех вероятностных сценариев, в соответствии с которыми израильская (и/или американская) атака на иранские ядерные объекты будет нести весьма негативные последствия для ситуации в Израиле, ближневосточном регионе и в мире. И по данным тех же СМИ, в обществе действительно, на первый взгляд, существует солидная доля тех, кто требует от правительства воздержаться от участия в силовом сценарии, до тех пор, пока все невоенные опции остановки военной компоненты иранской ядерной программы не будут использованы до конца. Более того, наряду с прагматиками появились и «идейные пацифисты», которые выступают против «силового решения» вне всякой связи с вопросом о балансе выигрышей и издержек, а по сугубо моральным соображениям.

Так, некоторое время назад представители этой группы инициировали целую информационную кампанию, которая началась с того, что два веб-дизайнера, Рони Эдри и Михаль Тамир, загрузили в социальную сеть Facebook рисунок с лозунгом «Иранцы, мы вас любим! Мы никогда не будем бомбить вашу страну!» на фоне фотографии семейной пары со своими детьми и израильским флажком. Свое credo Эдри изложил в обращении «ко всем иранцам, всем отцам, матерям, детям, братьям и сестрам». По его мнению, «если уже решено, что между нами должна начаться война, это значит, что мы ненавидим друг друга и боимся друг друга. Но я не боюсь вас и не ненавижу вас. Я даже не знаю вас, кроме одного иранца, которого встретил в музее в Париже, и он был очень милым». А субботним вечером 24 марта в центре Тель-Авива даже состоялась демонстрация протеста, в которой приняли участие, по информации израильских СМИ, от нескольких сот до двух тысяч человек, требовавших отказаться от возможного военного удара по ядерным объектам Ирана и «приложить усилия к полному ядерному разоружению Ближнего Востока».

Однако опубликованный 27 марта опрос, проведенный агентством проф. Камиля Фукса по заказу Иерусалимского центра общественной политики (Jerusalem Center for Public Affairs)[10] показал, что на практике данные лозунги разделяет лишь маргинальная фракция израильского общества. Согласно

этому исследованию, подавляющее большинство опрошенных израильских евреев (77%) воспринимают иранский атом как «угрозу существованию» еврейского государства, а более 60% полагают, что если аятоллы получат в свои руки ядерное оружие, они вполне могут использовать его против Израиля. Еще большее число – три четверти респондентов уверено, что «ядерный зонтик», который в этом случае получит Иран, может повысить мотивацию их союзников из числа террористических структур в Ливане и на территориях, населенных палестинскими арабами. И единственным способом купировать указанные угрозы, по мнению 60% респондентов, является военный удар по иранским ядерным объектам.

Опасения, которые часто используются в дискуссиях в информационных и военно-дипломатических кругах как аргумент против силового сценария, что бомбардировка иранских заводов, производящих компоненты ядерных вооружений, отсрочит создание атомной бомбы на период от шести до, максимум, восемнадцати месяцев, похоже, не впечатляет большинство израильтян. Ибо 80% принявших участие в исследовании JCPA респондентов убеждены, что армия США способна надолго приостановить или вообще уничтожить процесс создания ядерного потенциала Тегерана, а две трети полагают, что, в крайнем случае, Армия обороны Израиля и сама сможет достичь этой цели. Как бы то ни было, большинство (60%) опрошенных израильтян уверены, что США не останутся в стороне от военных действий в случае, если в Вашингтоне сделают вывод о том, что экономические санкции и дипломатическое маневрирование не принесли желаемого результата.

Что касается упомянутых выше возможных негативных последствий для страны и мира такой атаки, то, по мнению 65% опрошенных, эти издержки будут существенно меньшими, чем перспектива жизни «в тени» иранской ядерной бомбы. Причем 63% тогда считали, что эта «цена» не будет зависеть от того, кто же в конечном итоге – ЦАХАЛ или американская армия – нанесет удар по иранским военным атомным объектам.

Объяснения подобных настроений евреев-израильтян варьируются в весьма широких пределах. В среде радикальной оппозиции популярна версия о том, что во всем виновато, разумеется, правительство, которое «не информирует общество о реальном уровне иранской ядерной угрозы, о своих планах и возможных последствиях их реализации». В СМИ ведутся рас-

суждения на тему того, что «огрубевшие» (по мнению леволиберальных публицистов) или «закаленные» (как считают их коллеги из правонационального лагеря) в бесконечных войнах израильтяне демонстрируют пониженный «порог чувствительности» по отношению к перспективам нового вооружённого столкновения. Можно также предположить, что израильтяне все еще находятся под обаянием успешно проведенных атак ВВС ЦАХАЛа на ядерные объекты Ирака в 1981 и Сирии в 2007 годах. И потому не видят причин, почему пусть и более масштабная и технически сложная операция такого же плана против военно-ядерной инфраструктуры Ирана может быть менее успешной.

Хотя во всех этих суждениях (особенно в последних двух), вероятно, есть доля истины, следует учесть еще одно обстоятельство. На самом деле израильско-иранская война идет уже несколько лет, хотя она никогда формально не объявлялась. Первым ее эпизодом фактически была Вторая ливанская война. Иранцы там воевали с Израилем посредством военного крыла радикального шиитского террористического движения «Хизбалла», являющегося ничем иным, как одним из подразделений иранского Корпуса стражей исламской революции. Антитеррористическая операция ЦАХАЛа «Литой свинец» в Газе тоже была в значительной степени война Израиля с Ираном. К этому же разряду относятся и кибер-атаки и другие спецоперации, нанесшие серьезный ущерб иранской ядерной программе, за которыми по версии прессы, может стоять Израиль.

И хотя израильское руководство, как известно, никогда официально не подтверждало этот факт, израильтяне стали свыкаться с мыслью, что в новом веке идут войны другого, ранее непривычного типа. И коль скоро израильско-иранский военный конфликт уже фактически имеет место, то – на войне, как на войне…

Каков же будет выбор?

Разумеется, выбор той или иной стратегии действий в конечном итоге остается за правительством Израиля, позиция которого уже в целом определилась. В кругах, близких к канцелярии премьер-министра Биньямина Нетаньяху, а также к МИД (во главе которого стоит Авигдор Либерман) и минобороны

(Эхуд Барак), как и прежде, говорят о том, что Израиль предпочел бы мирное, хотя и силовое, разрешение конфликта. Под силовым подразумевается введение намного более ощутимых международных санкций против Ирана, чем те, которые существуют сегодня.

Израильскому руководству приходится учитывать, что сегодня существенную часть этих санкций торпедируют прежде всего представители Пекина и Москвы (что в очередной раз подтвердилось в ходе апрельской встречи Сергея Лаврова и председателя СНБ Израля Якова Амидрора, где министр иностранных дел РФ вновь заявил, что Россия будет действовать исходя из понимания, что «для снятия напряженности вокруг иранской ядерной программы санкции, как и использование силы являются опасными и контрпродуктивными»[11]. Соответственно, от мирового сообщества в данный момент трудно ждать принятия некой консенсусной резолюции, предусматривающей пакет действий, который заставил бы Иран отказаться от своей ядерной программы.

Поскольку пока этого не происходит, на протяжении последних месяцев израильские власти неоднократно заявляли, что по-прежнему не исключают военного решения проблемы. Главная цель военной операции Израиля, если она действительно начнется, – это если не полностью уничтожить ядерную инфраструктуру Ирана, то нанести ей такой урон, который сделает атомную угрозу нерелевантной на ближайшие несколько лет.

Впрочем, ситуация может еще не раз измениться, и потому все опции, как говорят в журналистских и дипломатических кругах, «остаются на столе».

---

[1] Цит. по: Saudi Arabia threatens to go nuclear if Iran does // Foxnews.com, 10.02.2012.

[2] Оценки ведущих израильских экспертов возможного международного веса иранского ядерного фактора, см. Shimon Shapira (ed.) *Iran: From Regional Challenge to Global Threat.* – Jerusalem: JCPA, 2012.

[3] Цит. по: *Маарив*, 20.04.2012 (на иврите).

[4] Mark Perry. Israel's Secret Standing Ground // *Foreign Policy*, 28.03.2012.

[5] Bolton accuses administration of leaking story on Israeli planning along Iran border // FoxNews, 29.03.2012.

[6] См. например: Ron Ben-Yishai. Analysis: US thwarting Israeli strike on Iran // Ynet, 29.03.2012.

[7] По данным источников «Дебка» в администрации США, эта формула позволяет Ирану сохранять 1000 рабочих центрифуг для производства низкообогащенного до 3,5% урана, но не сможет держать запас 20% урана, наличие которого, по мнению специалистов, даст Ирану возможность быстро и дешево произвести в нужный момент любое количество оружейного плутония. Тем не менее это означает, что Израиль впервые согласился на легализацию иранской атомной программы в каком-либо виде.
См.: «Exclusive: Secret US-Israeli accord lets Iran keep low 3.5 enriched uranium // DEBKAfile Exclusives report, 9/04/2012.

[8] Israel: Obama's secret dealings with Iran conflict with US-Israeli understandings // DEBKAfile Special Report, 16/04/2012. – http://debka.com/

[9] Цит. по: Крючков И., Дубов Д. «Практика большого взрыва: военная операция Израиля в Иране не остановит его ядерную программу // *Московские новост*и, 13.04.2012.

[10] См.: Poll: 77 Percent of Israelis See Iran Nukes as Existential Threat // *Jerusalem Issue Brief*, JCPA, 27.03.2012.

[11] Цит. по: Israel's Amidror holds talks with Lavrov in Moscow // *DEBKAfile*, 16/04/2012. – http://debka.com/

В.С.Шевченко

ПОСТКРИЗИСНЫЙ ПЕРИОД РАЗВИТИЯ ЛИВАНА (1990–2012 гг.)

После заключения в 1989 г. Таифских соглашений и достигнутого перемирия основной задачей правительства Ливана стало восстановление социально-экономической и политической жизни страны.

За пятнадцать лет гражданской войны (1975–1990 гг.) погибли почти 100 тыс. чел., 300 тыс. были ранены, около 80% погибших и пострадавших были мирные граждане. Из-за массовой внутренней миграции кардинально изменился конфессиональный и этнический баланс в ряде регионов страны.

За кризисный период миграционный процесс затронул 2/3 населения Ливана. Общее число мигрировавших внутри страны за годы гражданской войны составило 1,4 млн. чел. Число мигрантов, окончательно переместившихся на новые территории, достигло около 787 тыс. чел., из которых 80% были христианами и только 20% мусульманами. Если христианское население мигрировало из всех районов страны, то мусульмане – из Бейрута и Южного Ливана. В результате этих процессов в стране появились еще более однородные и обособленные конфессиональные зоны[1].

Профессиональный состав лиц, образовавших потоки внутренней миграции (1990 г.[2]):

Профессии (главы семьи)	Число семей	%
Рабочие аграрного сектора	426	0,90
Независимые бизнесмены	1686	3,57
Служащие	4319	9,15
Наемные рабочие	7233	15,33
Служащие общественного сектора	2598	8,36
Военные	3464	7,34
Милиция	75	0,16
Фермеры	26036	55,19

Военные действия, ставшие причиной больших разрушений в сельском хозяйстве, вынуждали переселяться в более безопасные места жителей сельских районов, в том числе фермеров и сельскохозяйственных рабочих.

Для решения проблемы беженцев в 1989 г. было создано Министерство по делам перемещенных лиц, возглавляемое В. Джумблатом, которое начало проводить в жизнь программу по возвращению перемещенных граждан на их бывшие места проживания. Она, в частности, предусматривала воссоздание инфраструктуры и оказание социальных услуг в переезде и адаптации на новом месте. Вопрос о необходимости оказания различной помощи перемещенным лицам обсуждался еще на встрече в Эт-Таифе. К концу 2000 г. правительству удалось вернуть в родные места от 20 до 25% беженцев.

Экономическое возрождение страны осложнялось нехваткой высококвалифицированных кадров, что было связано со значительной эмиграцией ливанцев. В годы войны из страны выехали около 650 тыс. чел., что составляет около 30% от общего количества населения в довоенный период, в том числе 135 тыс. инженеров, врачей, адвокатов, преподавателей, квалифицированных рабочих.

В целом динамика эмиграционного процесса в период кризиса 1975–1987 гг. может быть отражена следующим образом[3]:

Годы кризиса	**Количество эмигрировавших ливанцев** (тыс. чел.)
1975	400
1976	297
1977	38
1978	76
1979	49
1980	33
1981	33
1982	33
1983	33
1984	61,6
1985	70,2
1986	73,9
1987 (первые шесть месяцев)	33,5
Общее количество	647,6

Изменения на внутреннем рынке труда повлекли за собой также эмиграцию прежде всего в арабские страны социально активного населения Ливана. Первая волна рабочей эмиграции была в период между 1975 и 1979 гг. Некоторое замедление этих процессов можно было отметить в 1979–1982 гг., что было связано и с ухудшением экономического положения самих стран, принимавших ливанских эмигрантов. Снижение «нефтяного бума» и ирано-иракская война также уменьшили поток желавших работать в арабских странах Персидского залива.

«Утечка умов» затронула и студенческую среду, выходцы из которой, уезжая на стажировку за границу, уже не возвращались в Ливан. Нуждаясь в квалифицированных кадрах, руководство страны отдавало предпочтение в найме на работу бывшим эмигрантам, выходцам из Ливана. Работа с эмигрантами была признана частью национальной политики страны. Во главу угла ставилась не этнорелигиозная принадлежность эмигранта, а его ливанское происхождение.

В результате разрушительной гражданской войны Ливан вступил в полосу тяжелейшего экономического кризиса. Курс национальной валюты – ливанского фунта – стремительно падал: еще в 1975 г. один доллар обменивался на 3,20 лив. ф., в мае же 1987 г. – на 120. По данным торгово-промышленной палаты Бейрута, национальный доход на душу населения, составлявший в 1982 г. 2000 долл., упал в 1987 г. до 314 долл. С 1980 по конец 1987 г. минимальная заработная плата уменьшилась со 185 долл. до 19.

Была практически разрушена инфраструктура Ливана, особенно пострадала сфера услуг. Ущерб в этой сфере только за первые семь лет войны составил 252 млрд. лив. фунтов. Внешний долг Ливана превысил 2 млрд. долл. и составил большую часть ВВП.

Больше всего от войны пострадали сельское хозяйство и промышленность, доля которых в ВВП страны неуклонно снижалась (347,8 и 210,2; 184,4 и 67,0; 496,5 и 364,9 млн. долл. в 1988, 1989 и 1990 гг. соответственно)[4].

За годы кризиса резко сократилась численность среднего класса и обеспеченных слоев ливанцев, большинство представителей которых покинули Ливан в начале военных действий. Увеличение числа представителей богатых пополнилось за счет «нуворишей», тех, кто сумел нажиться на войне, участвуя в делах теневой экономики. Это подтверждают данные, пока-

зывающие социальное расслоение в ливанском обществе в период кризиса[5]:

Социальные слои	1983 год	1988 год
Богатые	7%	9%
Средний класс	21%	12%
Обеспеченные	41%	26%
Бедные	31%	53%

Развитие теневой экономики было напрямую связано с деятельностью во время гражданской войны милицейских отрядов, практически неподконтрольных государству. Лидеры этих военизированных отрядов стремились захватить власть и приобрести солидный капитал, воспользовавшись нестабильной ситуацией в стране.

Милицейские формирования имели немалые доходы, получаемые из различных источников. Среди них были доходы от конфискации частной собственности и открытый грабеж; контроль над экспортом и импортом некоторых товаров, спекуляция на курсе ливанского фунта, торговля наркотиками, контрабанда, морское пиратство, спекуляция на иностранной гуманитарной помощи, а также поступления денежной помощи от стран, поддерживавших те или иные милицейские отряды.

По некоторым данным, в среднем за год милицейские отряды контролировали до 2 млрд. долл. Эти деньги использовались для зарплаты бойцам милиции, вкладывались в различные коммерческие предприятия, строительство и перечислялись как на личные банковские счета руководителей отрядов, так и на счета организаций.

Деятельность милицейских формирований разрушала общегосударственные связи и ускоряла процесс дезинтеграции общества.

Меры по нормализации социально-экономической жизни в Ливане в начале 90-х годов требовали прежде всего реконструкции структур законодательной и исполнительной власти. Правительство, сформированное после Таифской встречи в 1989 г., приступило в этих целях к выполнению программы из 4 пунктов, предусматривающих постепенное распространение своей власти на весь Ливан, роспуск милицейских формирований, официальное оформление «особых отношений»

Ливана с Сирией, назначение депутатов на вакантные места в Национальной Ассамблее и подбор кандидатур на главные военные и гражданские посты государства.

28 марта 1991 г. правительством был одобрен план роспуска всех ливанских и неливанских милицейских формирований в стране и назначения 40 новых депутатов в Национальную Ассамблею.

С тем чтобы избежать новых столкновений на межобщинной почве, было принято решение создавать смешанные подразделения сил безопасности. Так, на службу было принято равное количество мусульман и христиан, включавших в себя 6,5 тыс. представителей военизированных формирований «Ливанских сил», 2,8 тыс. приверженцев шиитской милиции «Амаль» и 2,8 тыс. членов «Народной армии» друзов[6].

После подписания Таифских соглашений и прекращения гражданской войны Ливан продолжал оставаться в сфере влияния Дамаска и придерживался «особых отношений» с Сирией.

Правительственная программа о национальном примирении предусматривала укрепление политических отношений между двумя странами. Кульминационным моментом стало подписание в мае 1991 г. «Договора о дружбе, сотрудничестве и координации действий», определяющего проведение единой политики между Ливаном и Сирией в политической, военной и экономической областях, а также в сфере обеспечения безопасности, что отвечало условиям Таифских соглашений.

Статьи договора гласили, что Сирия и Ливан имеют особые братские отношения, основывающиеся на «географическом соседстве, сходной истории, общем происхождении, одинаковой судьбе и общих интересах». Для координации и выполнения принятых решений, затрагивающих интересы как Ливана, так и Сирии, были созданы пять совместных комитетов. Был образован также Высший совет, в который входили президенты Ливана и Сирии, их премьер-министры, заместители премьер-министров, а также высокопоставленные чиновники соответствующих министерств. Высший совет нес ответственность за координацию действий и сотрудничество двух стран в политической, экономической, военной областях, а также в сфере безопасности. Решения совета являлись обязательными для исполнения, хотя и с учетом конституционных и законодательных особенностей обеих стран[7].

Противники договора, среди которых были не только христианские лидеры, но и мусульмане, заявляли, что создание Высшего совета представляет собой нарушение суверенитета Ливана, что, в конечном счете, приведет к аннексии Ливана Сирией. Маронитский патриарх Н. Сфейр заявил, что договор нарушает принципы Национального пакта 1943 г. Но сторонники договора, в основном представители шиитской и части суннитской общин, считали, что близкие отношения с Сирией необходимы для политической стабильности и экономического развития Ливана.

В начале сентября 1991 г. Ливан и Сирия заключили договор об обеспечении безопасности, предусмотренный майским двухсторонним договором 1991 г. Это соглашение позволяло Ливану и Сирии оказывать взаимную военную поддержку в случае возникновения угрозы стабильности любой из этих стран.

Первые парламентские выборы после двадцатилетнего перерыва состоялись в августе – сентябре 1992 г. Их проведение встретило недовольство многих ливанцев. В период, предшествовавший выборам, по стране прошли забастовки с требованием сначала наладить экономику страны, а затем заниматься выборами в верховные органы власти. За отсрочку выборов высказывались как христианские, так и мусульманские лидеры, такие как бывший премьер-министр С. Хосс, бывший председатель парламента К. Аль-Асаад, бывший премьер-министр и лидер суннитской общины С. Салям. Условия проведения этих выборов не устраивали христианскую политическую и религиозную элиту, поскольку ее представители усматривали в них угрозу не только политической стабильности Ливана, но и суверенитету страны.

Несколько христианских партий призвали своих сторонников бойкотировать голосование. По заявлениям правохристианских политиков, свободные выборы нельзя было проводить под «оккупацией» Сирии. По мнению Раймона Эдде, лидера умеренной христианской оппозиции, «составленный по сирийским спискам парламент Ливана на первом заседании проголосует за объединение двух стран (Сирии и Ливана)».

В результате явка на выборах была крайне низкой – чуть более 30% против 50–52% в 1960 и 1972 гг. Христианское население фактически бойкотировало голосование (в христианском Горном Ливане явка составила всего 16,23%)[8].

Избранный в 1992 г. парламент, 82% членов которого стали парламентариями в первый раз, был явно просирийским. В его адрес неоднократно звучали обвинения в несправедливости процедуры голосования, однако еще одно размежевание по конфессиональному признаку грозило ливанскому государству крахом, и выборы были признаны действительными.

Выборы 1992 г. отразили важную тенденцию развития ливанского общества, выразившуюся в очевидном усилении «шиитского фактора». В новом составе парламента – Национальной Ассамблеи «Хизбалла» и «Амаль» получили представительство, а глава «Амаль» – Набих Берри был избран спикером. «Хизбалла» превратилась в одно из самых влиятельных движений в Ливане, завоевав себе популярность лозунгами борьбы за освобождение юга страны от присутствия израильских войск, которые объединяли практически всех жителей страны.

Осенью 1992 г. кабинет министров возглавил Рафик Харири, избранный большинством членов парламента: 104 голоса «за» и только 12 голосов «против». Начался новый этап в жизни страны – «эра Харири».

Существенное отличие Харири от большинства ливанских политических лидеров заключалось в том, что он сам создал себя, пройдя путь от выходца из бедной крестьянской семьи до миллиардера и премьер-министра*.

Политический взлет Р. Харири начался в 1989 г., когда он, пользуясь своими связями в Ливане и других арабских странах, внес личный вклад в примирение враждующих сторон на встрече в Эт-Таифе.

Назначение 46-летнего строительного магната и миллиардера премьер-министром было расценено ливанцами как последний шанс для спасения страны: ущерб, нанесенный Ливану гражданской войной и разрушительными вторжениями Израиля, превысил, по оценкам экспертов, 25 млрд. долл[9].

Харири удалось сформировать эффективное и работоспособное правительство, ключевые посты в котором заняли

* Будучи выходцем из суннитской общины Сайды, он эмигрировал в 1966 г. в Саудовскую Аравию. Свою карьеру Харири начал с профессии школьного учителя, однако к середине 80-х годов он стал одним из самых преуспевающих бизнесменов на Ближнем Востоке.

чиновники, ранее работавшие в его компаниях. Наряду с правительством, разработкой моделей развития ливанской экономики занимался Центр экономических исследований, укомплектованный исключительно сотрудниками фирм, принадлежавших премьер-министру. Деятельность такого «двухъярусного правительства» вызывало негативную реакцию у лидеров многочисленных ливанских религиозных общин, которые, зная про тесные связи Р. Харири с саудовцами, обвиняли его в стремлении монополизировать власть в интересах мусульман-суннитов. (Укрепление суннитской общины Ливана в противовес шиитской, усилившейся при поддержке Сирии, было одной из основных целей Эр-Рияда, т.к. сотрудничество шиитских организаций «Амаль» и «Хизбалла» с Сирией и Ираном угрожало не только целостности Ливана, но и интересам суннитского руководства Саудовской Аравии.)

В короткий срок Р. Харири удалось стабилизировать ливанский фунт и вернуть в страну 2 млрд. долл. в виде сбережений ливанцев, уехавших за границу. За счет приватизации государственных предприятий путем проведения международных тендеров было получено около 5 млрд. долл. Харири также удалось сохранить дееспособность банковской системы Ливана, главным образом, благодаря действию закона о неразглашении тайны вкладов, и банковские вклады выросли на 20%.

Результатом усилий правительства явился ощутимый рост ВВП страны с 2838 млн. долл. в 1990 г. до 11,4 млрд. долл. в 1995 г. Вместе с тем резко вырос торговый дефицит, что в первую очередь было связано с массированным импортом товаров первой необходимости, промышленного оборудования и других товаров, в которых нуждалась ливанская экономика. В 1995 г. дефицит составил 6479 млн. долл. по сравнению с 2082 млн. долл. в 1990 г.

Одним из главных достижений правительства было сдерживание инфляции, которая в 1992 г. составила 100% (в 1991 г. – 52%). В 1997 г. инфляцию удалось удержать на уровне 8%. Снижение инфляции, стабилизация фунта, рост золотовалютных резервов страны обусловили потребность страны в местной валюте. В результате уровень «долларизации» финансового сектора снизился с 68% в 1993 г. до 53% в 1995 г.[10]

Все эти меры дали возможность приступить к осуществлению программы восстановления Ливана – «Горизонт 2000»

стоимостью 16 млрд. долл. В этом деле значительную помощь оказывали саудовские спонсоры.

Благодаря особым отношениям с президентом Франции Жаком Шираком и своим связям с международными финансовыми организациями Харири удалось добиться проведения ряда международных конференций с целью оказания финансовой помощи Ливану.

Экономические успехи создали имидж Харири как «эффективного менеджера». Однако, находясь на вершине власти, Харири как выходцу из бедной семьи приходилось преодолевать сопротивление представителей мусульманской и христианской элиты, которая традиционно играет важную роль в управлении страной. Даже члены суннитской общины нередко называли Харири «нуворишем» и считали, что он приехал в Ливан зарабатывать деньги и недостоин возглавлять правительство.

В результате многомиллиардных заимствований стал возрастать государственный долг, и началось замедление экономического роста*.

Многие проекты предусматривали в первую очередь восстановление финансовой системы и инфраструктуры, не уделяя должного внимания сельскому хозяйству, промышленности и социальному развитию государства. Кроме этого, правление Р. Харири отличалось высокой коррумпированностью, причем в финансовые махинации оказались вовлечены не только ливанские политики и бизнесмены, но и высокопоставленные сирийские чиновники и военные. Реальную выгоду от курса, проводимого Р. Харири, получали исключительно высшие слои ливанского общества.

Чтобы сбить волну критики в адрес правительства, были запрещены массовые демонстрации, и Харири обратился за поддержкой к армии для реализации своих проектов в жизнь.

Трудности восстановительного периода во многом были вызваны тем, что в то время, когда Ливан переживал разрушительную гражданскую войну, мир вступил в эпоху глобализа-

* В 1992 г., когда к власти пришло правительство во главе с Р. Харири, совокупный долг не превышал 200 млн. долл. За период между 1992 г. и 1988 г. долг возрос до 18 млрд. долл., а к 2004 г. увеличился до 34 млрд. долл.

ции, установления нового экономического порядка и международного разделения труда.

Проводя в целом прозападный курс, Харири, естественно, вступал в противоречие с интересами Сирии в Ливане. Однако в отличие от ряда ливанских деятелей, в частности В. Джумблата, он не занимал открытую антисирийскую позицию.

Само сирийское руководство было заинтересовано в нем как в политике-бизнесмене, способном восстановить экономику Ливана, и не препятствовало проведению реформ. Реализуемые Р. Харири многочисленные проекты способствовали расширению экономических и торговых связей Ливана с Сирией. Развернувшееся широкомасштабное строительство и нехватка рабочей силы в Ливане обусловили значительный приток в Ливан сирийских рабочих и специалистов. Ежегодно сирийцы, работавшие в тот период в Ливане (примерно около одного миллиона человек), вывозили на родину около 2,5 млрд. долл., являясь, таким образом, для Сирии самым крупным источником дохода[11].

Несмотря на невероятные трудности восстановительного периода, на своем посту Р. Харири продержался до 1998 г., когда к власти при поддержке Дамаска пришел новый президент – генерал Эмиль Лахуд, пользовавшийся в то время доверием христиан. Многие надеялись, что он будет содействовать сближению позиций различных сторон и достижению согласия в ливанском обществе. Однако Э. Лахуд начал жесткую борьбу против оппозиции, в первую очередь – антисирийской. Президент окончательно лишился поддержки маронитской общины, когда стало ясно, что он не намерен добиваться полного вывода из страны сирийских войск.

Отказ Харири из-за явной просирийской политики президента сформировать новый кабинет министров послужил причиной его отставки в ноябре 1998 г.

Стремление сирийцев сохранить у власти сразу обоих политиков, из которых президент являлся бы проводником сирийских интересов в области внутренней политики и безопасности, а премьер вел работу по восстановлению страны и возвращению Ливану статуса крупного финансового центра, не принесло желаемых результатов: самостоятельная политика премьера подрывала систему сирийского контроля в Ливане и в конечном счете привела к противостоянию с Э. Лахудом.

Немаловажным фактором, ускорившим отставку Р. Харири, стало то, что в это время к приходу к власти стал готовиться будущий президент Сирии – Башар Асад. Понимая, что многие представители оппозиционной ему сирийской «старой гвардии» имеют тесные связи с ливанским премьером, он способствовал отставке Р. Харири. Б. Асад непосредственно стоял за избранием Э. Лахуда на пост президента Ливана и продлением срока его полномочий.

На парламентских выборах в сентябре 2000 г. Р. Харири одержал убедительную победу и вновь был назначен главой правительства. Подавляющее большинство депутатов парламента поддержало кандидатуру Харири на пост премьер-министра, и Э. Лахуду пришлось утвердить это решение в соответствии с Конституцией.

Практически открытая борьба между премьером и президентом продолжалась вплоть до октября 2004 г., когда имея поддержку в парламенте, Харири, тем не менее, ушел с поста премьер-министра. Непосредственной причиной его отставки стало продление срока президентского правления Э. Лахуда на три года в нарушение Конституции.

Сформированное 26 октября 2004 г. правительство под руководством Омара Караме (брата погибшего в 1987 г. премьер-министра Рашида Караме) открыто придерживалось просирийской ориентации. Это заставило лидера друзской общины В. Джумблата перейти в оппозицию существующему режиму и сотрудничеству с маронитским блоком.

Оппозиция призывала к проведению демократических выборов, прекращению сирийского вмешательства, укреплению солидарности всех ливанцев, вне зависимости от конфессиональной принадлежности. После ухода в отставку к антисирийской оппозиции присоединился и бывший премьер-министр Ливана Р. Харири. Многие считали, что такой альянс может изменить баланс политических сил в стране и значительно увеличить шансы оппозиционеров на победу в парламентских выборах в мае 2005 г.

Несмотря на то, что в состав блока входили представители различных религиозных групп, в том числе и мусульмане, важную роль в нем по-прежнему играли марониты.

14 февраля 2005 г. в результате террористического акта погиб Рафик Харири. Ливанская оппозиция возложила ответственность за убийство Харири на ливанские и сирийские власти и

призвала мировое сообщество создать специальную международную комиссию для расследования этого преступления. Бывший президент Ливана Амин Жмайель заявил о том, что если Сирия не причастна к убийству Харири непосредственно, то она виновата в том, что не предотвратила это преступление. Один из лидеров ливанской оппозиции, генерал Мишель Аун, также обвинил в произошедшей трагедии президента Э. Лахуда и сирийцев.

Дамаск, в свою очередь, обвинил ливанскую оппозицию в использовании убийства Харири в предвыборных целях. Сирийский лидер заявил, что он готов оказать максимальное содействие следствию, чтобы узнать, кто стоял за этим преступлением. Сирия также обвинила в убийстве экс-премьера Ливана Израиль, расценивая это как попытку снова привести страну к хаосу и гражданской войне.

По мнению британского политолога, специалиста по сирийско-ливанским отношениям Патрика Сила, причастность Дамаска к ликвидации Харири маловероятна, так как это выглядело бы как «самоубийственный акт» сирийского режима. Он считает, что убийство Харири – дело рук одного из многочисленных врагов сирийского режима, главными среди которых являются Израиль, правохристианские и ультраисламистские политические группировки в Ливане.

В феврале 2005 г. представители ливанской оппозиции, неформальным лидером которой стал В. Джумблат, заявили о начале мирной интифады за независимость. Оппозиционеры потребовали сформировать переходное правительство для обеспечения немедленной эвакуации сирийских войск из Ливана и создания необходимых условий для проведения честных и свободных парламентских выборов. Они обратились к международному сообществу и ливанской диаспоре за рубежом оказать содействие в их борьбе.

В стране начались массовые антисирийские демонстрации, объединившие представителей разных общин страны; численность протестовавших составляла, по разным оценкам, от 25 до 50 тыс. человек. Демонстрации в поддержку оппозиции были проведены ливанскими эмигрантами в ряде городов мира: Сиднее, где собралось до 10 тыс. человек, Сан-Франциско, Дюссельдорфе, Монреале, Лондоне. Многочисленные акции протеста оппозиционеров были поддержаны международным сообществом, что в итоге привело к выводу сирийских войск из Ливана в апреле 2005 г.

Сирийское военное присутствие и политическое влияние в Ливане способствовали завершению боевых действий, разоружению негосударственных воинских формирований и в конечном итоге – стабилизации ситуации. Вместе с тем в стране изменился религиозный и политический ландшафт: укрепились мусульманские, главным образом шиитские партии и организации, и были значительно ослаблены правохристианские силы.

Новый политический водораздел в ливанском обществе прошел по линии «за» или «против» Сирии и рассек религиозные общины, создав блоки, в которые вошли представители различных конфессий. Так, антисирийский блок «14 марта» представляет суннитское движение «Аль-Мустакбаль», возглавляемое Саадом Харири (сыном убитого Рафика Харири), христианские «Ливанские силы», друзов под предводительством В. Джумблата. Ему противостоит блок «8 марта», в который входят шиитские партии «Хизбалла» и «Амаль», «Свободное патриотическое движение» М.Ауна и христианская организация «Марада» С.Франжье.

Состоявшиеся в марте 2009 г. парламентские выборы не сняли напряженность, а лишь усилили разногласия среди ливанцев. Так, победивший блок «14 марта» завоевал 71 место из 128 в парламенте, в то время как блок «8 марта» – 57 мест. Точно такой же расклад сил был в парламенте прежнего состава. Таким образом, политическая карта осталась без изменений. В этой связи ливанская пресса и многие политологи высказывали опасения, что страна находится на грани нового кризиса.

Происходящие события в Сирии усиливают раскол в ливанском обществе. Лидеры блока «14 марта» В.Джумблат и С. Харири, критикуя нынешний сирийский режим, поддерживают требования сирийской оппозиции об уходе Б. Асада с поста президента. Просирийские партии, входящие в блок «8 марта», выражают свою поддержку Б.Асаду. Об этом неоднократно заявлял лидер «Свободного патриотического движения» М.Аун, такую же позицию занимают шиитские партии «Хизбалла» и «Амаль». О непримиримости противоборствующих сторон свидетельствует тот факт, что на состоявшейся в начале 2012 г. встрече лидеров политических фракций ливанского парламента, несмотря на все усилия его председателя Н. Берри, так и не удалось достигнуть компромисса[12].

[1] Assaf G. The Displacement of People in Lebanon. – Beirut, 1992, с. 4–7.
[2] Ibid., с. 12–13.
[3] http:// www.emigrants.gov.lb.
[4] *Гасратян А.* Проблемы социально-экономического развития Ливана. – М., 2004, с. 84.
[5] Там же, с. 92.
[6] The Middle East and North Africa. – L., 2007, с. 683.
[7] http:// www.lebanonwire.com // Lebanon-Syria Treaty of Brotherhood, Cooperation and Coordination, May 20, 1991.
[8] http:// www.phoenicia.org / maronits html /
[9] http:// www.lebanonlinks.net.
[10] http:// www.lcps-lebanon.org // Postwar Institutional Development in Lebanon: in Assessment for Foreign Assistance, 1992.
[11] The Middle East Journal. N.Y., 2006, с. 102.
[12] Мустакбаль, 12.02.2012.

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ИНСТИТУТОМ ИЗУЧЕНИЯ ИЗРАИЛЯ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА*

1995 г.

1. **А.З.Егорин:** "Война за мир на Ближнем Востоке".
2. **А.В.Федорченко:** "Сельское хозяйство Израиля".
3. "Арабские страны: проблемы социально-экономического и общественно-политического развития" (совместно с ИВ РАН).
4. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 1.

1996 г.

5. **Абу Мазен (Махмуд Аббас):** "Путь в Осло".
6. **С.М.Гасратян:** "Религиозные партии Государства Израиль".
7. **А.З.Егорин:** "Современная Ливия".
8. **Л.Н.Руденко:** "Регулирование внешнеэкономической деятельности в странах Персидского Залива".
9. **А.В.Федорченко:** "Израиль накануне XXI века".
10. **А.О.Филоник, В.А.Исаев, А.В.Федорченко:** "Финансовые структуры Ближнего Востока".
11. **А.О.Филоник, Н.Г.Рогожина:** "Юго-Западная и Юго-Восточная Азия: проблемы водных ресурсов".
12. "Арабский мир в конце XX века". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
13. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 2.

1997 г.

14. **А.З.Егорин, В.А.Исаев:** "Объединенные Арабские Эмираты".

---

* Примечание: Институт переименован в 2005 г.

15. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

16. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 3.

17. **Н.М.Мамедова:** "Иран в XX веке. Роль государства в экономическом развитии".

18. "Турция: современные проблемы экономики и политики". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

19. Коллектив авторов "Сирийская Арабская Республика".

20. **А.О.Филоник, В.М.Ахмедов, Л.Н.Руденко, З.А.Соловьева, Н.Ю.Ульченко:** "Рынки Ближнего Востока".

21. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 4.

1998 г.

22. **А.Г.Ковтунов:** "Проблемы интеграции стран Магриба".

23. "Страны Ближнего Востока" Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

24. **А.В.Федорченко:** "Экономика переселенческого общества (совместно с ИВ РАН)".

25. **С.Б.Багдасаров и А.Н.Чавушьян:** "Военный и военно-экономи-ческий потенциал стран Ближнего и Среднего Востока" (информационно-аналитический справочник, совместно с ИВ РАН).

26. **Л.И.Данилов:** "Кто есть кто в Иорданском Хашимитском Королевстве".

27. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 5.

28. "Актуальные проблемы Ближнего Востока". Сборник.

29. **К.А.Капитонов:** "Ближний Восток в лицах".

30. "Современная Саудовская Аравия". Справочник.

31. **К.З.Хамзин:** "Водные ресурсы бассейна реки Иордан и арабо-израильский конфликт".

32. "Афганистан: Война и проблемы мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

33. **М.Г.Закария, А.И.Яковлев:** "Нефтяные монархии Аравии на пороге XXI в."

34. "Иран: Эволюция исламского правления". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

1999 г.

35. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей вып. 3 (совместно с ИВ РАН).

36. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 6.

37. **Г.И.Гучетль:** "Демократизация в Арабском мире: опыт Туниса и Сирии" (совместно с ИВ РАН).

38. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Государство Катар: проблемы развития".

39. "Национализм и фундаментализм на Ближнем Востоке". Материалы конференции. Москва, 04.02.99 г.

40. "Окружающая среда и развитие в Арабском мире ". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

41. **В.А.Ушаков:** "Иран и Мусульманский мир".

42. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 7.

43. **Е.Я.Сатановский:** "Экономика Израиля в 90-е годы".

44. "Эволюция политических систем на Востоке" (Совместно с ИВ РАН).

45. **Е.С.Мелкумян:** "ССАГПЗ в глобальных и региональных процессах".

46. **В.В.Кунаков:** "Турция и ЕС: проблемы экономической интеграции".

47. **А.И.Яковлев:** "Саудовская Аравия: пути эволюции" (совместно с ИВ РАН).

48. **М.А.Сапронова:** "Политика и конституционный процесс в Алжире (1989–1999)" (совместно с ИВ РАН).

49. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 8.

50. "Востоковедный сборник".

2000 г.

51. "Турецкая Республика". Справочник (совместно с ИВ РАН).

52. **М.Р.Арунова:** "Афганская политика США в 1945–1999 гг." (совместно с ИВ РАН).

53. "Политическая элита Ближнего Востока". Сборник.

54. "Ближний Восток: проблемы региональной безопасности". Сборник статей (совместно с РАЕН).

55. **С.Э.Бабкин:** "Движения политического ислама в Северной Африке" (совместно с ИВ РАН).

56. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 9.

57. "Арабский Восток: ислам и реформы". Сборник статей (Совместно с Институтом Африки РАН).

58. "Афганистан: проблемы войны и мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

59. **Аль-Харири Мухаммад:** "Налоговые системы Сирии и Египта".

60. **В.В.Азатян, А.А.Ткаченко:** "Интеграционные процессы в экономике стран Северной Африки" (совместно с Институтом Африки РАН).

61. **К.И.Поляков:** "Исламский фундаментализм в Судане".

62. "Миграционные процессы и их влияние на израильское общество". Сборник статей (Совместно с Иерусалимским университетом и Открытым университетом Израиля).

2001 г.

63. "Турция между Европой и Азией". Итоги европеизации на исходе XX века. Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

64. "Ислам и политика". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

65. **Е.Я.Сатановский:** "Израиль в современной мировой политике".

66. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Султанат Оман" (совместно с ИВ РАН).

67. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 10.

68. **А.Г.Вирабов:** "Алжир: кризис власти" (Кризис общественного строя Алжира и перспективы его либерализации) (совместно с ИВ РАН).

69. **"**Исламизм и экстремизм на Ближнем Востоке". Сборник статей (совместно с Академией геополитики и безопасности).

70. **К.И.Поляков, А.Ж.Хасянов:** "Палестинская национальная автономия: опыт государственного строительства".

71. **К.И.Поляков:** "Арабские страны и ислам в России (90-е годы XX века)".

72. **Зеэв Гейзель:** "Политические структуры Государства Израиль"

73. "Востоковедный сборник". Выпуск второй.

74. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 11.

75. "Россия на Ближнем Востоке". Материалы конференции.

76. **С.Э.Бабкин:** "Религиозный экстремизм в Алжире".

77. "Мусульманские страны у границ СНГ". Сборник статей, (совместно с ИВ РАН).

78. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 12.

2002 г.

79. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 13.

80. **Н.Ю.Ульченко:** "Экономика Турции в условиях либерализации (80–90-е годы)" (совместно с ИВ РАН).

81. "Мусульмане на Западе". Сборник статей (Совместно с РАЕН).

82. "Востоковедный сборник". Выпуск третий.

83. "Афганистан на переходном этапе (сентябрь 2001 – июнь 2002 г.)". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).

84. **М.Ф.Видясова, М.Ш.Умеров:** "Египет в последней трети XX века (Опыт либерализации экономики и политической системы)" (совместно с ИСАА, МГУ).

85. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 14.

86. **Р.Р.Сикоев:** "Талибы (религиозно-политический портрет)" (совместно с ИВ РАН).

87. "Востоковедный сборник". Выпуск четвертый.

88. "Армия и власть на Ближнем Востоке". Сборник статей.

89. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 15.

90. **М.П.Гучанин:** "Турция и США: основные этапы торгово-экономического сотрудничества".

91. **С.М.Задонский:** "Ядерная программа Ирана и российско-американские отношения".

92. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 16.

2003 г.

93. **С.В.Бондаренко, А.А.Ткаченко:** "Нефть и газ Египта и Алжира на рубеже XX–XXI вв."

94. **Д.Полисар:** "Выбирая диктатуру. (Ясир Арафат и формирование органов власти палестинской администрации)". Перевод А.Д.Эпштейна.

95. "Российско-турецкие отношения: история, современное состояние и перспективы". Сборник статей (совместно с ИВ РАН, ИСАА).

96. **Алек Д.Эпштейн:** "Бесконечное противостояние. (Израиль и арабский мир: войны и дипломатия, история и современность)".

97. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Кувейт: Контуры экономических перемен" (совместно с ИВ РАН).

98. **О.В.Плешов:** "Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане" (совместно с ИВ РАН).

99. "Ирак: первые итоги, выводы, уроки". Сборник.

100. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 17.

101. **М.З.Ражбадинов:** "Радикальный исламизм в Египте" (совместно с ИВ РАН).

102. "Иракский кризис. Международный и региональный контекст". Материалы "круглого стола" ИСАА. Апрель 2003 г.

103. "Иран и СНГ". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

104. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 18.

105. "Саудовская Аравия: эволюция режима и пределы возможного в политическом развитии" Сборник статей.

106. **Г.Г.Косач, Е.С.Мелкумян:** "Внешняя политика Саудовской Аравии". Приоритеты, направления, процесс принятия решения".

107. "Афганистан и сопредельные страны". Сборник статей (совместно с РАЕН).

108. **В.М. Ахмедов:** "Сирия на рубеже столетий. Власть и политика" (совместно с ИВ РАН).

109. **В.П.Юрченко:** "Египет: проблемы национальной безопасности".

110. "Востоковедный сборник". Выпуск пятый.

111. "Российско-саудовские отношения: проблемы и перспективы" (по материалам круглого стола).

112. "Ирак под американским управлением: демократизация или вьетнамизация» (по материалам круглого стола).

113. "Арабо-израильский конфликт: старые проблемы и новые планы". Сборник статей.

114 **Е.И.Уразова:** "Экономическое сотрудничество Турции и тюркских государств СНГ" (совместно с ИВ РАН).

115. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 19.

116. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 20.

117. **М.С.Сергеев:** "Берберы Северной Африки: прошлое и настоящее"

118. **А.Р.Аганин, З.А.Соловьева:** "Современная Иордания".

2004 г.

119. **Владимир (Зеэв) Ханин:** "«Русские» и власть в современном Израиле".

120. "Программы урегулирования палестино-израильского конфликта: три года после переговоров в Кемп-Дэвиде и Табе". Сборник статей и документов под редакцией **Алека Д.Эпштейна**.

121. **А.О.Филоник, А.И.Вавилов:** "Саудовская Аравия: поиски внутренней гармонии" (совместно с ИВ РАН).

122. **Е.И.Миронова:** "Алжир: смена приоритетов развития" (совместно с Институтом Африки).

123. "Иракский кризис". Аналитические записки.

124. "Терроризм". Сборник статей.

125. "Ислам на современном Востоке. Регион стран Ближнего и Среднего Востока, Южной и Центральной Азии". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

126. **И.А. Новиков:** "Оружие массового поражения на Ближнем Востоке" (совместно с информационно-аналитическим центром "Акцент").

127. "Иран и Россия". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

128. "Офицерский корпус ближневосточных государств". Сборник.

129 "Россия и США на Ближнем Востоке". Аналитические записки.

130. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 21.

131. "Армия, ВТС, ОМП на Ближнем Востоке". Аналитические записки.

132. "Проблемы Ближнего Востока. Аналитические записки".

133. "Курдский вопрос на рубеже тысячелетий" (круглый стол 19.02.2004).

134. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 22.

135. "Турция в новых геополитических условиях". Материалы круглого стола, март 2004 г. (совместно с ИВ РАН).

136. "Израиль и арабо-израильский конфликт. Аналитические записки".

137. "Иран. Аналитические записки".

138. **А.В.Федорченко, О.А.Зайцева, Д.А.Марьясис:** "Израиль в начале XXI века".

139. **И.А.Матвеев:** "Национальная и общеарабская слагаемые политики Сирии на Ближнем Востоке".

140. "Современный Исламский Восток и страны Запада". Сборник статей.

141 **А.В.Гасратян:** "Проблемы социально-экономического развития Ливана (1970–2000 гг.)".

142. **В.П.Юрченко:** "Сирия: проблемы национальной безопасности. (Военная политика и военное строительство в период правления ПАСВ 1963–2004 гг.)"

143. "Палестино-израильский конфликт в зеркале общественного мнения и международной дипломатии". (Сборник статей и документов) под редакцией **Алека Д. Эпштейна**.

144. «Афганистан в начале XXI века». Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

145. **М.З.Ражбадинов:** "Египетское движение «Братьев-мусульман»" (совместно с ИВ РАН).

146. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 23.

147. «Сирия. Проблемы внутриполитической стабильности и внешней безопасности» (материалы круглого стола, 21 сентября 2004 г.).

148. «Ирак: 100 дней переходного правительства».

149. "Востоковедный сборник". Выпуск шестой.

150. "Иран после парламентских выборов" (Круглый стол 27.04.2004 г.). Сборник статей.

151. **Б.В.Долгов:** "Исламистский вызов и алжирское общество" (совместно с ИВ РАН).

152. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 24.

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ИНСТИТУТОМ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА*

2005 г.

153. **М.К.Занбуа, А.О.Филоник:** "Формирование производственной инфраструктуры в Сирии (1946–2004)"

154. **Р.Г.Ланда:** "Политический ислам: предварительные итоги".

155. **Алек Д. Эпштейн:** "Израиль и проблема палестинских беженцев: история и политика".

156. **О.В.Плешов:** "Ислам и политическая культура в Пакистане" (Совместно с ИВ РАН).

157. "Ислам и общественное развитие в начале XXI века" (Совместно с ИВ РАН).

158. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 25.

159. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 26.

160. **А.В.Рясов:** "«Левые» на Арабском Востоке: ливийский опыт".

161. **И.М.Мохова:** "Западное Средиземноморье: проблемы интеграции".

162. **Н.З.Мосаки:** "Курдистан: ресурсы и политика". Часть 1, Часть 2 (Совместно с ИВ РАН).

2006 г.

163. **Алек Д. Эпштейн:** "Израиль в эпоху «пост-сионизма»: наука, идеология и политика".

164. **Владимир (Зеэв) Ханин:** "Вокруг размежевания: общество и политика Израиля в 2005 году".

165. "Афганистан, Иран, Пакистан: время выборов и перемен". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).

166. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 27.

167. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 28.

---

* Примечание: Институт переименован в 2005 г.

168. **Л.Н.Руденко:** "Проблемы привлечения иностранных инвестиций в арабские страны в условиях глобализации" (Совместно с ИВ РАН).

169. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Королевство Бахрейн" (Совместно с ИВ РАН).

170. "Востоковедный сборник". Выпуск седьмой.

171. **А.Г.Бакланов:** "Ближний Восток: «Дорожная карта» региональной безопасности".

172. **Алек Д. Эпштейн:** "Почему провалилась «Дорожная карта»?".

173. **Д.А.Нечитайло:** "Международный исламизм на Северном Кавказе".

174. **М.А.Сапронова:** "Иракская конституция в прошлом и настоящем" (Из истории конституционального развития Ирака).

175. **Алек Д. Эпштейн:** "Израильская война против «Хезболлы» и формирование новых контуров ближневосточной политики".

176. "Курдский вопрос в Западной Азии в начале XXI века". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).

177. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 29.

178. "Современная Турция: проблемы и решения". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).

179. **С.Ю.Серёгичев:** "Судан: исламо-традиционализм и армия".

2007 г.

180. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 30.

181. "Государство Израиль: политика, экономика общества". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).

182. "**К.В.Вертяев:** "Курдский вопрос в политике Турции (конец XX – начало XXI века)" (Совместно с ИВ РАН).

183. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 31.

184. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 32.

185. **М.Н.Гусев:** "Исламский фактор в Юго-Восточной Азии. Роль внешних сил".

186. "Востоковедный сборник". Выпуск восьмой.

187. **Г.Г.Косач:** "Саудовская Аравия: внутриполитические процессы «этапа реформ" (конец 1990–2006 гг.).

188. **Д.А.Марьясис:** "Израиль в системе международных экономических отношений (1985–2005 гг.)" (Совместно с ИВ РАН).

189. **Л.Н.Руденко, З.А.Соловьева:** "Лига арабских государств и интеграционные процессы в арабском мире" (Совместно с ИВ РАН).

190. **Алек Д. Эпштейн:** "ХАМАС в региональной политике".

191. **С.Н.Саруханян:** "Ядерный фактор в российско-иранских отношениях".

192. **В.П.Юрченко:** "Военная политика и военное строительство в странах Арабского Востока (конец XX – начало XXI века)". Справочно-аналитическое издание. Часть 1 и часть 2.

193. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 33.

2008 г.

194. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 34 (Совместно с ИВ РАН).

195. **Г.А.Меламедов, Алек Д. Эпштейн:** "Дипломатическая битва за Иерусалим. Закулисная история" (Совместно с МГУ, ИСАА, Ассоциацией «Гишрей Тарбут»).

196. **В.В.Куделев:** " «Аль-Каида»: структуры, союзники и покровители".

197. **Г.Г.Косач:** "Саудовский дипломатический корпус: этапы эволюции и источники формирования".

198. **М.А.Сапронова:** "Правительство и парламент в арабских странах (правовой статус и политическая практика)".

199. **Е.С.Мелкумян:** "Регион залива: конфликты, компромиссы, сотрудничество" (Совместно с ИВ РАН).

200. **Е.А.Кудров:** "Конфликт в Дарфуре: основные причины и тенденции".

201. **Алек Д. Эпштейн:** "Израиль и (не)контролируемые территории: уйти нельзя остаться" (Совместно с Ассоциацией «Гишрей Тарбут»).

202. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 35 (Совместно с ИВ РАН).

203. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 36 (Совместно с ИВ РАН).

204. "Турция накануне и после парламентских и президентских выборов 2007 г." Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).

205. **И.А.Свистунова:** "Иракский фактор во внешней политике турецкой республики (1990–2007 г.).

206. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 37 (Совместно с ИВ РАН).

2009 г.

207. **Алек Д. Эпштейн:** "Антитеррористический террор".

208. **В.В.Евсеев, В.И.Сажин:** "Иран, уран и ракеты".

209. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 38 (Совместно с ИВ РАН).

210. **А.Б.Подцероб:** "Ислам во внутренней и внешней политике стран Магриба".

211. **В.В.Куделев:** "Аль-Каида" и война в Ираке".

212. "Ближний Восток: вызовы XXI века". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).

213. **Алек Д. Эпштейн:** "Израильтяне и палестинцы: от конфронтации – к переговорам и обратно" (Совместно с ассоциацией «Гишрей Тарбут»).

214. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 39 (Совместно с ИВ РАН).

215. **В.И.Месамед:** "Иран-Израиль: от партнерства к конфликту".

216. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 40 (Совместно с ИВ РАН).

2010 г.

217. **Ю.С.Кудряшова:** "Турция и Европейский Союз: история, проблемы и перспективы взаимодействия".

218. **И.И.Стародубцев:** "Топливно-энергетический комплекс Турции и энергетический фактор в российско-турецких отношениях". (Совместно с МГИМО)

219. "Турция в условиях новых внутренних реалий". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).

220. **Ю.В.Зинькина:** "Коптская община современного Египта: Проблемы и перспективы".

221. **В.Чернин:** "Ближневосточный фронтир. Израильское поселенчество: история и современность". (Совместно с ассоциацией «Гишрей Тарбут»).

222. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 41 (Совместно с ИВ РАН).

223. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 42 (Совместно с ИВ РАН).

224. **В.И.Месамед:** "Иран в Центральной Азии: два десятилетия диалога"

2011 г.

225. "ШОС и страны Ближнего и Среднего Востока (К 10-летию образования ШОС)". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).

226. **Алек Д. Эпштейн:** "Россия и Израиль: трудный путь навстречу" (Совместно с Центром содействия гуманитарному образованию общества «Право Мира»).

227. **Алек Д. Эпштейн:** "Генезис и закат "левого" Израиля".

228. **Д.О.Бирюков:** "Правовое регулирование рынка ценных бумаг государств Ближнего Востока".

229. **Н.А.Кожанов:** "Экономические санкции против Ирана: цели, масштабы, возможные последствия введения".

230. Турция после референдума 2010 года (Межвузовская студенческая конференция. Москва, 17 февраля 2011 г.) (Совместно с МГИМО).

231. **С.Ю.Серёгичев:** "Современный Судан: от единства к разделу" (Совместно с РГГУ).

232. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 43 (Совместно с ИВ РАН).

233. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 44 (Совместно с ИВ РАН).

234. "Современный Афганистан и сопредельные страны". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН)

235. **Н.З. Мосаки:** "Курдистан и курдский вопрос политики запада и России (90-е годы XX века – начало XXI века)". (Совместно с ИВ РАН)

236. **И.И. Стародубцев:** "Трансформирующаяся Турция" (Совместно с МГИМО)

2012 г.

237. **Алек Д. Эпштейн:** "Государство Израиль перед вызовом исламизма: «арабская весна» и ее влияние на еврейское государство"

238. **С.В. Алейников:** "Политическая ситуация и проблемы национального применения в Сомали"

239. **А.В. Салийчук:** "Экономическая либерализация и макроэкономическая результативность Египта, Иордании и Туниса" (Совместно с ИВ РАН)

Адрес в Интернете: www.iimes.ru

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF ISRAELI

AND MIDDLE EASTERN STUDIES

1995

1. "War for peace in the Middle East" by **A.Egorin**

2. "Agriculture in Israel" by **A.Fedorchenko**

3. "The socio–economic and political development in the Arab World". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

4. "The Contemporary Middle East" (collection of essays)

1996

5. "The road to Oslo" by **Abu Mazen (Mahmud Abbas)**

6. "Religious parties in the State of Israel" by **S.Gasratian**

7. "Contemporary Libya" by **A.Egorin**

8. "Regulation of external economic activity in the Persian Gulf countries" by **L.Rudenko**

9. "Israel on the eve of the XXI-th century" by **A.Fedorchenko**

10. "Financial Institutions in the Middle East" by **A.Filonik, V.Isaev and A.Fedorchenko**

11. "Water resources in the South West and South East Asia" by **A.Filonik and N.Rogozhina**

12. "The Arab World in the end of the XX-th century" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

13. "The Contemporary Middle East" № 2 (collection of essays)

1997

14. "United Arab Emirates" by **A.Egorin and V.Isaev**

15. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

16. "The Contemporary Middle East" № 3 (collection of essays)

17. "Iran in the XX-th Century. The Role of State in Economic Development" by **N.Mamedova**

18. "Turkey: Problems of modern Economy and Policy" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

19. The Syrian Arab Republic"

20. "Markets in the Middle East" by **A.Filonik, V.Ahmedov, L.Rudenko, Z.Solovieva, N.Ultchenko**

21. "The Contemporary Middle East" № 4 (collection of essays)

1998

22. "Problems of integration among the Arab Magrib countries" by **A.Kovtunov**

23. "Countries of the Middle East" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

24. "Settler Society Economy: Israeli Model" by **A.Fedorchenko**

25. "Military and military – economic Potential of the Middle Eastern Countries" by **S.Bagdasarov and A.Chavushian** In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

26. "Who is Who in the Hashemite Kingdom of Jordan" by **L.Danilov**

27. "The Contemporary Middle East" № 5 (collection of essays)

28. "Actual Problems of the Middle East"

29. " Political Portraits of the Middle East" by **K.Kapitonov**

30. "The contemporary Saudi Arabia"

31. "Water Resources of the Jordan River Basin and the Arab–Israeli Conflict" by **K.Khamzin**

32. "Afghanistan: War and Problems of Peace" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

33. "Oil Monarchies of Arabian peninsula on the edge of XXI century" by **M.Zakaria and A.Yakovlev**

34. "Iran: Evolution of Islamic Rule" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

1999

35. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa" № 3, (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

36. "The Contemporary Middle East" № 6 (collection of essays)

37. "Democratization in the Arab World: the case of Tunisia and Syria" by **G.Guchetl**

38. "The State of Qatar: problems of development" by **A.Filonik and V.Isaev**

39. "Nationalism and Fundamentalism in the Middle East". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

40. "The Environment and Development in the Arab World" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

41. "Iran and the Muslim World" by **V.Ushakov**

42. "The Contemporary Middle East" № 7 (collection of essays)

43. "Israeli Economy in the 90's" by **Eu.Satanovsky**

44. "Evolution of political Systems in the East". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

45. "GCC in global and regional processes" by **E.Melkumian**

46. "Turkey: Problems of economic integration" by **V.Kunakov**

47. "Saudi Arabia in Evolution" by **A.Yakovlev**

48. "Policy and constitutional Process in Algeria (1989-1999)" by **M.Sapronova**

49. "The Contemporary Middle East" № 8 (collection of essays)

50. "Oriental Records" (collection of essays)

2000

51. "Republic of Turkey"

52. "U.S. Policy in Afghanistan in 1945-1999" by **M.Arunova**

53. "Political Elite in the Middle East"

54. "The Middle East: Problems of regional Security" (collection of essays). In association with the Russian Academy of Natural Sciences

55. "The Movements of Political Islam in Northern Africa" by **S.Babkin**

56. "The Contemporary Middle East" № 9 (collection of essays)

57. "The Arab World: Islam and Reforms" (collection of essays)

58. "The Afghanistan: Problems of War and Piece" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

59. "Tax Systems in Syria and Egypt" by **Al-Hariri Muhammad**

60. "Processes of Integration in the Economy of Northern Africa States" by **V.Azatian and A.Tkachenko**

61. "Islamic Fundamentalism in the Sudan" by **K.Polyakov**

62. "Mass Migration and its Impact on the Israeli Society" (collection of essays)

2001

63. "Turkey between Europe and Asia" In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

64. "Islam and Policy" (collection of essays)

65. "Israel in the Contemporary World Policy" by **Eu.Satanovsky**

66. "The Sultanate of Oman" by **A.Filonik and V.Isaev**

67. "The Contemporary Middle East" № 10 (collection of essays)

68. "Algeria: crisis of power" by **A.Virabov**

69. "Islamism and Extremism in the Middle East" (collection of essays) In association with the Academy of Geopolicy and Security

70. "The Palestinian National Autonomy: the Experience of the State Creation" by K.Polyakov and A.Hasyanov

71. "Arab Countries and Islam in Russia" by **K.Polyakov**

72. "Political Structures in the State of Israel" by **Ze'ev Geyzel**

73. "Oriental Records" № 2 (collection of essays)

74. "The Contemporary Middle East" № 11 (collection of essays)

75. "Russia in the Middle East" (conference papers)

76. "Religious Extremism in Algeria" by **S.Babkin**

77. "Muslim Countries at the Borders of the CIS" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

78. "The Contemporary Middle East" № 12 (collection of essays)

2002

79. "The Contemporary Middle East" № 13 (collection of essays)

80. "Turkish Economy under liberalization" by **N.Ultchenko**

81. "Muslims in the West" (collection of essays). In association with the Russian Academy of Natural Sciences

82. "Oriental Records" № 3 (collection of essays)

83. "Afghanistan in a Transition" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

84. "Egypt in the last third of the 20th Century" by **M.Vidiassova and M.Umerov**

85. "The Contemporary Middle East" № 14 (collection of essays)

86. "Taliban (the Religious and Political Profile)" by **R.Sikoev**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

87. "Oriental Records" № 4 (collection of essays)

88. "Army and Power in the Middle East" (collection of essays)

89. "The Contemporary Middle East" № 15 (collection of essays)

90. "Turkey and USA: main Stages in Trade and Economic Cooperation" by **M.Guchanin**

91. "The Nuclear Program of Iran and Russian-American Relations" by **M.Zadonsky**

92. "The Contemporary Middle East" № 16 (collection of essays)

2003

93. "Oil and Gas in Egypt and Algeria on the Verge of Two Centuries." by **S.Bondarenko and A.Tkachenko**

94. "Electing Dictatorship: Why Palestinian Democratization Failed" by **D.Polisar**

95. "Russia-Turkey Relations: History, present State and Perspectives" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences and the Institute of Asia and Africa

96. "An Everlasting Confrontation. Israel and the Arab World: Wars and Diplomacy" by **A.D.Epstein**

97. "Kuwait: Contours of Economic Changes" by **A.Filonik and V.Isaev**

98. "Islam, Islamism and nominal Democracy in Pakistan" by **O.Pleshov.** In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences and the Institute of Asia and Africa

99. "Iraq: First Results, Conclusions, Lessons" (collection of essays.

100. "The Contemporary Middle East" № 17 (collection of essays)

101. "Radical Islamism in Egypt" by **M.Rajbadinov**

102. "Crisis in Iraq. International and Regional Context"

103. "Iran and CIS" (collection of essays)

104. "The Contemporary Middle East" № 18 (collection of essays)

105. "Saudi Arabia: Evolution of Regime and Possible Limits in Political Development" (collection of essays)

106. "Saudi Arabia External Policy" by **G.Kosach and E.Melkumyan**

107. "Syria at the Turn of the Centuries. Power and Politics" by **V.Ahmedov**

108. " Afghanistan and Neighboring Countries" (collection of essays)

109. "Egypt: Problems of National Security (1952–2002.)" by **V.Yurchenko**

110. "Oriental Records" № 5 (collection of essays)

111. "Russian-Saudi Relations: Problems and Perspectives" (collection of essays)

112. "Iraq under the American Administration: democratization or «viet-namization»"

113. "Arab-Israeli Conflict: Old Problems and New Plans" (collection of essays)

114."The Economic Co-operation between Turkey and the Turkic States of the CIS" by **E.Urazova**

115. "The Contemporary Middle East" № 19 (collection of essays)

116. "The Contemporary Middle East" № 20 (collection of essays)

117. "Berbers of North Africa: Past and Present" by **M. Sergeev**

118. "Contemporary Jordan" by **A.Aganin and Z.Solovieva**

2004

119. "The «Russians» and Power in the State of Israel" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin**

120. "Peaceful Settlement of the Palestine–Israeli Conflict: Three Years after Camp David and Taba Talks"(essays and documents) Edited by **Alek D. Epstein**

121. " Saudi Arabia: Search for Inner Harmony" by **A.Filonik** and **A.Vavilov**

122. "Algeria: Change of Priorities in Development" by **E.Mironova**

123. Analytical records. "Iraqi Crisis"

124. Analytical records. "Terrorism"

125. "Islam in Contemporary Orient. Region of Middle and Near East, South and Central Asia". (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

126. "Weapon of Mass destruction in the Middle East" by **I.Novikov**

127. "Iran and Russia" (collections of essays)

128. "Officer Corps in the Middle Eastern States" (collections of essays)

129 Analytical records. "Russia and USA in the Middle East"

130. "The Contemporary Middle East" № 21 (collection of essays)

131. Analytical records. "Army, Weapon of Mass Destruction, Military and Technical Cooperation in the Middle East"

132. Analytical records. "Problems of the Middle East"

133. "Kurdish Question at the turn of the Millennia"

134. "The Contemporary Middle East" № 22 (collection of essays)

135. "Turkey in the New Geopolitical Conditions (documents of the Round Table, March 2004)

136. Analytical records. "Israel and Arab-Israeli Conflict"

137. Analytical records. "Iran"

138. "Israel in the beginning of the XXI-th Century" by **A.Fedorchenko, O.Zaitzeva, D.Mariyasis**

139. "Contemporary Islamic East and European Countries" (collection of essays)

140. "National and Pan-Arab Components of the Syrian Policy in the Middle East (1946–2003)" by **I.Matveev**

141. "Problems of Social-economic Development of Lebanon (1970–2000)" by **A.Gasratian**

142. "Syria: problems of national security" by **V.Yurchenko**

143. "Palestine-Israeli conflict in the mirror of public opinion and international diplomacy" (collection of essays) Edited by **Alek D. Epstein**

144. "Afghanistan in the beginning of XXI-th Century" (collection of essays)

145. "Egyptian movement of «Muslim brothers»" by **M.Rajbadinov**

146. "The Contemporary Middle East" № 23 (collection of essays)

147. "Syria. Problems of Internal Political Stability and External Security" (documents of the Round Table, 21 September 2004)

148. "Iraq: 100 days of transition"

149. "Oriental Records" № 6 (collection of essays)

150. "Iran after Elections" (documents of the Round Table, April 2004)

151. "Islamic challenge and the Algerian society" by **B.Dolgov**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

152. "The Contemporary Middle East" № 24 (collection of essays)

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF MIDDLE EASTERN STUDIES

2005

153. "Creating of productional infrastructure in Syria" by **M.Zanbua and A.Filonik**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

154. "Political Islam: preliminary results" by **R.Landa**

155. "Israel and the problem of Palestinian refugees: history and policy" by **Alek D. Epstein**

156. "Islam and political culture in Pakistan" by **O.Pleshov**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

157. "Islam and social development in the beginning of XXI-th Century". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

158. "The Contemporary Middle East" № 25 (collection of essays)

159. "The Contemporary Middle East" № 26 (collection of essays)

160. "«Leftists» in the Middle East: Libyan experience" by **A.Rjasov**

161. "Western Mediterranean: problems of integration" by **I.Mokhova**

162. "Kurdistan: resources and policy" Part 1, Part 2 by **N.Mosaki.** In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

2006

163. "Israel in the era of post-zionism: science, ideology and policy" by **Alek D. Epstein**

164. "On the situation with delimitation: society and policy in Israel in 2005" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin**

165. "Afghanistan, Iran, Pakistan: time of elections and changes" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

166. "The Contemporary Middle East" № 27 (collection of essays)

167. "The Contemporary Middle East" № 28 (collection of essays)

168. "Globalization and capital investments process in the Arab World" by **L.Rudenko**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

169. "Kingdom of Bahrain" by **V.Isaev**, **A.Filonik**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

170. "Oriental Records" № 7 (collection of essays)

171. "The Middle East: «The Road Map» and regional security" by **A.Baklanov**

172. "Why did «The Road Map» fail?" by **Alek D. Epstein**

173. "International Islamism in the Northern Caucasus" by **D.Nechitailo**

174. "The Iraqi Constitution in the past and in the present" by **M.Sapronova**

175. "The War of Israel against «Hesbollah» and creation of new contour of the Middle Eastern policy" by **Alek D. Epstein**

176. "The Kurdish problem in the Western Asia in the beginning of XXI-th Century" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

177. "The Contemporary Middle East" № 29 (collection of essays)

178. "The Modern Turkey: problems and solutions" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

179. "The Sudan: the Islamic traditionalism and army" by **S.Seregichev**

2007

180. "The Contemporary Middle East" № 30 (collection of essays)

181. "The state of Israel: policy, economy, society" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

182. "The Kurdish problem in Turkish policy (the end of XX – the beginning of XXI centuries)" by **K.Vertiaev**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

183. "The Contemporary Middle East" № 31 (collection of essays)

184. "The Contemporary Middle East" № 32 (collection of essays)

187. "The Islamic factor in South-East Asia. The role of external forces" by **M.Gusev**

186. "Oriental Records" № 8 (collection of essays)

187. "Saudi Arabia: political processes and "Stages of Reform" (the end 1990–2006)" by **G.Kosach**

188. "Israel inside the world economic relations" by **D.Mariyasis**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

189 "The League of the Arab states and international process in the Arab world" by **L.Rudenko, Z.Solovieva**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

190. "HAMAS in the regional policy" by **Alek D. Epstein**

191. "The nuclear factor in Russian-Iranian relations" by **S.Sarukhanjan**

192. "The military policy and force development in the Middle East (the end of XX – the beginning of XXI centuries)" by **V.Yurchenko**

193. "The Contemporary Middle East" № 33 (collection of essays)

2008

194. "The Contemporary Middle East" № 34 (collection of essays)

195. "The diplomatic battle for Jerusalem. Behind-the-scene story" by **G.Melamed and Alek D. Epstein**. In association with the Institute of Asian and African Studies, Moscow State University and Gishrey Tarbut Association

196. "Al-Qaeda: the structure, the allians and the sponsors" by **V.Kudelev**

197. "Saudi Arabian diplomatic corps: stages of evolution and sources of formation" by **G.Kosach**

198. "Government and parliament in the arab countries (legal status and political practice)" by **M.Sapronova**

199. "The Persian Region: conflicts, compromises, cooperation" by **E.Melkumyan**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

200. "The conflict in the Darfur Province: main reasons and tedencies" by **E.Kudrov**

201. "Israel and (un)controlled territories: to leave or stay" by **Alek D. Epstein**. In association with the Gishrey Tarbut Association

202. "The Contemporary Middle East" № 35 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

203. "The Contemporary Middle East" № 36 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

204. "Turkey before and after 2007 parliamentary and presidential elections" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

205. "The Iraqi Factor in the foreign policy of the Republic of Turkey (1990–2007)" by **I.Svistunova**

206. "The Contemporary Middle East" № 37 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

2009

207. "Antiterroristic terror" by **Alek D. Epstein**

208. "Iran, uranium and rockets" by **V.Evseev**, **V.Sazhin**

209. "The Contemporary Middle East" № 38 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

210. "Islam in internal and external policy of Magrib" by **A.Podcerob**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

211. "Al-Qaeda and the war in Iraq" by **V.Kudelev**

212. "The Middle East: challenges of the XXI-st century" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

213. "Israelites and Palestinians: from confrontation to negotiations and back to the point" by **Alek D. Epstein**. In association with the Gishrey Tarbut Association

214. "The Contemporary Middle East" № 39 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

215. "Iran-Israel. From partnership to conflict" by **V.Mesamed**

216. "The Contemporary Middle East" № 40 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

2010

217. "Turkey and EU: history, problems and prospects for cooperation" by **U.Kudrjashova**

218. "Turkey's fuel and energy complex and oil and gas industries in Russian-Turkish relations" by **I.Starodubtcev**

219. "Turkey in the context of new internal circumstances" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

220. "Coptic community in contemporary Egypt: problems and prospects" by **U.Zinkina**

221. "Middle Eastern frontier. Israeli settlement: history and modernity" by **V.Chernin**

222. "The Contemporary Middle East" № 41 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

223. "The Contemporary Middle East" № 42 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

224. "Iran in Central Asia: two decades of dialogue" by **V.Mesamed**

2011 г.

225. "SCO and The Middle Eastern Countries (ten years of activity)" In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

226. "Russia and Israel: the hard road to each other" by **Alek D. Epstein**. In association with "The Law For Peace" Society

227. "The genesis and fall of «leftist» Israel" by **Alek D. Epstein**

228. "The legal regulation of the equity market in The Middle Eastern Countries" by **D.Birjukov**

229. "Economic sanctions against Iran: goals, scales, possible consequences of implication" by **N.Kozhanov**

230. "Turkey after the 2010 referendum" (Interacademic student conference. Moscow, February 17 2011). In association with the Moscow State Institute of Foreign Relations

231. "The Conteporary Sudan: from unity to division" by **S.Seregichev**. In association with the Russian State University for the Humanities

232. "The Contemporary Middle East" № 43 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

233. "The Contemporary Middle East" № 44 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

234. "The contemporary Afghanistan and neighboring countries" (collection of essays) In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

235. "Kurdistan and Kurdish question in Western and Russian policy (90s of the XXth century – the beginning of the XXIst century)" by **N.Z. Mosaki**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

236. "The transforming Turkey" by **I.I. Starodubtsev**. In association with the Moscow State Institute of Foreign Relations

2012 г.

237. "The State of Israel and the challenge Islamism: «the Arab spring» and its impact of the Jewish state" by **Alek D. Epstein**

238. "Political situation and problems of national reconciliation in Somalia" by **S.V. Aleinikov**

239. "Economic liberalization and macroeconomic efficiency of Egypt, Jordan and Tunisia" by **A.V. Saliychuk**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

Internet: www.iimes.ru

Научное издание

БЛИЖНИЙ ВОСТОК И СОВРЕМЕННОСТЬ

ВЫПУСК СОРОК ШЕСТОЙ

Подписано в печать 26.07.2012 г.
Формат 60x90/16. Печать офсетная
Бумага офсетная №1 Объем 18,5 уч. изд. л.
Тираж 200 экз. Тип. Зак. № 164

Типография «Вишневый пирог»
115114, Москва, 2-й Кожевнический пер., 12